ПРОФ. Е. В. ТИТЛИНОВ.

ЦЕРКОВЬ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БЫЛОЕ"
ПЕТРОГРАД, 24

83836

Проф. Б. В. ТИТЛИНОВ

БИБЛИОТЕКА ОТДЕЛА Ц.К.Р.К.

ЦЕРКОВЬ

ВО ВРЕМЯ

РЕВОЛЮЦИИ

88024875 Библиотека АП РФ

БИБЛИОТЕКА ЦК ВКП(б)

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БЫЛОЕ“
ПЕТРОГРАД
1924

Государственная
учебно-практ. школа-типография
им. т. Алексеева.
Петроград. Красная, 1.

Петрооблит № 9804. Напечатано 4.000 экз.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ.

Положение православной церкви в России в период царизма обычно характеризуется, как состояние союза с государством.

Такая характеристика, хотя сама по себе является односторонней, но в общем верно определяет церковную действительность. Односторонность ее в том, что отношениями к государству не исчерпываются, конечно, все стороны церковной жизни. Но русская церковная жизнь сложилась так, что именно связь церкви с государством составила ее отличительную черту, налагающую свой отпечаток на все проявления церковной деятельности. Рассматривать русскую церковь в исторической перспективе, значит рассматривать ее, главным образом, в рамках государственного бытия. Поэтому совершенно правильно для общей характеристики положения церкви исходить, как из центральной точки, из установившихся церковно-государственных отношений.

Православная церковь была в России в союзе с государством с самого начала своего существования. По государственной инициативе древняя языческая Русь приняла христианство из Византии, и государственная власть явилась первою устроительницею церковной организации на русской территории. Вполне естественно, что между государством и церковью сразу же завязались близкие отношения. И также вполне естественно, что эти отношения сложились в России по византийскому образцу, откуда была заимствована самая церковность.

Однако, связь русской церкви с государством не сразу приобрела ту форму, в какую она вылилась в последний период нашей истории. В первые века существования церкви на Руси, до XV столетия, связанность церкви с государством имела вид, действительно, напоминающий союз двух сторон более или менее равноправных. Недостаточно окрепшая еще государственность не располагала силою давления на церковь, и последняя определяла себя самостоятельно и даже иногда становилась в опекунскую роль по отношению к государственной власти. Государство предоставило церкви все права и привиллегии государственной религии, снабдило ее материальными средствами, предоставило в ее

распоряжение содействие государственного аппарата для ограждения церковных интересов. Но государственная власть не вмешивалась в церковные дела и не стремилась подчинить церковь своему влиянию. Нуждаясь в свою очередь в церковной поддержке для целей государственных, особенно в деле утверждения суверенитета Москвы и великокняжеского стола за московскими князьями, русские князья скорее заискивали у церкви, чем ее принуждали к определенной политике. Политическую линию своего поведения церковь избрала добровольно и сама уже связала себя не с иной, а именно с московской властью. Если церковь обладала такой свободой самоопределения в сфере политической, то тем более—во внутренней церковной деятельности. Все вмешательство государственной власти в эту область ограничивалось услугами, оказываемыми церковной власти в осуществлении ее распоряжений.

Эта церковная самостоятельность первого периода объясняется у нас особыми условиями тогдашнего государственного положения. Византийский образец был совершенно неблагоприятен для подобной самостоятельности церкви. В Византии той эпохи, когда Русь приняла христианство, церковно-государственные отношения приняли уже давно характер явного подчинения церкви императорскому влиянию. Византийские патриархи были ставленниками императоров, а императоры были облечены всеми правами «хранителей догматов веры и благочестия», позволявшими им диктовать даже вероисповеданые формулы. Но в древней Руси не было сильной и единой государственной власти, и потому некому было взять на себя роль византийских монархов, верховных попечителей церкви. Объединенная церковная организация была сильнее разъединенной государственной и, как таковая, долго сохраняла выгодное положение силы, в которой нуждались князья и с которой считались все политические комбинации.

С XV в. начинает развиваться московское самодержавие и церковно-государственные отношения постепенно начинают терять характер равноправности сторон и приближаться к византийскому типу. В развитии самодержавия церковь сама принимала самое деятельное участие. Она именно принесла на Русь идеал самодержавной царской власти и всеми силами старалась воплотить его в русской действительности. Монашеская иерархия была духовной родительницей московского царизма. Можно смело сказать, что церковными руками насаждался византийский деспотизм на место русской вечевой и удельной вольности, и, не будь этого церковного влияния, русская история могла бы получить совсем другой характер. Почему церковь так старалась над укреплением самодержавия, которое в Византии давило ту же церковь? Во первых, конечно, потому,

что русская церковная идеология была не самобытной, а византийской, и для нее самодержавный режим представлялся отражением богоустановленного порядка в мире. Во вторых же, самодержавие, по духу церковно-послушное, обещало свои реальные выгоды в форме внешних благ, раздаваемых самодержавной властью. Церковные деятели московского периода не были дальновидными политиками. Они руководились интересом момента, а в тот момент, когда они «взращивали» московскую государственность, последняя оказывала церкви с своей стороны множество услуг и проявляла готовность служить церковным интересам. Когда же окрепнувшее самодержавие показало и обратную сторону медали, было уже поздно изменить дело и приходилось подчиниться сложившимся условиям.

Как бы то ни было, со времени утверждения московского единодержавия и самодержавия, русская церковь начала быстро терять свою самостоятельность и подпадать влиянию государственной власти. Московские цари, надевшие царскую корону при содействии тех же церковных рук, скоро вошли в роль византийских монархов, блюстителей веры и благочестия, и стали вмешиваться во все церковные дела. Царь—блюститель веры—мыслил себя в церкви уже не просто сыном, а и распорядителем, и действительно стал распоряжаться, не особенно стесняясь правами церковной власти. Замещение иерархических мест, порядок церковного управления и суда, заведывание и распоряжение церковным имуществом;—всюду проникло постепенно государственное влияние. В царствование Алексея Михайловича царское «ктиторство» в церкви приняло уже такой вид, что византийский образец был воплощен полностью, и столкновение с царем патриарха Никона только подчеркнуло факт утраты церковной самостоятельности, с которым никак не хотел примириться Никон.

Петровская церковная реформа окончательно отняла у церкви последние остатки самостоятельности и установила тот церковно-государственный режим, который получил название «цезаре-папизма». Церковь, как особая организация, рядом с государством, собственно перестала существовать. Упразднение патриаршества и учреждение синода обезглавило церковь, лишило ее самостоятельного представительства, не потому, что не стало главы церкви, а потому, что конструкция синода передавала бразды церковного управления прямо в руки власти государственной. Церковное правительство просто стало назначенным от правительства гражданского, и на месте церкви образовалось ведомство православного вероисповедания, под ближайшим надзором и руководительством царского уполномоченного—обер-прокурора. По ведомственному типу было пере-

строено все церковное управление, и архиереи и священники сделались чиновниками в рясах, вполне аналогично государственным чиновникам. Правда, был сохранен некоторый внешний декорум, как бы скрывавший сущность нового порядка. Но сущность эта не изменялась от декораций и открыто заявляла о себе даже в законодательных актах, когда, например, российский император назывался «главою церкви». Он, действительно, сделался такой «главой», светским папой, почему такой порядок и прозвали цезаре-папизмом.

Парализованная сверху, церковная самостоятельность была парализована и снизу, в своих первичных ячейках—приходах. Петровский режим постепенно сгладил все следы приходского самоуправления и бюрократизировал все церковные организации. Проявления церковной общественности в императорский период нашей истории сделались столь же одиозными, как проявления общественности вообще. Кровь в церковных жилах была остановлена руками государственной эскулапии, и за всяким «движением» в церкви государственная власть следила зоркими глазами своих агентов, коим поручена была охрана «государственного порядка». В свою очередь, из армии священников правительство пробовало сделать также своих сыщиков и контролеров, поручив им вести акты гражданского состояния и в качестве духовных отцов следить, не таит ли кто антиправительственных замыслов.

Система новых, после-петровских церковно-государственных отношений завершилась лишением церкви всякой материальной самостоятельности и установлением ее полной экономической зависимости от правительства. Церковные имущества, служившие источником содержания церковных учреждений и иерархии в до-петровское время, в XVIII веке постепенно были конфискованы государством. Для церковных учреждений был установлен государственный бюджет, и таким образом открывался путь самого чувствительного влияния на церковную среду в смысле подчинения ее видам правительственной политики. Зависимая от щедрот государственной власти, церковь вынуждалась тем внимательнее прислушиваться к ее указаниям. Правительство не склонно было содействовать образованию каких бы то ни было самостоятельных церковных ресурсов и, напротив, готово было принять на государственный счет содержание всего духовенства, когда в последние минуты царизма колеблющееся самодержавие лихорадочно искало себе опоры.

Цезаре-папизм императорского периода в XIX стол. вылился в стройную, вполне законченную систему. На пороге XX века церковь была учреждением уже вполне безличным, потерявшим свою нравственную физиономию и как зеркало отражавшим все настроения и зигзаги прави-

ственного политического курса. Длительным режим обер-прокурора К. П. Победоносцева нагухо привязал всякие стремительные и опасные порывы, некоторую почву для которых еще дало царствование Александра II. Связь церкви с самодержавием и самодержавным политическим строем никогда не была столь тесной, как накануне революционной эпохи. Царская политика использовала церковь со всех сторон, где только открывалась возможность церковного содействия укреплению существующего государственного строя, и церковь послушно использовала все правительственные начинания. Благонадежная иерархия церкви была проникнута духом чиновного искательства и жадно следила за малейшим жестом всесильного обер-прокурора, державшего правительственный компас. Духовенство так было связано условиями жизни и деятельности, что не могло и помыслить о серьезной оппозиции церковно-правительственному курсу. Церковное общество не имело никакой организации и никаких способов проявления свободного церковно-общественного мнения. Церковный народ был нерушимо благочестив и не обнаруживал интереса к церковной деятельности, ограничиваясь ролью «прихожан», посетителей храмов. Так называемое общество «светское», полуверующая и неверующая интеллигенция смотрела на церковь с некоторым пренебрежением, свысока, не видя в ней нравственной силы, внушающей уважение. Даже богоискательские круги никак не могли найти общего языка с официальной церковностью и все попытки взаимного сближения здесь кончались неудачно.

Таково было патологически сложившееся положение русской церкви, когда появились первые признаки революционного движения. И этот общий фон помогает лучше понять, почему церковь так, а не иначе, отнеслась к революции, и почему революция так, а не иначе, отнеслась к церкви.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЦЕРКОВЬ И «ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ».

I. Режим К. П. Победоносцева. Гапон. Первые церковно-освободительные попытки. Вопрос о церковных преобразованиях в особом Совещании 1903 года. Победоносцев и Витте. II. Революция 1905 года и связанный с ней церковно-освободительный подъем. Борьба церковных либералов и реакционеров в 1906 г. Два Антония. Предсоборное присутствие. Проект «куцей» соборности.

I.

Освободительное движение 1904—1905 гг. застало русскую церковь под гнетом победоносцевского режима, искусственно подавлявшего

знакую самостоятельную мысль в церковной среде и встретило в ней государственно-церковного управления более туго, чем то было при каком либо обер-прокуроре. Личность К. П. Победоносцева достаточно известна, чтобы требовать новой характеристики. Это был канцелярский интерпретатор, яркий представитель охранительных начал внутренней церковной политики, непреклонный враг всяческих, притязаний реформ, не сознающийся ни на какие требования жизни. Пользуясь огромным влиянием в правительстве, как испытанный государственный деятель, он мог распоряжаться, и распоряжался, в церковном вопросе совершенно самодержавно. Не было важного государственного вопроса, в котором не выслушивалось бы мнение Победоносцева. Тем больше решающее значение он имел в области непосредственно ему церковных дел. Спорить с Победоносцевым было бесполезно и опасно, и высшая церковная иерархия трепетала победоносцевского гнева сильнее, чем царского неудовольствия. Когда неудачи русско-японской войны вызвали брожение в обществе и в народе, Победоносцев сделался стойким спасителем существовавшего государственного строя от надвигающейся грозы. Его мудрым советам следовал двор, и об его влияние разбивались либеральные влияния в придворных сферах. Начавшееся революционное брожение не сдвинуло ни на шаг Победоносцева с его позиции. Он до конца оставался врагом всяких уступок общественному мнению и правительственным сторонником неограниченного самодержавия. Вполне понятно, что и в церковной области у него была одна задача: не допустить никаких колебаний и твердо отстаивать существующий порядок. С этой стороны церковь вступила в освободительную эпоху в условиях, наименее неблагоприятных для освободительных начинаний.

Что касается правящей иерархии, то, подобранная победоносцевской рукой, она, конечно, не могла явиться прогрессивной силой, идущей на встречу освободительным течениям. Однако, как раз на пороге освободительной эпохи судьба поставила в иерархических верхах человека, который совершенно не гармонировал с общим духом победоносцевского управления. То был тогдашний петербургский митрополит Антоний Вадковский. Это была одна из немногих в истории русской иерархии последнего периода светлых личностей, не подходивших под общую мерку. Человек просвещенный, гуманный, благородный, митрополит Антоний был чужд ретроградного церковного консерватизма. Он понимал потребности времени, считался с общественностью и передовыми течениями русской жизни. Более дальновидный, чем большинство недалекой иерархии, он внимательно прислушивался к голосу времени и своевременно понял, что русская действительность приближается к кризису и что

[illegible] будет [illegible] [illegible] [illegible]

сомнения. Что Гапон был правительственным агентом — это выяснено теперь в темной гапоновской истории. Играл ли он двойную роль, оказался ли плохим провокатором, судить трудно. В крайнем случае, если рабочей массы он во всяком случае не предал, то в этой части был не безразличен для своего начальства[1]).

Принимало ли участие в гапоновских преступных духовное ведомство? Не было ли это одною из услуг, оказываемых церковью начинающему колебаться самодержавию? Такого вопроса до сих пор не задавались исследователями гапоновской истории, но задать его вполне естественно. Дело в том, что духовная власть, конечно, всячески отстранялась от прикосновения к гапоновскому делу. Гапон действовал вне директив своего духовного начальства, и последнее могло быть даже недоведомлено о том, что делает Гапон. Повидимому, последнее так и было. Но, с другой стороны, Гапона хорошо знали в царской охранке. С ним имели связь крупные сановники и за всеми его шагами отлично следило министерство внутренних дел. Трудно допустить в таком случае, чтобы чины охраны забыли, что Гапон носит рясу; а о всякой рясе, прикосновенной к политике, всегда немедленно были осведомляемы духовные власти. Ни один священник не мог бы развивать деятельности в рабочих массах, подобно Гапону, и оставаться неизвестным. Само собою ясно, что если церковные власти не повинны были в гапоновском предприятии, то получавшее это предприятие правительство действовало через Гапона за счет церкви. Его хотели использовать, как именно священника, представителя духовенства, чтобы таким образом прикрыть политическую сущность зубатовской политики. Правительственные агенты, дававшие директивы Гапону, не стеснялись его священным саном, а вполне на него ставили отчасти свою ставку. Раз имелась в виду цель борьбы с революцией, то использовать для этого духовное лицо казалось в порядке вещей. И трудно допустить, чтобы, по крайней мере, всевидящий Победоносцев не был осведомлен о том, что происходит за Невской заставой. Гапоновская авантюра окончилась трагически. Власти отреклись от Гапона. Но о нем не забыли те рабочие, сотоварищи которых пали 9-го января. Без сомнения, в памяти революционно-рабочих кругов имя Гапона осталось записанным кровавыми буквами, а тень гапоновского дела пала и на всю церковь. В церковном обществе сказал-

---

[1]) Автору настоящих строк случилось лично знать Гапона в 1903—1904 г.г., и он несомненно произвел впечатление не честного подпольного работника, а темного деятеля.

не умели разобраться, кому же и чему служит Гапон. Когда же выяснилось, что он служил не рабочему движению, а правительственной охране, на общественное мнение должно было произвести тяжелое впечатление участие священника в кровавой январской драме. Первый шаг революции для церкви сопровождался уже плохим предзнаменованием.

Освободительное движение столкнулось с церковным вопросом на самых первых шагах своего проявления. Именной указ 12 декабря 1904 г. «об усовершенствовании государственного порядка» — первая уступка царизма общественному давлению: пунктом шестым, в число предполагаемых «усовершенствований» были поставлены и изменения вероисповедной политики в смысле свободы совести. В начале 1905 года в комитете министров вероисповедный вопрос был подвергнут обсуждению, результатом которого явился дальнейший высочайший указ 17 апреля 1905 г. «об укреплении начал веротерпимости». Указ этот, хотя и далеко не вполне укреплял веротерпимость, но тем не менее снимал прежние полицейские стеснения в отношении исповедания неправославной веры и представлял свободное отправление культа всем исповеданиям, сохраняя, впрочем, привилегию православной церкви, как господствующей, на религиозную пропаганду. Но вместе этого сдвига в вероисповедной политике и послышались первые освободительные отзвуки внутри самой русской церкви.

Либеральные церковные круги, составившие главным образом из церковной интеллигенции, а отчасти из белого духовенства, решили использовать благоприятный момент поворота правительственного курса и для внутреннего церковного освобождения. В кругах этих, хотя и не многочисленных, отлично понимавшею, что новые политические веяния требуют церковного отклика и что история наша подходит к тому рубежу, на котором необходима перестройка всех прежних отношений. Либеральные элементы в большинстве сочувствовали освободительному движению и тяготились победоносцевским режимом уже просто в силу его реакционной политической сущности. Но были и такие церковные либералы, которые политически были настроены консервативно, и тем не менее возмущались существующим цезарепапизмом, как унижающим церковное достоинство и навязывающим церкви совершенно несвойственную ей роль правительственного жандарма. В конце концов те и другие сходились на одной платформе, которую можно назвать церковно-общественной. Прогрессивные церковные круги полагали, что от нового политического курса нужно прежде всего добиваться ослабления давления государства на церковь, связи церкви с самодержавием. И дальновидные и недальновидные церковные либералы видели, что самодержавие идет

[illegible] что он занимал [illegible] в [illegible]
[illegible] что за ним выступает активная общественность, с [illegible]
[illegible] считаться. Если в этот критический момент первое отделение
[illegible] пойдет, то она [illegible] свою судьбу [illegible]
[illegible] содержания. Надо освободить от этих тяжелых уз и перевести
[illegible] общественную платформу, обратиться за прямой общественностью: вот основная мысль либерально-державного направления, отделившегося [illegible] от свободомыслящего движения в целом.

Прогрессу либеральному трудно было найти точку опоры в своем духовном вожде, находившемся под пятой К. П. Победоносцева. Поэтому он избрал другой окольный путь — именно тот самый, который впоследствии освящен, по-видимому, предварительно указом 12 декабря 1904 г. и откуда вышел указ о веротерпимости и новый проект Гос. Думы. Перед нами типичное для первой стадии нашего первого либерала с тогдашним руководителем нашего министерства, а вместе и уполномоченным, С. Ю. Витте. В феврале 1905 г. [illegible] официально выработан указ [illegible] будущего закона о веротерпимости, от имени С. Ю. Витте с сознанием был внесен записка о скорейшем [illegible] православной церкви, вызванная либеральными кругами общества.

Записка доказала, что обновление церковной жизни может последовать именно и в государственном положении православной церкви, внутренняя сила которой окупится [illegible] потерять опору — значило бы потерять государственную опору в более худшем, чем внешнем и сказать. Повторяя слова Аксакова, что среда церковь в народе, записка отмечала внутренний упадок церковной жизни и отсюда [illegible] причину в [illegible] синодального начала, введенного реформой Петра I, и предлагала [illegible] и действительно [illegible]. Соборное начало есть [illegible] и церковный принцип церковного управления и церковной жизни. Духовная церковь [illegible] со всенародностью [illegible] веру [illegible] в соборах епископов и пастырей и клира [illegible] общин. Церковная реформа Петра I [illegible] обратить [illegible] и церковном управлении [illegible] и церковным. [illegible] [illegible] [illegible]

мнил парировать либеральное выступление ответной запиской в Комитет министров и в самом ее начале подчеркнул, что записка Витте клонится «под предлогом освобождения церкви» к ослаблению связи церкви с государством, «в результатах своих угрожающему великой опасностью церкви и государству», так как связь государства с церковью в России до тех пор считалась основою опорою и государства и церкви. Но в то же время обер-прокурор сделал наивный вид, как будто он и не понимает, о какой свободе и о какой связанности говорят церковные либералы. Никаких стеснений церкви государство не делает; Петра Великого напрасно обвиняют в подавлении соборности; петровская реформа была вызвана состоянием самой церкви; церковь и теперь сама виновата в упадке церковной жизни; а впрочем, все жалобы на упадок церкви преувеличены, и в сущности все обстоит благополучно—таков был смысл ответа Победоносцева на записку Витте. Парируя удар словесно, Победоносцев позаботился немедленно же принять и более практические меры. Комитет министров и особое совещание, где главенствовал Витте, для обер-прокурора были неудачным полем для состязания. Поэтому он начал придворные пружины и постарался изъять поскорее церковные вопросы из обсуждения такой инстанции, где сам он не мог предписывать свою волю. 12-м марта 1905 г. подписаны ответные «соображения» К. П. Победоносцева на две вышеизложенные записки, а 13-го марта последовало высочайшее повеление изъять вопрос о преобразованиях в положении православной церкви из особого совещания и передать его на рассмотрение св. синода [1]).

Церковные круги легко могли догадаться, что значит эта передача дела синоду, где властвовал обер-прокурор, только что отвергнувший все положения церковных либералов. Но митр. Антоний сделал еще одну попытку дать движение делу, в интересах которого составлена была им подписанная записка. Он поспешил немедленно провести через синод постановление: ходатайствовать перед верховной властью о созыве в Москве церковного собора из епископов (постановление синода от 17/22 марта 1905 года). Однако Победоносцев оказался сильнее Антония. На синодальном докладе о созыве собора последовала царская резолюция о невозможности «совершить это дело в переживаемое тревожное время». По примеру древних православных императоров царь

---

[1]) Вышеупомянутые записки Витте, м. Антония, Победоносцева, а также и ответ Победоносцеву за подписью Витте, в 1912 г. были напечатаны особой книжкой (изд. Сытина) под названием: „Историческая переписка о судьбах православной церкви".

предоставляя себе самый выбор того, что будет это содержание. Пока же Победоносцев предложил снову заняться исключительно работами у собору. Такой постановкой преобразовательные начинания откладывались в долгий ящик и сводились в полную зависимость от обер-прокурора. И пока был Победоносцев, разумеется, нечего было серьезным либералам рассчитывать на какой-нибудь успех.

II.

Победоносцев пережил октябрьскую эпоху 1905 года, пережил первой русской революции, вырвавшей из рук самодержавия манифест 17 октября, это было одно из уступок общественности и в частности общественности церковной. С уходом Победоносцева и наступлением конституционного режима открылся более свободный путь деятельности и для либерального церковного течения. На место Победоносцева обер-прокурором был назначен князь А. Д. Оболенский,—человек либерального направления, хотя и мало сведущий в церковных делах. Сообразно новым веяниям, стали делаться шаги по второму требованию церковно-общественного мнения. Явился указ об автономии духовных академий. Вновь начал быть вопрос о созыве собора, и время вдруг оказалось теперь более благоприятным, чем в многие тех же годы, хотя тревожности и было гораздо больше в первые месяцы после октябрьского манифеста. 17-го октября (1905 г.) царь призывал к себе синодальных митрополитов и умолял пожелание, чтобы собор созван был по возможности скоро и чтобы покончил с предсоборными работами. С начала весны в январе 1906 г. было образовано особое предсоборное присутствие, задача которого становилась предварительная разработка всех вопросов, подлежащих собору к обсуждению.

Таким образом, как будто дело подвигалось к тому, чтобы собор начал осуществляться, и церковный строй по общественную платформу начал принимать реальные формы. Но судьба либерально-церковных начинаний была очевидно связана с судьбой широко-освободительного движения, а с этой стороны все говорило, что политическая весна отходила все дальше. Реакционные силы в этот же манифест 17 октября вызвали к жизни и к открытому протесту и на защиту самодержавия. Реакционное движение по России и вновь сильно взяло свой разгон. Власть на время

дожевого восстания, военно-полевые расправы с нарождающимися возмущениями в разных местах России окончательно справили с кровавым насилием октябрьский манифест. Самодержавие, растерявшееся в октябре под влиянием всеобщей забастовки, воспрянуло духом после кровавых побед над народом и стало подбирать окупленные кровью царского режима. Не прошло и двух месяцев после 17-го октября, как о манифесте уже сожалели, как о позорной уступке, и старанию царской политики направились в сторону наибольшего ограничения дарованных свобод. Подобная политическая атмосфера отнюдь не благоприятствовала развитию церковно-освободительных начинаний. Напротив, реакционный поворот вновь вызвал правительственный нажим на церковь для получения церковного содействия реакционным целям. Народившиеся реакционные организации, в роде «Союза русского народа», «Русского собрания» и т. п., воспользовавшиеся широким правительственным покровительством, смотрели на духовенство, как на наиболее подходящую среду для вербовки своих сторонников. Духовные власти, кто за страх, а кто и за совесть, вынуждены были содействовать видам правительства. Отцы Союза русского народа стали появляться в храмах: все темные силы считали себя в праве искать церковного освящения. Церковь была как бы мобилизована на борьбу с освободительными стремлениями общества и народа, на защиту падающего царизма. Правда, в среде духовенства обозначилось явное раздвоение. Низший клир, по положению лишенный особенными милостями царской власти, испытывавший на себе гнет церковной бюрократии, являлся демократическим элементом церкви и естественно больше тяготел к демократическим настроениям. В ближайший период после октябрьского манифеста целый ряд епархиальных и уездных съездов духовенства и отдельных духовных лиц открыто выразили свое сочувствие освободительному движению. Так было на воронежском епархиальном съезде, на собраниях московских клириков, на съезде духовенства Бузулукского уезда, Ялтинского округа и т. д. Но епископат и монашество, за редкими исключениями, сразу примкнули к правым политическим течениям и охотно пошли на встречу реакционному повороту. А так как у церковного руля стояли последние элементы, то церковный корабль плыл по правому политическому фарватеру и, по мере того, как крепла реакция, брал курс правее и правее.

В таких условиях приступили к «предсоборным» работам, и самое начало предсказывало, что едва ли дело пойдет в духе освободительных церковных упований. Предсоборное присутствие формировалось уже под реакционными влияниями, и консервативное церковное течение в нем оказалось представленным с очень хорошим, даже прогрессивным. Но-

любы, предавшей Христовых был митр. Антоний. Но реакция наступила скоро вслед. И его противники почувствовали под собою твердую почву. А в числе их противников были прежде всего два друзя-петербурга, и из них особенно московский—Владимир, ответивший на 17-е октября знаменитой проповедью, направленной против освободительных общественных устремлений. Затем, правые церковные элементы выдвинули в это время яркую фигуру, около которой долго потом группировался правый епископат. То был тогдашний епископ волынский Антоний Храповицкий, так называемый в церковной среде Антоний „малый“, в отличие от Вадковского, „большого“. Этот „малый“ Антоний явился с великим интриганом и таким карьеристом в противниках общественности, что дальше было идти некуда. Прислужничество самодержавию было для него верным убеждением и доходило до апофеоза, что он открыто и развязно в своих публичных выступлениях. Освободительная борьба в его глазах была преступлением, за которое нужно карать расстрелами. Интеллигенция, как идейная вдохновительница революции, по мнению Антония, достойна была анафемы и всех жупелов. Церковных либералов Антоний „малый“ называл безбожниками, анархистами, революционерами и не жалел красок, когда требовалось утопить какое-либо либеральное предположение. К белому духовенству этот архиерей относился презрительно и говорил, что лучше пустить на собор каторжников, чем белых священников. Зато привилегии епископата и монашества Антоний считал неприкосновенными и всякое покушение на них приравнивал к подрыву церковных основ, заслуживающему строжайшего наказания. В борьбе с противниками для Антония не было предосудительных средств. Он готов был прибегнуть к явной лжи, клевете и подлогу, чтобы только очернить то, что ему хотелось представить черным. Невоздержанный на язык, он любил крепкие словечки и самомнительные шутки и не стеснялся пускать о ближнем ту, иногда самую отвратительную сплетню. Между прочим, он пустил насмешку на своего сотоварища митр. Антония, вызвавшего в свое время большое волнение в церковных кругах. Антоний „малый“ знал не хуже Антония либерализм большого и с своей стороны делал все, чтобы подорвать его авторитет. Как человек ультрамонтанской, Антоний Храповицкий умел сгруппировать около себя целую партию епископов, слепо верящих своему вождю. Они-то, эти партизаны и чтили в нем, ибо лучшего покровителя, чем Антоний, не нашли бы себе ни один иерарх. Ради монашества Антоний был готов извинить любое преступление и к нему обычно прибегали провинившиеся [illegible] и епископы, и он их спасал.

В. В. Зятников.

Р.И.Р.К.(Ф.) 26860 К 2 К.

В предсоборном присутствии Владимир с Хомяковым «малых» сил имели все права большинство и дали генеральный бой либеральному большинству по всем вопросам церковно-преобразовательной программы. Умеренного епископата в правых церковниках была своя цена особого времени церкви. Они также говорили о церковной свободе и также не боялись ее государственного вмешательства. Но под церковной свободой они разумели не что иное, как свободу епископского невластия, без всякого общественного контроля, и в государственной опеке видели стеснение той же епископской власти, а не церковно-общественной начала. Идеалом церковного порядка правому церковному течению представлялась епископская соборность, торжество епископской «интерпретации» с патриархом во главе, как высшим представителем церковного авторитета. О патриаршестве особенно горячо епископаты: «пусть-де будущее патриаршество утвердит господство духовенства и сохранит светское самовластие, которое, опираясь на обер-прокурора, отнимает епископское самовластие. Это была программа церковного переустройства не на общественном, а на иерархическом начале. И если правые церковники говорили о свободе церкви, то общество с либеральным их было только простое слово. Церковные реформаторы очень скоро раскусили, что значит церковное освобождение в устах их противников, и с своей стороны энергично выступили против епископских домогательств.

Но силы либерального направления убывали, по мере политической реакции, а силы правых все росли. В предсоборном присутствии был неравный, и церковный либерализм оказался разбитым на всех общих позициях, или, вернее, подавленным численным перевесом правого крыла. В результате работы присутствия привели к заключению, вполне не удовлетворявшему передовые церковные элементы. От натиска правых едва удалось отстоять право внесрочного состава собора. Правые церковники хотели бы отдать судьбы церкви исключительно в руки епископата и созвать собор из одних епископов. Хотя такое крайнее мнение и не собрало большинства, но зато допущенные, по-прежнему, на собор клириков и мирян было отказано в праве решающего голоса, а самый порядок приглашения их на собор весьма походил на административное назначение. Таким образом, распорядителем собора все равно делался епископат. Ограждение епископских прав, а не утверждение прав церковного общества, прочно затем красовались по всем частям выработанных присутствием предположений и в епархиальном управлении, и в приходском устройстве, и в церковном суде, и в духовной школе. Участие общественного начала допущено

...ле в виде самом отвлеченном. Высшее церковное управление сказывалось было так, чтобы там уже ничье постороннее присутствие не стесняло архиереев. В синоде допускался один экзекутор. Церковное мнение уполномочивалось мочью «антонинцев» с патриархом русской церкви. Одним из всех трудных предсоборного присутствия легла печать Антония жалкая, но не большого. В угоду последнего делались некоторые уступки. Однако, отстаивая свою мысль правые провели последовательно во всех главных пунктах. Церковное общество получило такую же куцую церковную конституцию, как была «куцей» конституция булыгинской Думы. Церковный либерализм не забился от предсоборного присутствия даже своего 17 октября.

Нечего и говорить, что при таком изложении своей деятельности предсоборное присутствие даже и не пробовало подойти серьезно к проблеме отношений церкви к самодержавию. Постановка такой проблемы показывалась неуместным тогда политическим моментом. Но такое учреждение, как предсоборное присутствие, далеко было от смелости окунаться на самодержавные первоосновы в делах церкви. Только у церковных либералов бродила мысль о необходимости коренного пересмотра церковно-государственных отношений. Присутствие же в целом рассчитывалось в вернейти старому режиму и заключалось это своим проектом сбивших положений об отношении высшего правительства православной церкви к верховной государственной власти. По этому проекту императору предоставлялось утверждение всех важнейших церковных постановлений, в том числе и постановлений поместного собора, утверждение патриарха, соединение сего последнего на созыв собора. Какая была граница между прежним цезаре-папизмом и новым соборным строем, сказать трудно. Разница была, кажется, просто та, что прежде самодержавие диктовало свою волю путем бюрократическим, а порядка управления церковного, а теперь хочет диктовать ее путем церковно-иерархическим. Но для существа дела эта разница значения почти не имела. О каком церковном самоопределении можно говорить, если монарх мог наложить запрет на любое церковное решение? И не странно ли звучали тут же рядом стоявшие слова, будто русская церковь управляется свободно своими учреждениями?

Таким финалом закончилась освободительная попытка в церкви в 1905—1906 г.г. Ее исходная точка была правильной: сдвинуться со старой почвы церковно-государственных отношений на новую церковно-общественную. Но цель оказалась совершенно недостигнутой, потому что у церковной общественности не хватило сил для проведения либеральной программы. Куцая же церковная конституция отдала,

не успев расцвести. Когда предсоборное присутствие выработало свои проекты, в них перестали уже нуждаться. Соборный вопрос получил движение исключительно по манифесту октября 1905 г. Прошло полгода, и политическое положение резко изменилось. Царское правительство вновь окрепло настолько, что не побоялось распустить первую Гос. Думу, не пожелавшую идти в правительственных шорах. Собор был своего рода церковной думой, во всяком случае для правительства беспокойной, сколь бы он ни обещал быть законопослушным. Покончив с первой Думой, в придворных сферах, видимо, поняли, что дальнейшие разговоры о соборе лишни и благовременно их прекратить. Работы предсоборного присутствия были прерваны в конце 1906 г. еще до их полного завершения. Вопрос же о самом соборе был «положен под сукно». Монаршего «соизволения» на созыв собора так и не последовало. Очевидно, самодержавие только играло на соборной струне, как и на других либеральных струнах, до тех пор, пока то было надобно, а действительной заботы об устроении церкви у ее «верховного ктитора» было очень мало. В самом деле, что могло препятствовать созыву собора, когда созывалось гораздо более беспокойное для монархизма учреждение—Гос. Дума?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД КОНСТИТУЦИИ.

I. Союз церкви с политической реакцией. II. Саблеровщина и открытая борьба церкви с конституционным строем. III. Распутинская эра в церкви. Разложение церковных верхов.

I.

Ликвидация предсоборного присутствия, как раз перед созывом второй Гос. Думы, фактически ликвидировала либеральные начинания духовного ведомства, вызванные октябрьским движением 1905 г. Вообще освободительное движение в церкви, как и следовало ожидать по общему настроению церковной среды, не нашло себе устойчивой почвы, и при первой же перемене политической конъюнктуры курс церковной политики круто повернул в старое русло охранительных государственных тенденций. Правящие церковные элементы, сначала недоумевшие было идеей собора, в надежде использовать ее благоприятно для своих интересов, сами охладели к этой идее, когда увидели, что она неизбежно ведет к домогательству церковного общества к праву подчинить иерархию общественному контролю. Напротив, события после октября 1905 г.

Чрезвычайно консервативное настроение правящих господствующих кругов и побудили их еще ревностнее служить самодержавию, ибо они почувствовали, что опасность, угрожающая самодержавному режиму, есть вместе опасность и для церковной бюрократии, питающейся из одного источника с бюрократией гражданской. Отсюда родился тесный союз церковной власти с правыми политическими элементами и правыми организациями, поставившими своей задачей защиту монархизма от покушений революции. Церковная иерархия охотно предоставила силы и средства церкви в услугах правой власти и тем самым сама бросила пробел в ближайшей судьбы церкви.

Активная деятельность церкви на этом поприще началась тотчас же за крушением расчетов на благополучное народное представительство. Первая Дума показала, что, несмотря на всю ограниченность новой конституции, относительное настроение страны нашло в Думе свою трибуну. В первой Думе было между прочим 14 священников.— и их окраска свидетельствовала, что и на белое духовенство нельзя рассчитывать, как на устой самодержавного режима, если предоставить ему известную свободу мнения. Когда была распущена первая Дума, то духовные начальства наряду с другими правительственными агентами известно стали подготовлять вторую Думу в желательном правительству направлении. Правые партии развили энергичную агитацию и, по мере возможности, втягивали в свою деятельность духовенство. Епархиальные начальства, официально внушавшие подчиненным священникам стоять лишь на христианской платформе, неофициально, но в высшей степени настоятельно, рекомендовали духовенству идти в правый политический лагерь. Само собою разумеется, что на этой почве против церкви поднялось общественное раздражение. Союз русского народа, особенно подружившийся с церковью, снискал к себе такую яркую общественную антипатию, особенно своими приемами, что общественное мнение тогда прямо отожествляло духовенство с «союзниками» и «черносотенцами».

Вторая Дума, как известно, дала большое правое крыло, но правительственных видов не оправдало. Народный гнев нашел себе еще более веское выражение в крыле левом, и неустойчивый центр оказался бессильным даже сохранить какое-либо равновесие в этом своеобразном сочетании. Не оправдали и духовно-начальственных упований священники-депутаты. Они группировались, главным образом, в центре. — но,—о, ужас!—несколько человек в рясе появилось на левых скамьях. Лучшие и талантливейшие депутаты из духовенства сели рядом с трудовиками и социалистами, войдя во фракции трудовой группы и крест-

ческого союза. Их было немного—только пять. Но [illegible] факт в существовании был показателен, и вне политических целей отношение к ним церковной власти, всей-живой желание со стороны обнаружить свое подлинное политическое нутро.

Когда на [illegible] Думы появились рясы, синод, видно, почувствовал большую угрозу для монархического престижа церкви. На смелых священников было употреблено [illegible] воздействие: одних безусловно. Тогда прибегли к решительным мерам особенно тогда, [illegible] священники вместе со своими фракциями не явились на [illegible] Думы 7-го мая 1907 г., где должен был обсуждаться вопрос прямых по поводу слухов о покушении на жизнь царя. Им был предъявлен ультиматум: или быть рясу, или записаться в одну из правых партий, не позже 17 октября; а вместе с тем от них потребовали объяснения, почему они отсутствовали из упомянутых жеребьевок и не исполнили долга «верноподданных». Такое требование по отношению к членам Думы, из свободу убеждений которых не имеет запрещено даже никак, со стороны синода было [illegible], так сильно. Но самое содержание ультиматума до чрезвычайности характерно. Церковная власть открыто признавалась, что она ведет одну политическую ориентацию направо, и тем самым уже синод занимал церковь очень в часто партийное положение. Особенно же до тех пор разложившиеся речи о политичности церкви были новым лицемерием со стороны церковной иерархии. Она имела свою определенную политику и настолько политизированную, что не допускала никаких разногласий с Нею со стороны духовенства.

«Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь, — писал по поводу указанного ультиматума митр. Антоний один из левых священников-депутатов (Федор Тихвинский). — С детства я жил среди бедного крестьянского населения, не бросать его и получил в обращение. Чудная душа простого русского крестьянина была для меня раскрытой книгой. В этой книге я видел и читал всю безысходную печаль народную, все горе его, нужду и бесправ[illegible], читал, учился и терзался душою и совестью. Все, что я тут [illegible] за народ, я делал—молился с ним, плакал и утешал его надеждою, что бог видит и [illegible] его скорби. Настало чудное 17-е октября 1905 года, с высоты царской трона раздалось живое слово—царский манифест. Братство, равенство, свобода, уважение личности человека, его совести, его прав, переливались и сияли светлыми, радужными красками надежд. Народ и я вместе с ним ликовали, как в светлый пасхальный день... Я стал горячим проводником в народ всей высочайшего манифеста. Горячим словом и убеждал мог

*) Автор тут говорит о роспуске „либеральных“ земляков духовных званий, под впечатлением манифеста 17-го октября.

**) В тексте так: духовных отделов в свое время сам. Типич. его.

с общественностью и говорили о свободах, когда поощрялись камертоном [illegible], и благословляли стяги. Сама русская партия, сама тот же камертон указывал вправо. Но церковная бюрократия забывала, что такая политическая эластичность, или, вернее, такая угодливость, могут совершенно дискредитировать ее перед правительственную сферу. Такая политическая прыгучесть, будь она убежденным порывом, не прощалась такого отталкивающего впечатления. Вот это условие и выполнено. Поэтому, выступление синода против левых священников-депутатов второй Думы вызвало особенный гнев, недоверие в прогрессивной части общества и Думы. Но духовное начальство уже не стеснялось общественным мнением. Встретив вторую Думу напустили. Священники, сидевшие на левых скамьях и не изменившие своему credo, сразу же подпали под духовный суд. С них сняли сан, как бы явно показывая народу, что церковь отказывается «печаловаться» за мирские интересы. Да и не только левые смельчаки подлежались рясой. Всех духовных депутатов, не обнаруживших достаточной «благонадежности», уклонившихся от монархической группировки, постигло начальственное нерасположение. Церковная власть была не столь покорна еще тогда, когда она расширяла сферу дозволенной ориентации до «Союза 17 октября»: искренне она одобряла лишь «Союз русского народа». Не даром же иерархия, когда ей предоставлялось по своему усмотрению послать представителей в законосовещательные учреждения, останавливала свой выбор на самых ярких реакционерах. Первыми членами от духовенства в Гос. Совет были назначены архиепископы Дмитрий херсонский и Антоний волынский — за столы правой стороны предсоборного присутствия. Во вторую очередь, с открытием второй Думы, в Совет вступили Никон волынский и Арсений подольский: первый был простым монархист и «союзник», а второй умеренный консерватор, более приличный, но не менее настроенный враждебно к конституционному режиму. Их позиция в Гос. Совете, конечно, была достойна их политической окраски.

Разгон второй Думы, как известно, сопровождался изменением избирательного закона с явным нарушением октябрьской конституции. Новый избирательный закон должен был обеспечить, наконец, сбалансированность народного представительства и стать ставку на определенные классовые элементы, наиболее зависимые от монархического режима. В числе этих элементов оказалось и духовенство. Духовные пособничества, как явно, своим поведением после октября 1905 г. заслужили доверие царской власти, а церковная администрация, располагавшая всякими способами давления на подчиненных клириков, давала осно-

ление расширяет ... духовенство ... за ... оправдает правые политические ожидания. И, действительно, в третью Думу попало до полусотни священников и дьяконов, целая влиятельная фракция, с которой приходилось считаться и которая в силу этого становилась фактором политического значения.

Как обнаружил себя этот фактор, детально изучено по деятельности третьей Гос. Думы. В «послушной» Думе, в послушании духовенство сравнялось разве лишь с крестьянами, рядом с которыми оно сидело. Теперь все было организовано по чину. Духовные отцы-депутаты правительственных и «Совета» и «Собрания», собравшись, растолковали свою «сугубую» задачу иным. На левых скамьях уже не видно было ряс и скуфей, и самые темные эти окраины. Дума 3-го июня имела явно умеренную окраску, где левые элементы роли не играли. Духовенство существенно сузило свой класс: оно не сидело левее союза 17-го октября, и зато густо сидело на правых скамьях. Правда, особой активности оно не обнаружило. Не считая отдельных депутатов с «союзническим» уклоном, священники больше помалкивали, по обыкновению дружно голосуя в существенно правительственных вещах. Если принять во внимание, как проходили выборы в третью Думу, и администрацию выбирал весь думский состав, то и неудивительна благонослушность духовенства, попавшего в Таврический дворец под лживой маской, что «политическое» поведение немедленно повлечет все служебные неприятности. Ставка на духовенство удалась, как и ставка на дворянство. Но удача эта была, конечно, прямо пропорциональна падению престижа церкви. Настойчивое втягивание церкви в политическую борьбу со стороны правительства, проявившееся в законе 3-го июня, все больше подрывало церковный авторитет в глазах общества. Прогрессивная печать справедливо указывала, что лучше церкви стоять в стороне от политики, чем брать на себя рискованные политические обязательства. Присутствие в Думе полсотни духовных лиц, неизменно клавших свой голос на правую чашку политических весов, постоянно демонстрировало некрасивую политическую роль церкви. За церковью закреплялся партийный политический характер, в то время, как в недрах народных все больше зрел протест против векового торжества классовой несправедливости, поддерживаемой теми партиями, с которыми связалось церковное политиканство.

В период третьей Думы церковное ведомство выступило, таким образом, под определенным правым политическим флагом. Этому флагу вполне соответствовала и реакционная церковная программа. Здесь либеральные лозунги октябрьских дней были совсем забыты. Главная

мира церковного либерализма, митрополит с.-петербургский Антоний с 1907 года все больше терял значение. Он сам должен был содействовать дальнейшей сферы и ему удавалось искусным лавированием лишь кое-где держаться по своему почину, уже не думая о широких преобразовательных планах. Тем более, что правые партии, имевшие церковного влияния к них ходу, читали, что надо его вышибить из столицы, чтобы в дальнейшем интриги против столичного епископа. Вероятное освобождение этой черной силы явилось в лице с.-петербургского епископа Дубровина, опубликовавшего вышеуказанное письмо 1907 г. открытое письмо митрополиту, где он прямо обвинял его в покровительстве либералам и недоброжелательстве к Союзу русского народа. Какое значение это было встречено в правительственном обществе. Но это сделало свое дело там, где нужно. Быстро стало ясно, что Антоний еще недостаточно, отвечает к тому он сделал, а положение его сделалось еще затруднительнее. Разногласия церковной печатью стали использовать в его руках и ему удалось изгнать не только общего врага, в лице второй революции 3-го июня и третьей Думы.

1908—1909 гг. еще увеличили в духовных либеральных кругах, главным образом, церковно-общественному течению влияние освободительного движения. Тут революция обрушилась в первую очередь на духовно-учебные заведения. Духовная школа, подобно университетам, была средоточием очагов освободительного настроения. В ней большинство и воспитанников, и преподавателей были сочувствующими свободе и явно сочувствовали политическим течениям, как политическим, так и церковным. Это особенно проявилось, с одной стороны, в годах в 1904—1905 гг., с другой — в семинарской забастовке. В 1907 году в семинарской среде образовался даже всероссийский союз, обнаруживший связи с левыми революционными движениями. На съезде в Москве революционные семинаристы приняли резолюцию, призывающую духовную молодежь к открытой борьбе за политическую свободу. Отголоски на такие призывы были многочисленные семинарские бунты, с специфическим битьем стекол, избиением властвующих лиц и т. д. Суд, конечно, сурово расправлялся с бунтовщиками. Но, главное, он стоял в корне своем обычно для духовных школ и не настаивал и должен был принять радикальные меры, только для того наступили благоприятные обстоятельства. В 1908 г. был поднят вопрос этих духовных академий, при чем в высших сферах фигурировали самые реакционные иерархи: Антоний Волынский, Димитрий Херсонский, Иоанн Новгородский. Ответы резко

оказались исполненными обвинениями по адресу прогрессивной профессуры и либерального студенчества. Всех перещеголял отец Антоний Волынский, уж требовавшего свои приемы клеветы и сыска против профессоров. Между ними, киевские профессора, которых он [illegible] такими яркими красками. Тогда же напечатали определение ревизора, изобличавшее его в самой непробудной лжи и подтасовках. Но для синода подобные опровержения все не имели. Он не захотел разогнать либеральную профессуру и ждал новые академические правила, дающие возможность в корне вырвать либеральный дух и академий руками начальства. Подобные же правила были изданы для духовных семинарий. Семинаристы за репрессии особенно стали бунтовать. Но сила ложилась голову юношеского возмущения.

Далее, синод постарался как-нибудь обойти общественные требования относительно приходского самоуправления и сесть на шею общества, обязанного об общественном участии в приходской жизни. Вопрос о причте выдвинулся в первую очередь из преобразительной проблемы церковного вероучения, в свое время эффектной, с которой можно было справиться сравнительно легко. По сему случаю при синоде еще в 1907 году было образовано особое совещание по приходскому вопросу под председательством синода Сергия (Старогородского), архиепископа финляндского, а потом Агафангела литовского. Совещание составило проект положения о приходе, но в духе своем консервативный. Проект не дал приложения, в сущности, никакой новой строгости наложить на них всякие обязанности. В 1908 году этот проект вышел в законодательном изложении. Однако, он оказался столь неприемлемым для общества, что о нем дали отрицательный отзыв даже правительственные учреждения министерства внутренних и церковного управления. Пришлось взять его назад и переработать. Переработанный проект вышел в 1909 году. Но дух его также изменился и потому он встретился с решительной оппозицией даже в умеренных кругах Гос. Думы.

Затем, духовное ведомство приложило свои усилия, чтобы [illegible] выкроить либеральные начинания в области [illegible] вероисповедной. Свобода совести была единственной из свобод, которую кое-кто из [illegible] дольше удержать. Религиозно-бытовые отношения, свойственные нашему дореконституционному законодательству, не находили себе ярых сторонников даже в синодальных кругах. Не даром 17 апреля предшествовало 17 октября 1905 года. Но не хотели мириться с свободой совести иерархия господствующей церкви. Пользуясь за спиной огранительных указаний стремлять свое соб-

...немощность в отстаивании своей веры перед инославием. Поэтому, когда наступило «время благоприятное», из церковных сфер началось движение в сторону ограничения прав, даруемых иным вероисповеданиям. Ограничительный принцип синод поставил открыто сейчас в своем определении 21 декабря 1907 года о вероисповедных законопроектах, внесенных в Гос. Думу. Когда же выяснилось, что и третья Дума не разделяет синодских охранительных принципов, вероисповедные законопроекты были взяты из нее обратно для специального синодского пересмотра. Такая же судьба постигла внесенные правительством законопроекты о смешанных браках и бракоразводном процессе, на которые синод поставил свое veto.

Церковная реакция развертывалась равномерно и становилась все беззастенчивее, сообразно, впрочем, с тем, как становилось беззастенчивее и отношение царского правительства к конституционному принципу. Известно, что с третьей Думой не церемонились и постоянно держали ее под угрозой роспуска, если она оказывала недостаточно послушания. Но духовное ведомство так круто перетягивало вожжи в правую сторону, что в конце концов даже из послушной и благонамеренной третьей Думы оно сумело сделать себе врага. Не говоря о думской левой, и думский центр немного начинал понимать, что в церковных верхах сидят люди, с которыми не может ужиться самая умеренная общественность. Октябристы, державшие в третьей Думе чашки политических весов, и те почувствовали оскорбление, когда заметили, как их третирует синод. Непримиримость церковных сфер ни с вероисповедной свободой, ни с каким-либо общественным вмешательством в церковные дела, мало-по-малу ополчила против них и умеренные думские группы и создала для церковного управления серьезную думскую оппозицию, с которой пришлось считаться. Оппозиционные ноты и жесты Думы стали выказывать к духовному ведомству уже на третий год своего существования. В бюджетных думских прениях по смете 1910 года было сказано не мало слов по адресу духовного ведомства и определенно поставлено общественное требование церковного собора. Вакулинское происшествие, помимо законодательных учреждений, нового устава духовных академий весной 1910 года окончательно раздразнило третью Думу. В качестве протеста против этого обхода и этой обструкции, проводимой синодом, думское большинство отказало духовному ведомству в новых кредитах на духовно-учебные заведения. Синодскому реакционному проекту положения о приходе в Думе был выдвинут противовес в виде законодательного предположения о правах православного прихода, внесенного в Думу в мае 1910 года по инициативе думской группы. Затем

II.

Остается только окончательно поставить точки над i, чтобы с полной определенностью обрисовалась позиция, занятая церковью в конституционную эпоху. Это и сделал обер-прокурор В. К. Саблер, составивший своего рода эпоху в истории русской церкви в последние годы царского режима. Что представлял из себя Саблер, с этим вопросом мы встретимся еще ниже. А пока лишь напомним, что он занял обер-прокурорский пост в мае 1911 года. Отношения между духовным ведомством и Гос. Думой тогда были уже достаточно натянуты. Но реакционная деятельность Саблера натянула их еще в большей степени. Саблер вступил в управление церковными делами под флагом давления правых партий в правительственных сферах и вполне отвечал тем группам, которые называли и себя монархическими, обнаружил крайнюю бесцеремонность. Став у власти, он сразу же окружил себя людьми лиги-конституционного направления и наиболее отъявленных. Назначение Саблера было встречено радостью всем антиправительственным, либерализма и врагам мира. Антоний, бывший славословил тогда «Колокол»,—реакционная газета, издаваемая архиепископом, специально созванный из епископов, обер-прокурор среди духовенства. Все это показало, что работы, теперь вполне освободительства с царем и конституционализма в направлении церкви.

На первых порах [illegible]

...ственных правах поставленные ими вопросы. Выдвинуты были ими особенные вопросы церковных преобразований: о духовной школе, о приходе, об обеспечении духовенства, о церковном соборе, и в каждый из них соборные дельцы сумели внести такой напор, что как только появлялась в печати статья о каком-либо соборном проекте, они вызывали бурю негодования в противников общественного мнения и даже у умеренных духовных кругах. Для духовной школы соборяне выработали сравнительно благонадежный устав 1910 года. Они вскоре сумели и провести в порядке церковного управления новые изменения в уставе духовных академий, дававшие исключительные полномочия монашескому начальству по своему вкусу направлять академическую жизнь и вырывать свободомыслящие академические плевелы. Преподавателям духовно-учебных заведений вновь было объявлено о недопустимости их принадлежности к каким-либо союзам, партиям, организациям, не одобренным церковной властью. Этот указ расшифровывался, конечно, просто: надо было принадлежать к правым организациям, или совсем не участвовать ни в какой общественной деятельности. Приходская реформа, коей не везло и при предшественниках Саблера, в руках саблеровских ретивцев была передана окончательно в сферу анти-общественных устремлений. У приходов еще урезали их и без того куцые права, а полномочия архиереев и духовенства еще расширили. В вопросе об обеспечении духовенства саблеровская партия наметила определенно свой курс: провести поскорее государственное жалованье духовенству и ослабить зависимость священнослужителей от прихода. Курс этот, надо заметить, отвечал желаниям и большинства духовенства. Но в основе его лежал чисто реакционный политический мотив. Духовенство надо было, во-первых, расположить к царскому режиму, благодеяния коего ему обещали; во-вторых, нужно было усилить его зависимость от правительства. Материальная независимость духовенства, или, вернее, зависимость от церковных общин, не отвечала правительственным видам. Такой порядок связывал духовенство с народом, а не с властью, и давал основание развитию общественной ориентации духовного сословия, что угрожало правительству потерей важного союзника в обострявшейся борьбе с общественными домогательствами. Превратить священника в человека 20-го числа—это значило заковать последнее звено цепи, связывавшей церковь с самодержавной государственностью, и этого очень хотелось правым партиям, строившим на духовенстве свои расчеты. Что касается собора, о котором вдруг заговорил Саблер, то тут была своя махинация правых церковников. Они разумели, конечно, не такой собор, о котором говорили в 1906 году

правых либералы. Они разумели под церковным собор, низы которой задачи описывают, и который должен был освободить церковь, в значительной самостоятельности от некоторых сторон. Между тем эта до сих пор собирая идея была удобным лозунгом. В высших общественных кругах разбирались в разных пониманиях соборного начала и легко было собрать вокруг привлечь к нашему церковному суду такие элементы, на которых вообще не мог рассчитывать В. К. Саблер. И вот, заняв обер-прокурорский, Саблер учреждает в начале 1912 года это предсоборное совещание, якобы для согласования предположений будущего предсоборного присутствия по разным вопросам. На самом деле тут преследовалось, как показали работы совещания, просто согласование проектов 1906 года, самым либеральных для саблеровского времени, с духом саблеровской партии, которая и вошла в совещание в лице своих лидеров: архиепископов Сергия финляндского, Антония волынского и Евлогия холмского. Совещание дипломатично определилось впредь до созыва собора, что каждый мог понимать по-своему—будет ли это скоро или никогда не будет. А пока что, духовное ведомство могло постоянно отвечать либеральным оппонентам в Думе и вне Думы, что оно хлопочет о соборе и таким образом идет на встречу соборным общественным пожеланиям.

Характерная деятельность начинания в духовном ведомстве с первых же шагов во главе его Саблера, сопровождалась громкими фразами о церковных реформах, о церковности, и о благе отечественной церкви. Но все эти фразы не могли обмануть общество, и Саблера сразу раскусили. Полевение к тому времени октябристы в Гос. Думе встретили очень холодно нового министра церкви, а когда он развернулся, то сделались и в думских сферах, за исключением правого сектора, предметом чрезвычайного возмущения. Особенно думцев возмутило неуклонное стремление Саблера обходить законодательные учреждения и вершить церковные дела за кулисами, вне пределов общественного контроля. Низшее духовенство, памятуя страх перед начальством, пробовало поддерживать обер-прокурора. Но и из его среды некоторые подписались под октябристским проектом о приходе и обеспечении духовенства, выдвинутым в конце 1911 года в явную оппозицию работам саблеровской комиссии. Законодательное предположение 51 члена Думы проектировало развивать приход как раз на началах приходского самоуправления и расширения прав приходских общин, с чем боролось саблеровское течение. Обеспечение же духовенства думский проект строил на приходско-общинном и земском базисе, что опять не отвечало видам сторонников казенного жалованья. Затем первый же год саблеровского управления

застрял в старых углах сельскохозяйственной Думы с духовным ведомством. Саблер старался эти настоятельные запросы об исторических законопроектах, осуществляющих свободу совести и чрез реальную плату парализовать всякие либеральные потуги внести таковые в эти вопросах, где себя считало затронутым ведомство синода. В результате даже в такой Думе, как третья, атмосфера по отношению к саблеровскому курсу так наэлектризовалось, что при обсуждении сметы 1912 г. произошел в Думе так называемый «литурги церкви». По адресу церковного управления было сказано множество резких слов, настолько оскорбительных для духовного министра, что синодским сотрудникам пришлось специально утешать своего вождя сочувственным адресом—слабой демонстрацией на думские рельсы. Сюда присоединился конфликт из-за церковно-приходских школ, на которые Саблер выпросил твердый бюджет, вопреки Думе, в Гос. Совете. Дума ответила на такой обход снятием с повестки вопроса о новых школьных кредитах. Тут опомнились уж на думском большинстве думское духовенство, разумеется, по директиву свыше. Оно выступило с резкой декларацией, наполненной упреками против всех думских групп, сидевших левее правых, аттестуя их врагами церкви. Получился большой скандал, стоивший Лабзиной церковную и собственно ей политическую репутацию с умеренным конституционализмом. В указанной статье представителей церкви с крайними правыми, подчеркнутой лишний раз, был и главный смысл этого инцидента. Случился он как раз в последние дни третьей Думы, и под его свежим впечатлением началась избирательная кампания в Думу 4-го созыва.

Тут духовное ведомство развернуло такую политическую работу, какой от него и не ожидали. Озлобленные духовной оппозицией всем реальным церковным замыслам, Саблер и компания решили идти ва-банк и поставить все на карту, лишь бы сызнова правую Думу. Пожалуй, даже само правительство не отнеслось столь рьяно к выборам, как церковное ведомство. Выборы в третью Думу были слабой репетицией к отрывке с тех, что делали церковные верхи в последнюю избирательную кампанию нашей октябрьской конституции. Поставлено было на ноги все духовное начальство, мобилизованы все силы и мобилизована стотысячная армия духовных избирателей. Ко дню столь особо предвыборное бюро при синоде, откуда летели директивы до епархий, как и что делать для получения и лучшего результата. Синодское бюро работало в тесном контакте с министерством внутренних дел. Синодские чиновники разъезжали по России и «давали» за кампанией, конфиденциально наставляя архиереев, на всех спитных в до-

ное дело. Организация получилась, действительно, внушительная. Сплоченные и организованные духовные избиратели, благодаря закону 3-го июня, представили такую силу, что ахнули даже в правительственных кругах. Оказалось, что чуть ли не вся мелко-землевладельческая курия в руках духовенства, задавившего и дворянство. Тем более, что население проявило к выборам достаточно индифферентизма, а духовенство из кожи лезло, чтобы использовать каждый голос. Да иначе и нельзя было: начальство требовало, как исполнения служебной обязанности, явки к избирательным урнам духовных лиц, угрожая репрессиями за непослушание. Когда подвели статистические итоги выборщиков первых ступеней, то печать определенно заговорила о «поповской Думе». Соотношение получалось такое, что депутаты в рясах могли завоевать добрую треть, если не половину, думских кресел. Подобной перспективы испугалось само правительство. Ему нужна была послушная Дума, не приличная, которую было бы не стыдно показать Европе. «Поповская Дума» слишком ярко бросалась бы в глаза и резко бы подчеркивала всю подтасовку народного вотума, создаваемую законом 3-го июня. Поэтому духовным властям было указано, что духовенство пусть старается, но не оказывает медвежьей услуги, проводя в Думу своих собратий. Архиереи получили инструкции, чтобы духовные выборщики поддерживали кандидатов правительственных партий, но не старались непременно проводить священников. Для охлаждения аппетитов последних на думские кресла было разъяснено даже, что впредь за депутатами из духовенства не будут сохраняться местные доходы. Принимая услуги церкви, царское правительство не желало видеть в самой Думе больше ряс, чем их было в Думе третьей. Духовные начальства послушно выполнили и эту директиву. Выборы послали в 4-ю Думу приблизительно то же количество духовных депутатов, сколько было в 3-й Думе. Но само собою ясно, что духовные выборщики использовали все свои голоса и вместо своих голосовали за тех, кого им рекомендовали.

А кого им рекомендовали, об этом мы только что упомянули. Бросившись в выборную кампанию, саблеровский штат наметил определенную политическую программу. То была программа правых, в группу коих входили и тогдашние «националисты». Партия союза 17-го октября, при выборах в 3-ю Думу еще правительственная, в 4-ю Думу вступала уже в качестве умеренной оппозиции. Хотя и не резко, но она все больше расходилась с правительством, и последнее отказало ей в прежнем благоволении. Октябристы попали «на подозрение», а в глазах церковных заправил—особенно. Это они устроили Саблеру знаменитый «штурм» и дали несколько осязательных щелчков в кредитах.

Поддерживать «октябристов» на выборах, поэтому, духовенству не рекомендовалось, хотя категорически и не запрещалось. Предвыборные инструкции из синода гласили, что духовенство и само должно принадлежать и от других кандидатов в Думу требовать принадлежности «к правым партиям вообще», у коих один девиз—«православие, самодержавие и народность». Этим девизом должно руководиться духовенство, а если кто и задумал, паче чаяния, придерживаться другого взгляда и сочувствовать левым, то таковым рекомендовалось сочувствие это держать про себя и не выступать с ним на выборах, «чтобы не повредить себе и духовенству в таком важном деле». Духовные власти, конечно, уже со своей стороны старались сделать подобные советы для духовенства как можно более осязательными. Менее забитое городское духовенство в некоторых местах пробовало протестовать против постановки выборной кампании, где им приходится играть роль статистов. Но таких недовольных легко было заставить замолчать.

Выкинув правый флаг, руководимое Саблером церковное ведомство усвоило и тактику своих политических сознников. Церковная печать запестрилась бранью, клеветой и инсинуациями по адресу всех партий слева, начиная с октябристов. «Колокол» твердил своим читателям политическую азбуку «союза русского народа» и открыто агитировал против Думы законодательной. Отдельные имена оппозиции обливались грязью и помоями колокольной кухни. Неприличная тактика вооружала против духовенства общество еще больше, чем его рептильная политическая программа. Характерным примером обострения отношений церковных деятелей с деятелями общественными на выборной почве может служить опубликованный в свое время инцидент на рауте екатеринославского губернатора дворянства осенью 1913 г. Среди гостей здесь были председатель Гос. Думы М. В. Родзянко и екатериносл. епископ Агафит, известный своими выходками против октябристов во время избирательной кампании. Агафит подошел к Родзянко и хотел «обнять его и облобзать». Но Родзянко решительно уклонился от объятий и лобзания. «Извините, ваше преосвященство,—передавали слова Родзянко,—я очень уважаю ваш сан, но согласиться на объятия и поцелуи не могу: вы слишком много и незаслуженно меня оскорбляли. Вы называли меня и моих товарищей христопродавцами и предателями... церкви. Между тем вы отлично знали, что у вас для этого нет никаких фактических данных... Вы слишком много посеяли вражды и озлобления ... Были известия о подобных же столкновениях на разных земских собраниях, где представителям духовенства бросали в лицо тяжелые упреки за их поведение в избирательный период. В таких случаях, конечно, возмущение церковным политиканством

чаша выливалась уже через край. Но хотя бы оно и не выливалось, их была наполнена чаша общественного настроения. Мобилизовав духовную силу и поставив ее в правый лагерь политической борьбы, Саблер и К-о затеяли роковую игру для церкви. Они вооружили против нее не только левую общественность, но и все, что стояло по ею сторону 17 октября 1905 г. В сожительстве с правыми партиями, самыми непопулярными в стране, церковь изолировала себя и принимала ответственность за темные реакции, подготовлявшие грядущее народное восстание.

Впрочем, судьба зло подшутила над всеми реакционерами, в том числе и над Саблером с компанией. Сколько ни старались из 4-й Думы создать думу правую,—ничего не вышло. Оппозиционное настроение в стране оказалось настолько широко разлитым, что выступало во все щели, и там, где его не предполагали. Правые партии на выборах потерпели жестокое поражение. Они послали много депутатов, но не дали большинства,—а без этого условия вся комбинация теряла свое значение. Напротив, выборы усилили оппозицию, толкнув влево и благонамеренных октябристов. Правительство думало отделаться от этих прежних своих друзей, ставших неподкупными. Но не отделалось: они густо заняли центр и, в отместку неблагодарной власти, начали ориентироваться скорее на левую, чем на правую сторону. Такой неожиданный оборот дела обескуражил авторов 4-й Думы и совсем поколебал почву под ногами правящих церковников. Роль церкви в избирательной компании потеряла ее окончательно со всеми неправыми противниками. Непопулярность Саблера мешала ему даже показаться в Гос. Думе без того, чтобы не вызвать какого-либо инцидента и резкостей. Делать, однако, было нечего. Нужно было мириться с создавшейся обстановкой.

Обстановка эта несколько охладила пыл реакционно-церковного строительства. Энергия саблеровцев, видимо, увяла, и они понемногу начали спускать флаг с корабля своих реформаторских начинаний. Начали опять пересматривать и переделывать проекты преобразований, измышляя как-нибудь обойти общественный контроль и провести свой план втихомолку. Но это редко удавалось. Задние мысли саблеровских дельцов расшифровывались, и все планы проваливались прежде, чем успевали выйти из бюрократических канцелярий. Так было с приходской реформой, которая уже давно блуждала в межуведомственных инстанциях. Она значилась официально на счету церковных законопроектов при открытии 4-й Думы: но проект принуждены были снова исправить, когда обозначилась неблагосклонная для саблеровцев физиономия последней Думы. Однако, сколько ни исправляли, соратники Саблера не могли исправить самих себя. Их узко-общественное мировоззрение никак не могло возвыситься до обще-

стижной точки зрения. Между тем в думской среде выдвигались два проекты приходского устройства, именно на общественном базисе. При наличии таких проектов, выработанных в 1913 году октябристами и прогрессистами, Саблеру идти в Думу с своими планами было рискованно. В совете министров он неизменно проваливал думские начинания. Тем не менее появиться с своими открыто не решался. В конце концов законопроект о приходе так и застрял в предверьях законодательных учреждений.

Нечто подобное было и с уставом духовно-учебных заведений. Саблеровцы выработали свой устав семинарий и училищ, но слишком однозный, что с ним напрасно было соваться в Думу. Пробовали его приспособить, сгладить крайности,—покрой оставался непримиримый для общественного мнения. Пытались обойти задним ходом, выпросив у Думы деньги, а потом уж ими распорядиться по своему. Но Дума разгадала махинацию и с своей стороны обусловила кредиты гарантиями от обходов. Саблеровцам оставалось только пока спрятать свой устав.

Что касается обеспечения духовенства, то тут саблеровцы совсем сконфузились. Во время выборной компании в 4-ю Думу они громко звонили, что выхлопочут духовенству казенное жалованье, если будет правая Дума. Это был крупный козырь для привлечения духовенства, чтобы оно лучше старалось. Правительство с своей стороны тогда дипломатично помалкивало, а правые трубили, что они не пожалеют для церкви казенного рубля. Но когда все эти участники дела встретились в Думе, то картина оказалась совсем другая. Правительство заявило, что оно не может дать денег на требуемое жалованье духовенству, правые обнаружили равнодушие к нуждам батюшек, а духовное ведомство предупредительно забило отбой и удовольствовалось скромными надбавками к прежним ассигнованиям. Духовные избиратели были беззастенчиво обмануты и понесли кару судьбы за свое доверие политической реакции. Наказание было тем чувствительнее, что упущен был момент воспользоваться и проектом 3-й Думы об обеспечении духовенства от приходов, при пособии казны. А грядущая революция доказала, что упущено было самое существенное для будущего церкви. Если бы духовенство базировалось определенно на приходы и успело создать себе более или менее устойчивый приходский базис материального обеспечения, революция не ударила бы его столь больно с этой жизненной стороны.

Раздутые саблеровцами в начале пребывания их у власти разговоры о соборе мало по малу стали превращаться в комический анекдот. Предсоборное совещание, где работали ближайшие друзья обер-прокурора, сначала было горячо принялось переделывать на новый лад проекты

...года. Непосредственным к тому побуждением были слухи, что по случаю трехсотлетия Романовского дома церкви будет предоставлено созвать собор, или, по крайней мере, учреждено будет патриаршество. Саблеровцы засуетились и предусмотрительно приготовили проект реформы церковного управления с патриаршеством во главе. Однако, юбилей прошел, ни собора, ни патриарха не принес с собою. После этого соборная энергия в церковных сферах сразу упала. Синодское предсоборное совещание действовало «для проформы», ведь оно должно было существовать «до собора»,—но без всякого уже одушевления. Тем больше, что в обществе, даже церковном, над ним уже был поставлен крест. Прогрессивные элементы придворного духовенства выхлопотали себе право составить свое особое предсоборное совещание и в нем аннулировали все саблеровские устремления, высказавшись в духе либеральных идей 1906 г. У придворного духовенства были свои ходы наверху, и саблеровцы невольно пали духом. Впрочем, так как реализация соборной идеи явно отдалялась в неизвестность, то все эти соборные планы стоили в пустую и интересны больше для внутренней характеристики церковных настроений.

Капитальным вопросом церковного положения было не это внутренне-церковное преобразовательное топтание на одном месте. Идея действительных церковных реформ, реформ освободительных, была давно дискредитирована, и если саблеровцы над ней продолжали издеваться, то это была просто тризна победителей. Существенным для церковной жизни было то или иное сожительство с конституционным строем, и все внутренние церковные вопросы теперь имели один гвоздь: проблему церковно-государственных отношений. Дело в том, что в этом вопросе конституционное законодательство оставляло многое недоговоренным. Создания новых законодательных учреждений неизбежно ставило вопрос: какие же изменения вносит новый строй в порядок церковного законодательства? В период неограниченного самодержавия церковное управление и законодательство подчинялись общему порядку. Царская власть здесь действовала через синод и министра церкви—обер-прокурора, как и в других ведомствах. Конституция создала «объединенное правительство»... и правило, что никакой закон не может воспринять силу помимо Гос. Думы и Гос. Совета. Спрашивалось: относится ли это и к законам церковным? Обер-прокурор входил в состав объединенного правительства. Стало-быть, как будто, следовало ясно, что и круг ведения его дел подчинялся общему течению, особенно, если принять во внимание, что статья о прохождении всех законов чрез две палаты была чрезвычайно категорична и не говорила ни о каких исключениях.

Но в тех же основных законах конституционных значилась ст. 65-я, гласившая, что «в управлении церковном верховная власть действует посредством синода, ею учрежденного». Что же сие означало? Только ли, что порядок церковного законодательства особый, вне-парламентарный, или просто то, что текущее управление церковью принадлежит синоду—учреждению типа несколько отличного от других министерств? Возникало недоумение, которое во всяком случае конституционалисты имели право толковать в смысле подведомственности церковного законодательства общему государственному порядку, поскольку о том не было исключающей оговорки и поскольку раньше, со времен Петра I, церковное законодательство сливалось с государственным.

Указанная неопределенность и явилась камнем искушения для церковников. Будь они искренними конституционалистами, или просто менее тактичными политиканами, им, конечно, не пришло бы в голову поднимать самого вопроса о сепаратности церковного законодательства. Такт должен бы им подсказать, что для будущего церкви в конституционном государстве гораздо дальновиднее опереться на представительные учреждения, чем на произволение царской власти, колебание почвы под которой было очевидно. Сначала синодские верхи и не задавались, повидимому, задачей выделить церковную область из компетенции конституционных учреждений. Но изобретательность саблеров подсказала им, что они, пожалуй, на этом пути могут найти лазейку из создавшегося для них враждебного думского окружения. Толкнувшись несколько раз неудачно с своими реакционными проектами в Думу, сидящие церковники, в поисках обхода, сообразили, что ведь можно еще спорить о толковании ст. 65-й. Как только это сообразили, тотчас же нажали соответствующие пружины вверху, и в результате в 1913 году появилось нашумевшее разъяснение 65 ст. осн. законов. Правда, оно появилось как-то украдучись, опубликовано не было; но факт был налицо и с ним, как с фактом, считалась Гос. Дума, внесшая по этому поводу специальный запрос правительству: ибо и право толковать основные законы принадлежало законодательным учреждениям. История с этим истолкованием так и осталась темной—царская власть не хотела в ней отчитываться,—но ее впечатление осталось удручающее. В отношении церкви к конституционному строю было внесено новое обострение, последствия которого могли быть только неблагоприятны для общей постановки церковных отношений к новому государству. Отгораживаясь от представительных учреждений, обходя конституционный порядок и укрываясь под кров самодержавия, церковь в руки его предавала окончательно свою судьбу. Она отталкивала от себя все бо-

ную конституционную Россию и открыто хваталась рукою за отжившее царское полновластье. На выбор: с народом или с царем — она ответила, что выбирает второе.

Духовное ведомство при Саблере не пробовало даже и скрывать своей политической позиции и своих политических симпатий. Приравнявши с 4-й Думой, церковные дельцы не бросили карты, а стали играть у себя семейно. Официальная церковная печать и после выборов 1912 года сохранила свой партийно-политический тон и подняла ноты еще выше. Словно вымещая бессильную злобу на прогрессивные элементы, на интеллигенцию, на своих противников, церковные органы систематически начали чернить Думу, конституционный строй, «левых», куда у них относились и октябристы, «интеллигентский либерализм», освободительное движение и т. д. Полились целые потоки политических инсинуаций по адресу этих «врагов церкви», в перемежку с дифирамбами в пользу монархистов и монархических устремлений. Синодские «Ведомости» давали тон; скворцовский «Колокол» придавал ему уличную бойкость; а епархиальная печать подлаживалась под мелодии сверху. Все это рассчитано было главным образом на духовенство, но отчасти и на народную массу. Церковные литераторы саблеровского лагеря особенно стали хлопотать о популяризации церковного издательства. Заправила синодского издательского дела, ярый «союзник», епископ Никон издавал десятки тысяч листков, предназначенных итти в народ. То была сплошная агитация в пользу политической реставрации и натравливание темного люда на сторонников конституционного порядка. И в прогрессивной прессе, и в думских кругах диву давались, как можно так распоясаться, забыв всякие приличия, как то сделал Саблер. Целое ведомство, составлявшее часть государственного управления, вело открытую борьбу против существующего государственного строя. Но для столпников самодержавия, как известно, были не писаны законы нашей конституции. Укрываясь под крыло царского самовластия, правые церковники делали, что хотели.

Обостренность отношений между ведомством Саблера и прогрессивной общественностью ни мало не сгладилась и в период некоторого политического затишья в связи с начавшейся европейской войной. Поэтому, когда летом 1915 года поражения на фронте заставили царское правительство искать сближения с общественными силами для организации недававшейся победы, то фигура Саблера стояла на одном из первых мест среди тех политических фигур, которым приходилось удаляться за кулисы. Саблер получил отставку вместе с другими наиболее реакционными министрами. На место его был назначен обер-прокурор

А. Д. Самарин—общественный деятель, умеренный либерал и церковный прогрессист, предназначенный, видимо, специально для примирения общественности с одиозным ведомством церкви. Так это назначение и было понято обществом, а в частности церковными кругами. Передовая часть последних почувствовала почву под ногами и начала слова мечтать о деле церковного обновления. Первым выразителем этого настроения, как ни странно, явилось думское духовенство. Надо заметить, что в числе обманутых надежд, связанных с 4-й Думой, была и надежда на исключительную благонадежность священников. Думские священники в 4-й Думе не захотели быть статистами и заняли свое, конечно, умеренное, но самостоятельное положение. Не рискуя сидеть слева, они сидели в центре и на правых скамьях, но не позволяли себе никаких одиозных для думского большинства выступлений. Саблер не нашел в них той поддержки, на какую рассчитывал, а когда он ушел, то думское духовенство поспешило выявить, что оно отказывается от солидарности с саблеровской политикой. 4-го августа 1915 года оно, в полном составе, подало новому обер-прокурору Самарину докладную записку о необходимых церковных преобразованиях, намечая определенно либеральную линию реформаторской деятельности. Без сомнения, это был чувствительный моральный удар правым церковникам. Уж если под их контролем прошедшие в Думу представители духовной среды от них отрекались, то их полная изолированность была очевидна.

Однако, в 1915 году «свободные» веяния оказались так же непрочны, как в октябре 1905 года. Лишь немного улеглась военная паника, лишь немного ослабело впечатление понесенных неудач, как верхи опять повернули руль направо и показали спину «общественным силам», вызванным на поверхность в минуту смятения. При царском дворе возобладала «камарилья», для которой ненавистна была общественность. А. Д. Самарину пришлось испытать на себе новый поворот скорее, чем какому-либо другому «общественному» министру. Он продержался на обер-прокурорском посту всего каких-нибудь три месяца и должен был уйти, когда проявил непокладистость пред закулисными влияниями. На его место был назначен сначала бесцветный Волжин, а потом скоро министр из распутинской передней—Н. П. Раев, которому, разумеется, не суждено было по самому источнику его министерства стяжать общественные и думские симпатии. Тем не менее, после Саблера, саблеровская беззастенчивость не повторялась. В новом церковном курсе не было прежних резкостей и прежней открытой враждебности к законосовещательным учреждениям. Саблеровские соратники или ушли, или стушевались. Их заменили люди бесцветные, но по крайней мере не одио-

...ло, это смягчило, может быть, общественную неприязнь к церковному ...ходству и несколько успокоило напряженное раздражение, питаемое ...тением четырех лет саблеровской политикой. Но о примирении церкви ...бщественностью говорить все-таки было трудно. В саблеровские дни ...ожа имущие церковные элементы так зарекомендовали себя своей ...ястной реакционностью, что печать ее осталась неизгладимой.

Раеву выпала на долю слишком высокая для него участь—хорошить ...ра и быть последним в списке царских министров церкви. Его ...ая фигура словно олицетворила то ничтожество, в какое был при...ен церковный авторитет всей царской историей, а в частности ...ой последних лет перед революцией. Раеву пришлось быть проводником ...последней попытки колеблющегося режима ставить все карты для ...поддержании. В церковной сфере это сказалось в новой постановке ...роса об обеспечении духовенства казенным жалованьем. На этот ...ос поставлен был с особой ревнительностью и спешностью. В ...ле 1917 года специальная комиссия под председательством митр. Пи...ма ускоренно работала над названным проектом обеспечения духо...ства. По всем признакам, Раеву и Питириму из сфер были даны ...ания, что это дело нужное и ему будут содействовать. Подкладка ...а была та же, что и при Саблере: хотели привлечь духовенство ...ально. Только теперь надобность в союзниках была особенно настои...ельна, и потому было больше шансов, что в сферах примут к сердцу ...ходатайства о новых крупных ассигнованиях на духовенство. Однако ...оты в данном направлении прервала февральская революция, сразу ...ркнувшая всякие замыслы Питирима, Раева и К°. Появление упо...янутого проекта накануне революции лишь доказывало, как мало цер...ные верхи учитывали положение и как они были глухи к знамениям ...мени. А знамение было только что в январе 1917 г., когда совершился ...частный суд над самой темной личностью последних дней царской ...—пресловутым «старцем». События показали, что то было грозное ...предостережение.

III.

Имя «старца» Григория Распутина открывает пред нами еще одну ...рачную страницу из истории церкви в период 1905—1917 г.г. Когда ...износится это имя, то невольно вспоминается вся закулисная борьба, ...интригой которой ставили вехи на ходе церковного управления. В мире ...ховной иерархии всегда бывали интриги, прислужничество, забегание ...ильного крыльца. Личные связи и отношения здесь, как впрочем и везде ...сократии, значили порой больше, чем самая политическая окраска,

и уж конечно, больше талантов и заслуг. Но никогда закулисное интриганство не развивалось до такой степени и не доходило до такой унизительности, как в последнее десятилетие царского режима.

Почву для этого закулисного интриганства дали, помимо общих условий царского режима, особые условия правления последнего царя. Семейные отношения отдали его под влияние женщины, определенно страдавшей повышенной истерией и психозом. Психоз императрицы принял между прочим форму религиозную,—и тут открылось широкое поле для всякого кликушества, ханжества и пролазничества под видом всевозможных «благодатных» откровений. При дворе начали искать и искать «святых» людей, словно ища чуда, которое спасло бы погибающую династию. Случай выдвинул одного «святого», который, пожалуй был действительно по своему святым: то был сначала инспектор, а потом ректор СПБургской духовной академии, архимандрит, впоследствии епископ, Феофан. Этому святому и суждено было невольно сделаться орудием явного греха.

Феофан был аскет, истый монах, замкнувшийся от мира и совершенно не знавший жизни. Практический младенец, он долгие годы почти не покидал стен академии, войдя сюда студентом, приняв здесь монашество и оставшись на академической службе. Склонность к монашеству в нем была, должно быть, от природы: но развилась она в тепличной академической атмосфере, где насаждение монашеских идеалов стояло своей задачей тогдашний ректор епископ Сергий (Старогородский). Этот Сергий был из людей той же школы, что и Антоний Храповицкий. Они и Антоний были закадычными друзьями и во многом единомышленниками. Но Сергий не имел недостатков и крайностей Антония. Он не был ни крайним реакционером, ни интриганом, ни противником общественности. Напротив, он занимал видное место в той группе духовенства, которая искала сближения с интеллигенцией, и играл видную роль в тех попытках сближения, какие делались в 1900—1902 г.г. и арену коих служило тогдашнее Религиозно-философское общество в Петербурге. Положим, представители интеллигенции не нашли общего языка с церковниками и обе стороны разошлись, ничего не достигнув. Тем не менее личность Сергия выделялась в то время весьма выгодно и он пользовался заслуженными симпатиями в обществе светском и духовном. Им покровительствовал митр. Антоний, его любили в академической среде. Его единственной слабостью было «монахолюбие», и на этой почве, главным образом, поддерживалась его дружба с Антонием Храповицким,—впрочем, тогда еще не проявлявшим себя так, как то было позже. Насаждать монашество среди академической молодежи было у Сергия в

Антония навязчивой идеей; около них всегда группировались действительные и будущие монахи. Феофана, с его настроением, в этом кружке, естественно, пригрели и обласкали. Из него готовили ученого монаха-епископа и ревнителя монашеских традиций, хотя и трудно было из такой натуры создать администратора: неизбежное назначение ученых монахов. Скромный тихий, молчаливый, ходивший всегда с опущенными глазами, избегавший даже вида женщин, застенчивый, как девушка, говоривший шопотом, изможденный постом и молитвой, Феофан прямой скорее в келью, в затвор, чем на начальственные должности в школе или в епархиальном управлении. Но монашеская дисциплина была сильна по своему, и этого аскета повели обычной учено-монашеской дорогой. Сначала преподаватель и профессор академии, потом инспектор, в 1909 году он делается ректором и епископом. А вместе с карьерой непостижимо меняется и его характер. Из его аскетической натуры вырабатывается нетерпимый фанатик, с властными тенденциями навязывать свое мнение и достигать своих целей. Тихий человек начинает преображаться, когда речь заходит о церковном либерализме и освободительном движении. От 1905 года этот замкнутый монах, видимо, вынес одно впечатление, что всякое свободолюбие—от диавола и всякие освободительные девизы—зов нечестивых. Когда в его руки попала власть над академией, он поднял борьбу с либеральными «плевелами», при чем его столкновения с противниками в академической среде доходили до такой горячности, что ему в лицо бросали громко в академическом совете: «вы лжете!».

Слух о «святости» Феофана в 1909 году каким-то образом дошел и до придворных кругов. Сам Феофан нигде не показывался и дичился всякого общества. Но его «нашли» и «вывезли» в свет, может быть, помимо его желания. Впечатление от монаха получилось благоприятное. Он отчасти похож был на знаменитого Фотия духовника Александра I, хотя и без Фотиевой вошлственности. А такие люди нравились истеричным женщинам и внушали к себе почтение. Феофан сделался persona grata в придворных сферах и получил вес, которым при желании мог бы воспользоваться для своих интересов. К чести его надо сказать, что он воспользоваться этим не хотел, да и не умел. В «сферы» он ездил не слишком охотно и паперстником не сделался. Зато через него туда проник более ловкий делец, из «святости» сделавший хорошую карьеру, хотя и кончившуюся трагически.

Около Феофана, как «святого», ютились разные святоши, юродивые, странники и т. п. Все это была мелочь, не заслуживающая внимания, если не считать Илиодора, тогда монаха, коему суждено было

шумом нашуметь на всю Россию. Но в 1908—1909 г.г. в Феофановском кружке появляется и крупная рыба. Сюда нашел дорогу и здесь акклиматизировался приезжий из Сибири «старец» Григорий Ефимович, по фамилии Распутин-Новых. У себя на родине старец слыл за святого, и этого было достаточно, чтобы его приняли в кругу «святых». У старца скоро нашлись в столице поклонницы, привлекшие к нему и покровительницей; но к Феофану он льнул особенно. Почти каждый праздник одно время можно было видеть фигуру Григория, с его острыми и хитрыми глазками, в поддевке, на видном месте в академическом храме за богослужением. Оттуда отправлялись пить чай к Феофану и тут бывал в сборе весь кружок. Григорий сначала вел себя скромно, ничем особенно не выдавался и сошелся с членами кружка. Личностью Распутина тогда еще не интересовались в обществе, а потому ее и не разоблачали. Позднее выяснилось, что это был ловкий проходимец, явный хлыст, грубый, злой и развратный мужик, носивший личину святости, «старчества», далеко не при старом возрасте. Но он носил эту личину весьма умело и несомненно в нем было что-то, подчинявшее его влиянию истеричных субъектов. Истерии же было не занимать стать нашей аристократии и выдающимся верхам. Там заинтересовались старцем и стали его пропагандировать. Поверили старцу и в Феофановском кружке, видя в нем якобы юродство «Христа ради». Сам Феофан легко поддавался таким обманам по своей жизненной неопытности и неумению разбираться в людях. Ловкому человеку обмануть его не стоило труда, лишь бы он признавался монахолюбцем и боголюбцем.

Обретя «сокровище», Феофан не хотел держать его под спудом и вывез в свет, куда недавно вывезли его самого. Через Феофана Григорий Распутин попал ко двору и скоро сумел пустить корни. Ученик легко затмил неумелого учителя. Ловкий Распутин гораздо более приспособлен был к придворному болоту, чем застенчивый аскет Феофан, и последний стал быстро мараться, а первый выситься. В конце концов Григорий затмил Феофана, а когда появились разоблачения его личности, то падал и опалу на бывшего монаха-фаворита. Феофан покровительствовал Распутину, потому что действительно принимал его за старца. Когда же в печати появились сведения, что такое Распутин и каковы его деяния, когда в руках Феофана оказались письма опозоренных Распутиным женщин и матерей опозоренных девушек, и когда Распутин не мог опровергнуть возводимых на него обвинений, Феофан и его друзья решительно отреклись от старца. Феофан сам пробовал раскрыть глаза царю на Григория. Но было поздно. Влияние «старца» оказалось сильнее упавшего влияния Феофана. Старцу верили, хотя его нравы

жертвой недобросовестных инсинуаций, а его обвинителей—клеветниками. Феофан, принявший так же горячо к сердцу роль обличителя «хлыста», как он принял роль покровителя «ревнивого о Христе», вдал в немилость и скоро получил почетную отставку. Его назначили епископом на епархию и больше о нем уже не вспоминали. Как администратор и церковный деятель он все равно не годился, а потому его не тянули в Петербург и его друзья—Сергий и Антоний, даже когда они были у власти.

Итак, звезда ложного святого взошла, можно сказать, на месте святого истинного. Распутин привился и упрочился в придворных и аристократических кругах. Правда, и здесь все более порядочное брезгливо сторонилось «старца». Но «положение обязывает», и гордым бюрократам частенько приходилось любезничать с сибирским мужиком, чтобы добиться целей в царском кабинете. Чем дальше шло время, тем шире старец распускал паутину своего влияния, искусно дергая за ниточки, находившиеся в его руках, ножки придворной «камарильи». Само собой понятно, что как «святому», ему всего сродней была область «святости», т. е. церковных дел. Тут его компетенция казалась естественной, и его вмешательство стало проявляться раньше. Тем больше, что и лично здесь у Григория было больше симпатий и антипатий, больше поводов и путей подсказывать свое словцо. Несомненно, по его интригам ректор академии Феофан, с ним раздружившийся, был удален в епархию. Но это была первая ласточка, лишь предвещавшая распутинскую эру в церкви, ознаменованную рядом внутренних скандалов в иерархической среде и полным разложением иерархической дисциплины.

Эра распутинского влияния открылась, как то и можно было ожидать, с назначением на обер-прокурорский пост В. К. Саблера. В свое время определенно говорили, что уход предшественника Саблера — С. М. Лукьянова был связан тоже с распутинской интригой. Лукьянов, человек кабинетный, медлительный, довольно узкий, но честный, был слишком порядочен, чтобы пачкать руки прикосновением к «старчеству». Он игнорировал Распутина и не хотел считаться с его закулисной ролью. Он, и митр. Антоний, тогда еще живой, хотя и больной, делали последние усилия, чтобы как-нибудь охранить церковь от распутинской грязи. Старцу, начавшему входить во вкус политического интриганства, не нравилась такая неповадливость, а глазами старца смотрели на вещи люди, от которых зависели судьбы России. После нескольких коллизий, упрямому обер-прокурору дали отставку. Неудивительно, что новый обер-прокурор должен был выйти из распутинской передней и получить старческое помазание. О Саблере категорически утверждали, что он обя-

ый был обер-прокурорством Григорию. Влиятельный прохиндей, от-
нудь, увидел в Саблере вполне удобного человека, с которым можно
ладить; и Саблер оправдал это доверие. К «Григорию Ефимовичу» он
всегда обнаруживал необычайную почтительность и услужливо исполнял
его желания. От Григория летели записочки к Саблеру, и простой без-
грамотной писульки на клочке бумаги было достаточно, чтобы перед
просителем любезно распахнулась дверь обер-прокурорского кабинета и
для него все было сделано. При личных свиданиях «Владимир Карло-
вич» принимал как друга и отца «Григория Ефимовича». Словом, между
«келией» старца (для которого келья часто бывал и отдельный кабинет
«первого ресторана) и кабинетом министра синода установилась трога-
тельная гармония. Но где розы, там и шипы.

Саблеру нужна была большая изворотливость, чтобы балансировать
между Распутиным и своими церковными друзьями, без которых он был
словно, как без рук. Друзей этих было главным образом двое: вышеупо-
мянутые архиепископы Сергий и Антоний. Но оба были «феофановцы»
и смотрели на «старца» подозрительно. У Сергия, видимо, к Распутину
была брезгливость. Антоний был менее щепетилен и не прочь действо-
вать через Распутина: ведь «цель оправдывает средства». Все-таки оба
архиерея были к старцу холодны, и Саблеру нужно было согревать эту
холодность своей собственной горячностью, чтобы не обидеть старца.
Счастье Саблера было только в том, что и Сергий, и Антоний умели
приспособляться и быть дипломатичными. Без этой гибкости едва ли бы
указанная гармония сохранилась так долго. Эластичным оказался и чет-
вертый друг трех друзей—архиеп. холмский Евлогий, проведший
в 4-ю Думу и принявший деятельное участие в саблеровском кружке по
личным и идейным связям с Сергием и Антонием. Что касается других
ближайших сотрудников Саблера, то видную роль при нем занимал
епископ Никон, епископ вологодский, в 1912 году назначенный членом синода
и входивший в состав саблеровских приближенных. Но этот безудержный
«хозяин» обладал свойством всех правых—низкопоклонством и угодли-
востью. Распространяя черносотенную литературу, он не был разборчив
в средствах, как поддерживать линию своего политического поведения.
Сказал Распутин, что полезен,—так Никон готов был лобзать и его
руку. Этот архиерей никогда не портил игры Саблеру, когда игра была
«правой».

Но беда была в том, что не все были покладисты даже в правой
церковной группе, на которую опирался Саблер, и здесь то был источник
скандальных происшествий. Скандал разыгрался уже в 1912 году, и его
участниками явились бывшие Григорьевы друзья—епископ Гермоген и

...ках Илиодор. Ен. Гермоген, в то время занимавший саратовскую ...дру,—колоритная фигура той сумеречной эпохи церкви. По поли...ческому настроению это был человек правый, явный реакционер, по...читель «Союза русского народа». И по церковным взглядам он был ...ой, враг церковного либерализма и убежденный сторонник епископ...ой власти. Но по характеру он был стоек и упрям и не умел ...ситься, как того требовала иерархическая карьера. Вызванный ... году Саблером в синод,—разумеется за свою правизну,—он не ... с гибкими синодскими коллегами. В январе 1912 года по поводу ...ких синодальных действий он вздумал заявить резкий протест ... апеллировать прямо к верховной власти. За такой поступок ...ен от присутствия в синоде. Другой бы покорился, а Гермо...-бедовый человек—стал противиться. Он не поехал в Саратов, ... остался в Петербурге, желая себя реабилитировать и требуя собор...го суда над собой. Ничего подобного не осмеливался делать еще ни ...ин иерарх: мало ли их увольнялось из синода, вышел куда был ...ого приложения. Но в Гермогеновском непокорстве сказа...ь, видимо, уже налаживался разложение иерархической дисциплины. В иерархической среде хорошо знали, как делаются закулисные дела, ...ой Саблер и чьих марионеток представляют почтенные иерархи. ... или решил, что он сумеет найти тоже тайные ходы, или хо...ал играть долго на своих собратий и Саблера в частности. Зная, что ...ные заправилы больше всего боятся публичного скандала, непо...ный епископ был на скандал. Он вдруг сделался «общественником», ... писать свои заявления в либеральных газетах и апеллировать ...ственному мнению. Скандал особенно разгорелся, когда на помощь ...ену прибыл из Царицына его боевой сотрудник — иеромонах ...р.

Илиодор был одним из воспитанников епископов Феофана и Сергия ...ительным членом Феофановского кружка. Это была натура пламен...я, порывистая и несдержанная. Фанатик монашества в юные годы, ...ленный реакционным духом, Илиодор в то же время был боец, го...ий проповедник и энергичный агитатор—полная противоположность ...ому. Понятно, что для правых церковников это была находка, и ...ора ценили здесь, возлагали на него надежды. В Петербурге у Илио...ра уже нашлись поклонники, вернее поклонницы, но полностью звезда ... взошла у него на родине, куда он перенес свою деятельность. Илио...р уехал в Царицын, организовал здесь свой монастырь и близко со...лся с саратовским епископом Гермогеном, который взял под свое ...ительство начавшего уже делать нетактичности монаха.

в саратовской епархии Илиодор с Гермогеном «работали» на поприще «искоренения крамолы» и борьбы с освободительным движением. Илиодор громил интеллигенцию, передовую общественность, всех врагов самодержавия и сторонников конституции. Союз русского народа нашел в этом буйном монахе своего народного трибуна, у которого нельзя было отрицать демагогических способностей. Молва об Илиодоре шла далеко от Царицына, а его деяния порой приводили в смущение и министерство внутренних дел. В конце концов сами церковные власти стали опасливо смотреть на царицынского пророка, каждую минуту опасаясь, чтобы он не слишком их скомпрометировал. Гермогену его отдали специально на начало, рассчитывая, что тот будет его сдерживать.—но, кажется, ошиблись. Гермоген и Илиодор вместе составили одно целое, и их союз лишь укрепил ту беспокойную силу, какую они представляли.

События показали, что опасения были правильны. Узнав о постигшем Гермогена в столице несчастьи, Илиодор поспешил туда же, чтобы «спасать» за своего покровителя и отца. У него были связи, и он на них, разумеется, рассчитывал. Но связи эти не помогли ни ему, ни Гермогену, потому что у них не было главного: благоволения «старца». Напротив, они имели неосторожность активно вооружить против себя Григория, ибо, взяв на себя роль обличителей, стали обличать и этого проходимца. Илиодор его хорошо знал, когда вращался в Феофановском обществе, и вместе с Феофаном из друга превратился в его врага после грязных разоблачений подозрительного святого. Благодаря этому знакомству, у Илиодора и Гермогена были в руках данные, раскрытия которых Распутин основательно боялся. Впоследствии Илиодор в особой книжке рассказал все, что он знал о Григории. Книжка эта называется: «Святой чорт», и такого названия достаточно, чтобы судить о ее содержании. Но в то время, когда разыгралась Гермогено-Илиодоровская история, таких вещей о старце нельзя было говорить публично. Илиодор мог лишь распространять свои обличительные сведения в светских салонах и гостиных среди своих почитателей, но в салонах такого рангa, откуда достать старца было трудно. В конце концов Илиодор и Гермоген раскрыли для общества много закулисных сторон иерархических верхов, но лично для себя цели не добились, а только отягчили свою участь. За упорное противление церковной власти Гермоген был лишен кафедры и сослан в Жировицкий монастырь. Илиодор пробовал скрыться, но его поймали при помощи полиции и отправили во Флорищеву пустынь.

Изложенные происшествия начала 1912 года уже вызвали большой шум. Вся суть была в публичности скандала и тех откровениях

ла которые не скупились Гермоген и Илиодор. Лично Гермогену общественное мнение сочувствовать не могло. Илиодору тем больше. Но Гермоген поставил дело на принципиальную почву, а она имела общественный интерес. История эта наглядно показала всю темную сторону церковного управления, где господствовали закулисные влияния. Общественное мнение особенно охотно подхватило разоблачения о роли «старца», на которого Гермоген и Илиодор определенно указывали, как на виновника их падения. По поводу конфискации нескольких газет, затронувших «старца», дело перешло даже на трибуну Гос. Думы. С исключительным единогласием всех против одного Гос. Дума приняла запрос о Распутине и тем выразила свое отношение к церковному и политическому скандалу, создаваемому влиянием проходимца. Запрос имел свое действие: Распутину пришлось временно отправиться на родину.

Скандал на этом однако, не закончился. Епископ Гермоген покорился своей участи и замолк в монастыре, получив, кажется, обещания, что за послушание онала может быть снята. Но его юный соратник — Илиодор оказался упорнее и несговорчивее. Во Флорищевой пустыни он продолжал вести себя вызывающе. Сначала бомбардировал письмами своих покровителей и осыпал упреками представителей церковной власти. Потом начал готовиться к побегу. Когда же побег не удался, то он решил снять с себя сан. Но того мало. В пламенной натуре Илиодора вся история борьбы с закулисными противниками в конце концов, произвела, видимо, глубокий переворот. Вместе с монашеством, он отрекся и от своего прошлого, сжег все старые корабли. Когда наступил момент снятия с него сана, Илиодор написал церковным властям послание, в котором отрекался от официального православия, от иерархии и церковности, каялся в своих прежних выходках против интеллигенции, евреев, Толстого и т. д. Отречение Илиодора произвело не меньшую сенсацию, чем падение Гермогена. Оно нанесло тяжелый удар церкви уже тем, что свидетельствовало о крайнем неблагополучии в церковной атмосфере, если ревностный церковник кончил бунтом против церковности. Не даром Илиодорову драму называли трагедией церкви. Вообще же весь инцидент Гермогено-Илиодорова ратоборства с темными силами церковных кулис поднял на поверхность церковной жизни всю грязную тину ее глубины и тем самым вырос в моральную церковную катастрофу, чреватую длительными последствиями.

Финал Гермогено-Илиодоровой истории разыгрывался как раз в начальные дни деятельности 4-й Думы, над которой так старалось ведомство Саблера. Это усиливало впечатление и определяло вперед настроение общественных кругов к церковному положению. Тут же подоспело еще

и другое немаловажное церковное событие, в котором опять приоткрылись церковные кулисы. В начале ноября 1912 года скончался петербургский митрополит Антоний, при Саблере совсем потерявший руководящее влияние. Смерть его развязала руки саблеровцам, иногда все-таки стеснявшимся маститого иерарха, хотя и разбитого болезнью. Правая партия поспешила, конечно, использовать момент для укрепления своих позиций. На место Антония был перемещен из Москвы митр. Владимир—твердая опора саблеровского курса и всей церковной реакции. В Москву же прочили Антония волынского,—вдохновителя реакционного режима. Но закулисная рука неожиданно передернула карты. На московскую митрополию был назначен томский архиепископ Макарий. Откуда взялся этот кандидат—громко говорили в церковных кругах. Его выдвинул «старец», знавший Макария в Сибири, у себя на родине и нашедший в нем родственную душу. Его рекомендация значила, конечно, больше, чем представление его ставленника Саблера. Последний и не преминул желанию Григория. Он поспешил раскрыть объятия новому протеже могущественного фаворита.

Неудача кандидатуры Антония Храповицкого была чувствительной потерей для саблеровцев, естественно стремившихся обеспечить за собой важнейшие иерархические места. Но, вообще говоря, Макарий не портил игры господствующей группы и удачно подходил к современному стилю. Это был полу-развалившийся, однако упорный и злой старик, друг и единомышленник «союза русского народа», ненавидящий всякое освободительство. В синоде он шел заодно с митр. Владимиром и подавлял Саблеру, а у себя в епархии окружил себя такими помощниками, имена которых четко записались на черную церковную доску. Его главным приспешником и заправилой всех епархиальных дел был известный в свое время протоиерей Восторгов, реакционная наглость которого выходила за пределы всякого приличия. Вторым сотрудником Макария был викарный епископ Феодор, ректор московской академии—фигура, возбуждавшая яркое негодование прогрессивных церковных элементов своей деспотичностью, реакционным настроением и беззаконным самовластием. При помощи таких дельцов Макарий правил у себя, как в вотчине, пуская Восторгова и во всероссийский оборот, где его выступления обычно кончались общественным скандалом. Словом, Макарий оказался вполне достоин распутинского помазания. Нечего и говорить, что сам он питал к «старцу» чувство искренней признательности, и когда старец снова приехал в Петербург из временного изгнания, то покои Макария были для него всегда открыты. Здесь собирались распутинские друзья, или ищущие распутинской протекции. Старик Макарий, несмотря на свои

немощи, находил с своей стороны силы частенько посещать дом ближайших к «старцу» людей—Решетниковых и проводить там время в приятном обществе «святого» человека, как именовал Макарий Григория. Верил ли он действительно в его святость, неизвестно. Но при своем недалеком уме, окончательно ослабевшем от старости, Макарий, пожалуй мог и верить.

В назначении Макария «старец», может быть и невольно, подставил ножку своему ставленнику—Саблеру: а может быть он и сознательно отстранил от московской митрополии Антония волынского, так как с Антонием у него не было хороших отношений. Вообще же, чем дальше, тем распутинское своеправие все больше расходилось с видами правящей церковной партии и заставляло Саблера метаться в довольно неудобных положениях. В 1913 году на этой почве вышли новые замешательства, привлекшие общественное внимание. Саблеровцы чересчур перестарались с так называемой афонской историей, когда вздумали искоренять афонскую ересь—учение афонских монахов—«имябожников». Синодский посланец в русские монастыри Афона, еп. Никон, явившийся сюда с военной силой, проявил такой мясопоперский пыл, что даже синоду стало стыдно. Главное же, вдруг оказалось, что «святой старец» держит скорее сторону афонских «святых». Придворные сферы тотчас надели распутинские очки, и синодалам было дано понять, что их рвение неуместно. Вместе с тем из-за церковных кулис вдруг стали появляться новые фигуры, которых вовсе не ждала и не чаяла саблеровская компания. В члены синода был вызван из далекого Тобольска—родины Григория—епископ тобольский Алексей, определенный противник, правда, не идейный, а личный, Саблера и Антония. Он только что недавно подвергся опале саблеровцев и из Пскова был послан в Сибирь. Но здесь ему удалось познакомиться и сойтись с Распутиным, отдыхавшим в провинциальной тиши от суеты столичных салонов и особенно от «шума» думских кулуаров: и этого было достаточно, чтобы опальный архиерей пошел в гору. Уж, конечно, не Саблер представлял его в списке синодальных кандидатов. Мало того, что приехал нежданный гость: пришлось уехать в свою епархию правой руке Саблера—Антонию Храповицкому. Между Алексеем и Антонием были такие натянутые отношения, что и неудивительно совпадение приезда одного с отъездом другого. Скоро саблеровцы получили еще удар: осенью 1913 года, когда освободилась кафедра грузинского экзарха, на нее, в обход всех синодальных кандидатов, был назначен тот же еп. Алексей. Таким образом, волею Григория, опальный архиерей в один год возвысился до первого после митрополитов положения, тем перевертывались всякие расчеты правящей группы

В церковной атмосфере запахло новым скандалом, когда получил огласку инцидент с иеромонахом Серапионом. Серапион, антиминсен, назначенный в Сухум в ведение экзарха, отказался принять это назначение, потому что его учитель Антоний признавал неконическим назначение Алексея на экзаршество. Иначе говоря, волынский архиерей ставил прямо вопрос о качестве распутинских «помазаний». К сожалению, ставил только тогда, когда его лично задели, а раньше он молчал. Историю эту постарались замять, но она стала широко известна.

И на место Алексея в Тобольск также «помазал» нового архиерея «старец», да еще какого архиерея. То был старый протеже Григория, уже раз причинивший скандал синоду. Варлаам-огородник. Огородником его прозвали за его начальную профессию, в которой понятно не было ничего худого. Худо было то, что «огородник» был совершенно не учен, по образованию годился еще в псаломщики, а его в 1911 году сделали епископом, поместив на кафедральное викариатство. Сейчас страшного успеха огородника-Варнавы скрывался в его знакомстве с Григорием. Для синода, тогда еще не привычного к распутинским назначениям, выдвинутая сферами кандидатура Варнавы была столь конфузна, что он, было, воспротивился его появлению. Но когда было дано понять, что с этим вопросом связывается судьба самого «Владимира Карловича», то, говорят, бесстрашный ярый Антоний Волынского так объяснил необходимую уступку: «Мы готовы хоть борова посвятить, лишь бы нас Владимир Карлович сохранить». Варнава стал епископом. Против него однако, столь сильно было настроено общественное мнение в епархии, что ему пришлось уйти «на покой», как раз незадолго до перевода Алексея в Грузию. И вдруг на освободившуюся тобольскую кафедру велено было назначить того же Варнаву, карьеру которого все считали покончанной. Синодалы совсем не думали о таком кандидате, но вынуждены были покориться обстоятельствам. Распутин окончательно портил церковную атмосферу и спутывал все отношения. Старец был не политик и не интересовался, какого его помазанника обер-прокурору находить выход из всех затруднительных коллизий. А общество наблюдало старческие проказы в церковной сфере с все возрастающей брезгливостью к закулисно-иерархической жизни.

В 1915 году, как мы уже упоминали, Саблера, наконец, решили убрать. Но общественное самарцев в условиях распутинщины не могло, конечно, продержаться. Стали пробовать за кулисами вернуть церковные дела, и с таким обер-прокурором ему решительно нельзя было ужиться. Самарину скоро «отказали», а распутинство воцарилось в церкви безраздельно. Второй проказой Самарина Русь обязан из стар-

особо крупных и был обязан министерским постом Распутину отношение, что в свое время Саблер. Это был человек, настолько неподходящий для руководительства церковным управлением, что только старческое безумие Синода могло выдвинуть подобную фигуру. В роли церковно-политического деятеля, бывший директор женских курсов оказался просто смешон и был всеобщей распутинской карикатурой. Его назначение понималось, как бесстыдный вызов общественному и духовному мнению, с этому которому церковь Синода и с которым опять окончательно перестала считаться. [illegible] столкновение с Распутиным, [illegible] столкновение с Распутиным, вызвавшее скандал... и справедливое возмущение тех кругов, которые не могли равнодушно относиться к торговле церковным авторитетом.

Распутин, между тем, не стеснялся и распоряжался окончательно тому, конечно, способствовали политические условия. С осени 1915 года царский двор, вслед, начал свою последнюю игру в-борьбе ставки которой были скоро сняты революцией. Для Распутина не было подходящей петроградской митрополит, хотя правая печать и распутинцы, больше стойко держались против распутинских интриг. Столицу надлежало строить в церковной сфере совсем по-серьезному, и он столицу Владимира с поста киевской митрополии заменил его своим знакомым Питиримом. В начале 1915 года Владимир был неожиданно переведен в Киев на место умершего Флавиана. Назначенный, его преемником Питирим не стал также был в одном, как и Алексей не успев уехать с курскими торжествами во время пребывания Николая. Потом его Саблер гонял кафедры на кафедру, пока незначительному архиерею не удалось заручаться благоволением старца. Тут уж нужны были другие. Питирим получает хлебное, а потом скоро лет в преемники Владимиру. И старец в нем не ошибся: в Питириме он нашел прекрасного друга, согрешившего и обтерпевшегося, с которым мог поддерживать самые домашние отношения. С приездом Питирима в Петроград Невская Лавра стала местом постоянных посещений Григория. Здесь устраивались вечеринки с дамами, коих любил Распутин, и в митрополичьих покоях рекой лилось уже не вино. Что такое из себя представлял Питирим, и сказать трудно. Но всем данным это был человек беспринципный, угодливый, но не умный, невежественный, не лишенный известной хитрости, но очень мало интересующийся вопросами. Он не был правым, ярым монархистом или сообщником, не был и определенным церковным консерватором. Напротив, он был не прочь завязать с общественным мнением, бросить и либеральные начинания и позвать личину почти что либерала. Так, сделавшись митрополитом, он сказал публичные заявления.

с сочувствием комментировавшиеся либеральными газетами. Он отнесся отрицательно ко всем саблеровским планам и делал ясные намеки, что его политика не будет саблеровской. Избрав предметом своего особого внимания реформу прихода и вопрос об обеспечении духовенства, Питирим проявлял здесь прогрессивные тенденции и не скупился высказывать либеральные мысли. Но что цена этого либерализма была не высока, то доказывает легкость, с которою Питирим менял взгляды. Автору настоящих строк случалось наблюдать поведение Питирима в той самой комиссии по обеспечению духовенства в январе 1917 года, о которой выше упоминалось. Сначала здесь Питирим пошел влево, пригласил к работам в комиссии некоторых либеральных деятелей, поручил им составить проект и обещался его поддерживать. Проект был составлен в духе общественных тенденций и проектов Гос. Думы, с базированием на приход и земские единицы. Питирим под ним подписался и от своего имени внес в комиссию. Но достаточно было обер-прокурору Раеву секретно побеседовать с митрополитом перед решающим собранием комиссии и, очевидно, сделать ему соответствующие указания, как Питирим вдруг повернул вправо, отрекся от им же внесенных предположений и стал поддерживать обер-прокурорскую точку зрения о казенном жаловании. Моментальность метаморфозы питиримовых воззрений была столь необычна, что не оставалось сомнений в отсутствии у самого Питирима каких-либо своих убеждений. Он шел на поводу у тех закулисных сил, коим служил, и в либерализм играл, должно быть, потому, что либеральной репутацией хотел загладить впечатление от своей близости с Распутиным и от обстоятельств своей карьеры.

Во всяком случае Питирим и Раев были пара, характерная для последних дней царского режима. В их лице воплощалось торжество самых темных церковных сил и все падение церкви. Десятилетний период безудержного закулисного интриганства, распутинского влияния и господства личностей, вышедших из тайных передних, подорвал всякое уважение к иерархии в церковном и светском обществе и вызвал иерархическую анархию, разложение иерархической дисциплины. Церковный развал шел параллельно с развалом царизма и находился в самой тесной зависимости от последнего. В лице распутиновщины церковь связала свою судьбу с судьбой царской власти узами позорными, но потому и особенно крепкими. Смыть этот позор было не легко, если бы даже церковь действительно внутренно возродилась в огне революции. Тем более трудно сделалось положение церкви, когда революция не вызвала в ней такого возрождения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЦЕРКОВЬ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

I. Отношение церковных элементов к февральской революции. Эволюция этого отношения. Политическая реакция в церкви. II. Вопрос об отношениях государства и церкви в постановке февральской революции. Церковно-освободительная работа в первые месяцы революции. Нарождение церковной реакции. Московский собор и патриаршество.

I.

Февральская революция 1917 года застала церковь совершенно неподготовленной к подобному перевороту, как неподготовлено впрочем было и государство, и общество. Правда, политическая атмосфера января-февраля знаменательного года была сгущенной; чувствовалось, что что-то назревает. Но мало кто ожидал, чтобы взрыв произошел столь скоро и, главное, чтобы он имел такие радикальные результаты. Для церкви неподготовленность была не только в настроении, но, что всего существеннее, в ее полной беспомощности стоять на своих ногах. Распутинский режим довел церковное управление до такого морального упадка, что официальной церковности решительно было неприлично показаться, что называется, перед лицом общества и народа, взявшего в свои руки судьбы страны. Еще счастливый случай спас иерархию от рискованного шага, могущего бы сразу погубить ее в критическую минуту, бесповоротно дискредитировав в глазах революции. 27 февраля, в разгар забастовок, распутинец, обер-прокурор Раев предложил синоду выпустить воззвание, с решительным осуждением всего освободительного движения, руководители которого, по мнению Раева, состояли из изменников, начиная с членов Гос. Думы и кончая рабочими. Синод имел благоразумие отклонить такое предложение, указав Раеву на то, что еще является спорным, откуда идет измена—сверху или снизу.

Этот отказ синода предоставить церковное оружие в распоряжение защитников самодержавия в минуту наибольшей опасности дает намек, что и в среде иерархии таилось недовольство существующим политическим положением. Конечно, синод мог отказаться и из простого опасения попасть в просак, так как соотношение сил уже довольно прозрачно намекало на проигрыш игры старой властью. Помимо того, однако, в иерархических кругах были элементы, явно недовольные деяниями придворной камарильи. Слово «измена» все чаще повторялось уже и в среде правых. К концу своего существования царизм оттолкнул от себя все, сохранившее сколько-нибудь патриотическое и нравственное

чувство. Синод, правый по политическим убеждениям, в данном случае разделял настроение таких лиц, как Пуришкевич, правивы коих не подавляла в них гражданского волнения. Разумеется, недовольство церковной иерархии, в той части ее, которая в революции была пострадавшей, не шло так далеко, чтобы разделить все устремления революции. Они не рассчитывали поступиться монархией. Но тут уже приходилось плыть по течению. Волна народного восстания хлестнула с столь высокого, что было основательно и политически смыло прочь против ветра, и иерархия в политическом смысле была бессильна.

Поэтому церковная власть в первые дни революции обнаружила видимую готовность принять совершившийся переворот, сдаться, не за страх, лишь, а и за совесть. Сюда не входят такие личности, как Распутин и Питирим, у которых все было связано с капризом харизма. Распутин смело оседлал революционную волну вместе с царским правительством, при чем кончил он также комично, как и начал. Рассказывали, что он переоделся в женское платье и таким образом сбрился от искавших его солдат. От Питирима же поспешили поскорее отделаться и его коллеги. Он получил немедленную отставку и был выслан на Кавказ. Почистившись от распутинской накипи, синод решил сам войти в соприкосновение с Временным правительством и уже 4-го марта приветствовал это правительство в торжественном заседании с новым революционным обер-прокурором — В. Н. Львовым. Временное правительство, в числе других свобод, декларировало и свободу печати, о чем Львов объявил синодальным членам, как акте уничтожения прежнего позорного. По предложению обер-прокурора, синод взял затем целый ряд постановлений, направленных к новую свободную Россию. Все, таким образом, обошлось корректно и церковное правительство примирилось с революцией, как будто искренне и охотно. Искренность правых церковников, составлявших большинство синода, могла бы, пожалуй, возбуждать сомнение. Но во всяком случае их поведение сначала было вполне лояльно. Сила народного порыва заставила спрятать в глубине души свои реакционные чувства тех синодалов, которые не разделяли освободительного настроения.

Лояльными заявили себя по отношению к перевороту и епархиальные архиереи. С их стороны не было выступлений против революции. Большею частью они молчали, подчинившись новому порядку, хотя, иные выражали публично и свою солидарность с народом. Что скрывалось за молчанием, сказать трудно. Нельзя же думать, чтобы в массе правый епископат вдруг проникся революционным настроением. Вернее полагать, что он потихоньку вздыхал о старом строе. Но так как новый строй еще себя не выявил, то естественным было настроение выжида-

тельное. Привыкшая вообще к послушанию иерархия выжидала, что покажут события: хуже ей будет, или лучше. Скверно чувствовали себя сразу лишь те архиереи, репутация которых определенно составилась в духе реакционном или распутинском. У них вырывались и жесты, не совсем лояльные. Несдержанный Антоний Храповицкий, например, в мартовской книжке своего епархиального журнала «Пастырь и Паства» рекомендовал духовенству книгу прот. Т. Буткевича, известного реакционера: «Уроки первой французской революции». Книга же Буткевича была сплошным памфлетом против революции, с прозрачными намеками и на русское освободительное движение. Не может быть сомнений, что Антоний и антоньевцы политического переворота «не приняли» и в душе злобствовали на революционные акты. Но громко говорить об этом не решался и сам Антоний, заветное убеждение которого было высказано им еще десять лет назад: что «православие и самодержавие составляют две незыблемых святыни русского духа». Расставаться с святыней, конечно, тяжко.

Гораздо более искренно отнеслось к февральской революции низшее рядовое духовенство, не только в лице своих прогрессивных групп, но и официальных организаций в виде съездов духовенства. Революция всколыхнула духовенство и развязала крепко связавшие его узы служебной дисциплины, зажимавшей рот всякому свободному слову и свободной мысли. Для подчиненного духовенства революция была освобождением от тягостного и гражданского, и церковного режима, она сулила ему облегчение архиерейского ига, и потому у него были свои мотивы приветствовать переворот. На мартовских съездах духовенства и мирян,—последние вошли на съезды уже в ноябре революционном,—почти всюду были вынесены резолюции, сочувственно выражающие преданность Временному правительству и завоеванной политической свободе. «Выражаем непоколебимую, не за страх, а за совесть, верность и преданность Временному правительству»—говорил в своей декларации московский съезд клириков и мирян в составе до 1.500 чел. «Приветствуем в нем единого носителя вверенной богом и народом государственной власти впредь до определения в Учредительном собрании будущего образа правления, и волю страны примем тогда, как непреложный закон. Чтим в нем провозвестника новых, живо ощущаемых нами светлых и свободных начал жизни... Старая самодержавная власть исчезла по мановению могучей воли,—читаем в другой декларации духовенства,—она возмутила народную совесть; она в годину тяжких испытаний посмеялась над святыней народной души...; она презрела народное благо и счастье, заботясь лишь о своем благополучии. Тяжкие раны, отравленные ядом произвол...

продажности и предательства, нанесла она народному делу». «В великие дни желанного и выстраданного народом политического обновления всем гражданам Российского государства следует объединиться с новым правительством, избранным Гос. Думой, и всеми силами и средствами ему содействовать»,—писалось в обращении к народу петроградского духовенства. Клирики и миряне города Пскова слали телеграмму правительству: Освобожденные от векового гнета над совестью нашей, в светлой радости верующего сердца, в полном разумении, с твердой волею, обещаем все силы свои отдать на службу... свободной родине и вам...». Члены Гос. Думы—священники были первыми выразителями этой солидарности духовной среды с делом революции. Они без колебаний приняли участие в избрании временного исполнительного комитета Гос. Думы и тогда же обратились к духовенству всей России с призывом немедленно признать власть исполнительного комитета и объяснять благой смысл совершившегося переворота.

Старые либеральные церковные круги, конечно, с особенной горячностью отозвались на голос революции. В первые же дни революции начали воскресать прежние, подавленные реакцией, а также организоваться и новые прогрессивные церковные объединения. Возродилась группа 32-х, действовавшая в 1906 году и вынужденная прекратить свою работу в 1907 году, и приветствовала дни народного воскресения пламенным воззванием к пастырям: «Христос Воскресе!.. Воскресла на Руси попираемая и оскорбляемая правда. Она была погребена в гробу бесправия, насилия и гнета. Тевтонскою печатью в лице немецких по крови и духу носителей самодержавия, была запечатана она... Мы восторженно приветствуем самоотверженных страдальцев за свободу народа во всю историю великого освободительного движения... Не менее горячо приветствуем Временное правительство...». Образовавшийся вновь «Союз прогрессивного петроградского духовенства» публично исповедывал свое политическое credo между прочим в таких выражениях: «Духовенство давно сознавало тяжелое порабощение царской властью народа и церкви. Скорбело об этом, и сколько могло, возвышало свой голос. Но голос его был бессилен перед внешней физической силой. Выведенный из терпения могучий народ сбросил с себя иго рабства и церковь стала свободна. Можно ли не радоваться этому? Только свободная церковь может свободно служить народному благу. Мы, представители церкви, дети народа, от плоти и от костей его, не можем не жить интересами великого родного народа. Интересы его суть наши интересы. Благо его—наш земной идеал. В служении этому благу мы смело могли бы примкнуть к республикансько-демократической партии и стремиться к созданию народной

республики, если бы знали, что здесь заключается благо и воля всего народа...». Союз прогрессивного духовенства» предпринял попытки сблизиться непосредственно и с рабочим классом. Он рекомендовал своим членам идти на фабрики и заводы с проповедью христианской любви, стараться ближе узнать быт и нужды рабочего люда. Прогрессивные священники предвидели, что им нельзя рассчитывать на хорошую встречу у тех рабочих, которые привыкли видеть в духовенстве прислужников царской власти. Но они готовы были принять и «поношения», как заслуженную кару за прошлые грехи, если не их лично, то их сословия и официальной церкви.

Наиболее левую и наиболее демократическую платформу выставило, впрочем, другое церковное объединение, назвавшее себя «Всероссийским союзом демократического православного духовенства и мирян». Образование этого союза относится к началу марта 1917 года и во главе его стали член Гос. Думы Д. Я. Попов и свящ. А. И. Введенский. Союз решительно рубил все связи с старой государственностью и без обиняков переходил на сторону, не только народовластья, но и требований социальной правды, объединявших трудовые классы населения. В своей программе союз выдвигал лозунги: демократизации политической, социальной и экономической. Демократизацию политическую он понимал в форме полного народовластья, наилучшим выражением коего считал демократическую республику. Демократизацию социальную союз полагал в осуществлении социального братства и равенства и поддерживал требования: а) уничтожения сословий, б) равноправия женщин, в) абсолютной свободы мысли, слова и совести, г) обязательного бесплатного обучения в низшей школе и бесплатности школы средней и высшей, д) преподавания на родном языке. Демократизация экономическая, по программе союза, должна была состоять в справедливом отношении между трудом и капиталом и равномерном распределении земных благ между всеми. Социально-экономическую сторону своей программы союз демократического духовенства считал нужным особенно подчеркивать, чтобы снять с церковных деятелей давний упрек в игнорировании человеческой нужды и горя, человеческих исканий земной правды. Христианство не может быть равнодушно к социальному злу, оно требует полной христианизации всех человеческих отношений и с этой стороны освящает стремления к социальным преобразованиям социалистических партий — такова основная идея союза демократического духовенства. По политической физиономии эта церковная группа примыкала, таким образом, к левому крылу тогдашнего политического расслоения. И надо заметить, что эти левые лозунги нашли себе довольно широкое сочувствие в церковной массе.

Среди различных прогрессивных церковных новообразований союз демократического духовенства приобрел наибольшую популярность. В лице этой церковной «левой» намечался как бутто мост между церковью и революционными силами, которым принадлежало будущее. Однако, чтобы мост этот приобрел какую-либо устойчивость, нужно было, чтобы в том же направлении развивалась и вне-церковная ориентация. Между тем здесь [illegible].

Не прошло и трех месяцев со времени февральской революции, как внутри церкви уже создалось такое течение, которое дало возможность поднять голову прежним реакционерам, только на новым тогда [illegible] личину. В первоначальном, как будто бы сочувственном перевороту, настроении стало замечаться некоторое колебание. Причины того скрывались в неизбежных разочарованиях, постигших тех, кто не отдавал себе ясного отчета в новых условиях церковной жизни. Высшая иерархия, от которой и так нельзя было ожидать искренности в ее отношении к новому режиму, скоро увидела, что этот режим не может простить ее прошлого и что так или иначе, а придется понести возмездие за старые политические и церковные грехи. Архиереи, повидимому, думали, что если они приспособятся к перевороту, то их положение не поколеблется. Но общество думало иначе: что ставленникам прежней власти нельзя стоять на церковных верхах в свободной России и что по их выбору должно совершаться строительство новой церковной жизни. Выразителями этого общественного убеждения явились революционная обер-прокуратура и прогрессивные церковные группы. Первая находилась в тесном контакте со вторыми. Началась неизбежная чистка иерархических верхов,—а за ней явилось столь же неизбежное озлобление. Святейший синод целые полтора месяца спокойно сидел на месте, даже не догадываясь, что ему приличнее было бы попроситься в отставку. Поневоле пришлось его отставить в порядке правительственном и образовать новый, более подходящий к современным обстоятельствам. Отставные архиереи уехали в большой обиде: они не сознавали всей нелепости своих претензий. Обиду же, конечно, прикрыли приличной драпировкой: лозунгом свободы церкви. Церковь свободна, так оставьте нас в покое, мы сами выберем синод и будет устраивать церковные дела,—говорили архиереи. Они забыли только, что их то никто не уполномачивал, кроме Ники и Распутина: так как же было оставить их в покое, т. е. дать им право делать, что хотят. Провинциальные иерархи, кроме тех немногих, кто умел и раньше привлечь к себе общественные симпатии, вроде уфимского епископа Андрея, тоже обиделись потому, что их епископское самовластье нашло себе ограничение в потребовавших своих прав клириках.

...их самолюбию было ждать себе иной и часто резкой общественной критики. Наиболее решительным и непримиримым в сферах были вынесены съездами вотумы недоверия: некоторых даже арестовывали местные власти. Под неловкими самовнушениями все больше и больше стали видеть их недовольство. А вверху расходились перспективы все более тревожные: революция развивалась влево. Получили все больший политический вес социалистические партии. Заговорили об отделении церкви от государства. Все это сулило конец привилегированному самовнушению, уже не временное, а постоянное уничтожение. Что же удивительного, если в таких обстоятельствах первоначальная добольшая терпимость перешла к нетерпимости и злому раздражению, иногда открытому недовольству. Старый строй, разумеется, еще не привык к тому, чтобы чувствовать в первых атмосферу.

Что касается низового духовенства, то в нем уже первоначального подъема тех, так обще-политических, так и своих особенных причин. Среди населения духовенство примыкало к средним классам, которые все больше чувствовали давление в сторону демократического разрухи, экономических затруднений, дороговизны и т. п., сами обязаны были настроение всех средних классов. Духовенство не должно было, естественно, с профессиональными затруднениями, с политическими революционными движениями. Ему также пришлось столкнуться с настроением и голосом мирян, приходских общин, и тогда оказывалось часто неудачно. Мирно-приходские организации во время революционной борьбы и начавшейся вскоре реакции, от условий политических свободных. Сельские приходы начали бросать духовенство. Церковь все медленно переставала оказывать ему поддержку. Господствующая, с прежде холопски-скептическая к церкви, все решительнее наступала и совсем отшатнулась от церковного влияния. Духовенство оказалось в интеллигентской среде и чувствовало в ней свою отсталость, даже приниженность. Дальше, новые встречи: усиление мирского духовенства, все меньше, все в сторону мирян. Духовенство привыкло стоять самостоятельно от всех, оно должно было с перспективы отделения церкви от государства и совершенно исходить за старые привилегии. Утрата последних, хотя они были материально, крайне важны для духовенства, привыкшего видеть свои материальные и высокие интересы. Отсюда реальное отношение к революции и начало с своей стороны борьбу. Уже в то время, со только что было неизбежно-революционное время. Революция избавляла от самодержавной опеки, но вместе грозила: за это духовенство могло не платить благодарностью. Но во всяком

случае постепенно открывалось поле действия для реакционной агитации, для муссирования недовольства, для подзуживания всякого раздражения. А в агитирующих элементах не было недостатка. Все церковные приспешники царского режима, отброшенные революционной волной от теплых и почетных мест, затаили в себе злобу и только ждали, когда им можно будет вылить накопившийся яд в потоки церковной жизни.

Образчиком подобной агитации и политической неустойчивости духовной среды могло служить поведение петроградского духовенства. В Петрограде всего сильнее сказались левые церковные течения. Но здесь же громче всего, кажется, проявили себя и черносотенные реакционеры. В апрельских и майских собраниях на Стремянной правые петроградские «отцы», при довольно явном сочувствии молчаливого большинства, устроили целый штурм революционной обер-прокуратуры, а вместе с нею, прикровенно, и всему правительству. Здесь «громили» В. Н. Львова за якобы «насилие» над синодом, над иерархами и прочие революционные действия, — как мы уже упоминали, — необходимые для очищения иерархической среды от грязных наслоений царского режима. Содержание подобных речей, конечно, не интересно для истории. Но интересно то, что ясно слышалось сквозь тон «негодования» против представителя революционной власти и церкви. Слышалось плохо скрываемое негодование на всю новую власть, недовольство всем новым политическим режимом, овладевавшее довольно широкими кругами духовенства, хотя еще и не большинством. Важен был симптом.

Вообще в церковной среде, за исключением левых группировок, замечалось очевидное непонимание создаваемого революцией положения. Большинство склонно было думать и требовать, чтобы новый строй признал за церковью все прежние права и преимущества, чтобы государство сохранило все свои обязательства по отношению к церкви и только освободило ее от своей стеснительной опеки. Церковные элементы отмахивались от мысли, что новая государственность должна будет и радикально изменить государственно-церковные отношения, и что церкви надо перестраиваться с этой стороны на других началах.

Такое именно непонимание положения отчетливо сказалось на всероссийском съезде духовенства и мирян, состоявшемся в начале июня 1917 г. в Москве. По своему происхождению и характеру это был съезд революционный. Созван он был по инициативе прогрессивных церковных деятелей и проходил под их руководством. На съезде присутствовало до 1200 делегатов, и большинство их горело еще освободительным увлечением. Настроение [illegible] сильно захватило и общее сочувствие пере-

вороту и новому строю. Он восторженно приветствовал революционного обер-прокурора, а в его лице и все временное правительство. Декларация, принятая съездом, категорически гласила: «Приветствуем совершившийся политический переворот... Чтим, как граждане, память самоотверженно страдавших и умиравших за права народа и благословляем имена живых, ставших во главе народного движения к свержению прежней, потерявшей общее доверие, власти. Хотя христианская церковь может существовать при всякой форме государственного устройства, по возвышенному христианством понятию о человеческой личности и церковному началу соборности признаем более соответствующим то государственное управление, при котором народоправие осуществляется во всей полноте»... Считая, что с падением царского самодержавия вся полнота верховной власти перешла к народу, управление же страной до созыва Учредительного Собрания принадлежит Временному правительству, подчинение ему, как христианские граждане, признаем общеобязательным». Далее в декларации значились пункты о передаче земли и водных пространств трудящемуся народу, об установлении справедливых отношений между рабочими и капиталистами. Но в той же определенно прогрессивной декларации мы читаем и такие положения: «От народоправия, какую бы форму оно ни приняло, ожидаем для христианской православной церкви объявления и последовательного проведения свободы вероисповедания и культа, равно предоставления всех необходимых в правовом и материальном отношениях условий к осуществлению ее задач, с признанием православной христианской веры первой между другими исповедуемыми в государстве религиями». Затем в своих постановлениях по вопросу об отношении церкви к государству съезд решительно высказался о «недопустимости отделения церкви от государства и предоставлении православной церкви первенствующего положения. Столь же категорически съезд признал недопустимой передачу церковных школ в ведение министерства народного просвещения и настаивал на обязательности обучения закону божию. В прениях на съезде по всем этим вопросам выяснилось, что большинство съезда иначе и не представляет нового положения церкви. Несколько некоторые прогрессивные лидеры выдвигали, по крайней мере в теории, идею отделения церкви от государства: их голоса тонули в общей массе. Направлено также и по поводу церковных школ представителем рабочих предостерегающее замечание, что упорство духовенства на старой позиции здесь подрывает разъединение между духовенством и церковью: съезд не хотел и слышать о передаче.

Таким образом ясно, что «передовой» собор съезд, принимая и приветствуя «новые политические меры», видел в них, однако, много ста-

рого типа. В свое время орган либеральной церковной мысли, «Всеросс. Церк.-Общ. Вестник», правильно подводил итоги настроениям духовенства, обнаруживавшимся на московском собрании или обсуждению не декларативных, а конкретных церковно-государственных вопросов. «Со всею ясностью раскрывается пред нами,—писала газета,—первая отрицательная черта в настроении современного духовенства—это его излишний консерватизм в трактовании важнейших проблем общественного, государственного и церковно-принципиального характера. Приходится с грустью констатировать, что большинство духовенства здесь живет старыми традициями старого режима. А раз духовенство действительно живо не умело отрешиться от старых традиций и упорно за них держалось, то тем самым заранее определялось и его будущее расхождение с революцией. Революция со старыми традициями ужиться не могла и рано или поздно должна была их решительно отбросить. Конфликт с революцией или церковь назовал тут сам собою.

В ближайшем же времени конфликт [illegible] связи с теми самыми [illegible] которых выявилась консервативная точка зрения духовенства [illegible]. В июне 1917 г. [illegible] ходатайства приняло решение [illegible] содержимых на государственные средства, в том числе, главным образом, [illegible] церковно-приходских и церковно-учительских. Такое решение не [illegible] эта традиция [illegible]. Еще бы! Дума вынимала [illegible] из их [illegible] Но [illegible] осуществлению такой задачи было [illegible]. Церковники в Думе [illegible] стойко держались за церковную школу, специально и создавшую для насаждения «олигонамеренных» лиц в народе, для воспитания [illegible] в духе преданности самодержавию и православию. Либеральная общественность всегда смотрела отрицательно на школы духовного [illegible]. Помимо политической подкладки, уже просто [illegible], что [illegible] поставлена обучения. Между земской и церковной школой установилось нескрытое соперничество. Положение церковной школы было тем ненормальнее, что она [illegible] и была государственной. [illegible] Церковное правительство верило больше духовенству, чем [illegible], и желало насаждать просвещение через церковь. К сожалению, это просвещение в некоторых [illegible]. Пока [illegible] Против системы церковной школы надо было бы считать бесспорным, и [illegible] [illegible] старыми традициями и старою привычкою, [illegible] средства. Новый

строй так был ли же оставить начальные школы духовного ведомства в прежних условиях, что в церковных руках находилось 37 тыс. начальных школ, т.-е. треть общего их числа в империи. Замечательно, что сам Победоносцев первые школы духовного ведомства почти одновременно требовал с своей стороны передачи школ в министерство: так он плохо чувствовал себя в роли ученика синода. Состоявшийся летом революционного года всероссийский съезд церковно-приходского учительства ставил уже тогда такие радикальные в данном направлении. Вообще, настроение [illegible] о передаче школ определилось сразу, и министерство [illegible]. Временное правительство лишь шло навстречу церковным требованиям.

Церковь знала, не хотела видеть закономерности этого требования и настойчиво отстаивала свою позицию. Московский съезд первый подчеркнул неустойчивость духовенства и своим голосом дал базу для дальнейших церковных выступлений. Базируясь на съезде, решительно выступил за защиту церковной школы и синод, когда дело дошло до официального характера. В ответ на вырабатываемый министерством проект передачи, синод сделал особое постановление, где говорил, что передача «несомненно... Она лишает православную церковь одного из средств религиозно-нравственного влияния на русский народ, который по великому историческому значению православной церкви в истории русского государства привык вечерать в церкви семена веры и свои жизненные идеалы». Такова была крайняя мотивировка синодского постановления, неубедительная ни для кого, кроме самой же церковной среды. Своё мнение синод довел до сведения правительства. Тем не менее передача церковных школ министерству состоялась по июню 20 июня 1917 г. На синодское мнение революционная власть не обратила внимания. Синод выразил свой протест против столь быстрого решения этого вопроса, в котором, по его мнению, необходимо было выслушать голос церковного клира. В судьбе церковных школ, по синодскому мнению, было заинтересовано все церковное общество, и передача их министерству, без согласия церковных представителей, являлась нарушением прав церкви и ведущего народа. Синод сам, впрочем, понимал, что значение его протеста чисто теоретическое: на судьбу школы он повлиять был бессилен. Тем не менее конфликт с революционным законодательством был налицо.

Аналогично отношение церковных требований с направлением новой государственной политики произошло и по вопросу о постановке вообще религиозного обучения в будущей России. Государственный комитет по народному образованию, взявший дело в свои руки руководство делом преобразования, поставил между прочим на обсуждение и во-

прос об исключении преподавания закона божия из числа обязательных предметов. Против такого направления дела подняли горячую агитацию законоучительские организации, и их всецело поддержало церковное мнение. Церковная власть и даже такие создания революционной волей учреждения, как предсоборный совет, настаивали, чтобы закон божий непременно остался обязательным предметом и отвести ему «полное и соответственное внимание и необходимое время». По этому поводу церковная среда волновалась, пожалуй, больше, чем из-за передачи церковных школ, дело тут шло о сохранении или утрате влияния церкви на молодое поколение, и совершенно было бы понятно, если бы церковь настаивала на своем праве вести вообще религиозное обучение. Но она настаивала на старом принципе обязательности, т.-е. требовала от государства материальной поддержки своего влияния. В настойчивости этого требования опять сказывалась традиция старого режима, а отказ в домогательстве вызывал нескрываемое негодование. Предположение государственного комитета рассматривалось в церковных кругах, как враждебный акт новой государственности, и когда оно обсуждалось в церковных собраниях, то в тоне ораторов прорвано смысло недовольство всем направлением революционной политики по отношению к церкви.

Недовольство это зрело, действительно, не по дням, а по часам. Кроме поводов принципиальных, его вызывали и практические причины, о которых выше уже упоминалось. Высшая иерархия со страхом видела, что власть все больше ускользает из ее рук, а белое духовенство с ужасом взирало на возрастающую требовательность и непокорность прихожан. За лето 1917 г. то здесь, то там анархические съезды низлагали, или по крайней мере пробовали низлагать, архиереев, а в приходах происходили массовые изгнания клириков. В некоторых епархиях изгнанные насчитывались сотнями. Их положение было, действительно, бедственным и наводило панику на все духовенство, тем больше, что приходские приговоры часто бывали и неосновательны: получила ход интрига и сведение личных счетов. Потерпевшие церковники озлоблялись, конечно, на судьбу и на те политические условия, которые навлекали на них несчастие. Многих революционная волна ударила по карману и другим путем. Сельское население начало, вместе с помещичьей землей, забирать в свое пользование и церковные земли. А первопрестольная Москва испугала многочисленное свое духовенство радикальным решением: конфисковать в черте города все монастырские и церковные земельные участки. Подобная угроза нависла и над земельными владениями всех монастырей и церквей. Лозунг: «земли народу» направлял, таким образом, и церкви и свой острый конец. Все это вместе взятое прямо террори-

жировало духовенство и требовало большего политического благоразумия с его стороны, чтобы вину за все невзгоды не сваливать на революцию. А где было взять столько благоразумия у политически невоспитанной, общественно неразвитой, приниженной обывательской психологией, церковной среде? Сюда надо прибавить стремительно возрастающую разруху в стране, катастрофу на фронте, патриотическую панику, охватившую значительной частью русского общества. Не удивительно, что духовенство катилось вправо. Вправо катились, может быть только медленнее, и другие средние классы населения. Зато левели низы.

Сдвиг политического настроения церковной среды вправо, и сдвиг резкий, дал о себе знать уже в начале августа 1917 г., как раз в период выборов на созываемый 15 августа церковный собор в Москве. Об этом сдвиге можно судить наглядно по избирательным собраниям хотя бы в Петрограде, центре тогдашней политической и церковной жизни. Реакционные течения среди петроградского духовенства, глухо скрывавшиеся весной, к осени не стесняясь вышли наружу. Достаточно было посетить хотя одно собрание епархиальных выборщиков на собор, чтобы резко бросился в глаза дух оппозиции революции, воодушевлявший теперь явное большинство. Правые ораторы смело произносили самые резкие речи по адресу нового строя и политического курса Временного правительства, значительно утратившего кредит в стране. «Церковь унижена»—это был основной мотив ораторских выступлений. «Новую Россию хотят строить без церкви, но наша родина строилась всегда не на социалистических идеалах, а на началах веры и любви». «Богоборное и христоненавистное правительство» стесняет церковную свободу и воздвигает почти гонения (а речь шла, например, о предписании совершать бесплатно погребение на кладбищах...). Богоборной власти, в лице нового министерства исповеданий, нужно противопоставить «сильную власть» в церкви в форме патриаршества. Подобные речи, положим, не договаривались до своего логического конца. Слишком зарывавшихся ораторов даже одергивали, старались замять впечатление. Но каждый сам мог сделать соответствующие выводы из таких церковных выступлений, плохо скрытое сочувствие которым сквозило в большинстве собравшихся. Церковная реакция, поднимая голову, смело направляла свой вызов в лицо новой государственности. Смелость тут поддерживалась, конечно, безнаказанностью, потому что тогда можно было не опасаться репрессий. Но революционные силы, если они прислушивались к церковным веяниям, не могли не вывести необходимых для себя заключений. И даже умереннейшие кадеты в «Речи», ставившие свою ставку отчасти на церковную среду, опасливо предостерегали духовенство не «соскальзывать на линию чистой политики», не

стараться только превратить собор в «суррогат Учредительного Собрания» и проявить большую «внутреннюю дисциплину».—иначе говоря, не распоясываться столь откровенно, как то делали правые церковники. Предостережения были весьма кстати, потому что выборы на собор, действительно, происходили, можно сказать, под политическим флагом. Правящие церковные элементы, видимо, лелеяли надежду, что собору удастся получить и политическое значение, и заранее маскировали его позицию. Результаты выборов показали, куда клонится народ в своих политических вождениях.

Собор православной русской церкви в Москве в августе 1917 г. по своему составу и настроению оказался определенно правый. Епархии послали сюда много положительных черносотенцев, или же такие умеренные элементы, которые все более правели под влиянием общего уклона средних классов. На эту массу опиралось высшее черное духовенство, с которым революция не пыталась ни черной рясы, ни черной политической окраски. Пока эти люди были разрозненны, они побаивались ярко обнаруживать свое нутро. Но когда они собрались вместе, то почувствовали силу и ясно наметили правую линию поведения. Без сомнения, собор с преувеличенными представлениями о роли собора в судьбах России и ложной, или искренней, самоуверенностью, что они выражают голос 115 млн. православного населения. Ссылка на эти 115 миллионов русского народа постоянно услащала аргументы соборных участников названной группы: и тщетно им указывали, что православного населения то, действительно, 115 миллионов, да активных церковных людей, их избиравших, может быть всего 15 миллионов. Соборное большинство было убеждено, что с собором должна считаться новая Россия, и что скажет собор в области церковно-государственных отношений, тому и должно быть. Но мало церковно-государственных отношений: соборяне полагали, что к их голосу и вообще обязана прислушиваться революция. Втайне многие и многие из них лелеяли надежду, что собор сыграет большое политическое значение в тот период политических колебаний, который явно наступал. Политическое положение в августе было уже так неустойчиво, внизу слышалось уже такое бурление, а вверху такая растерянность, что назревание политического кризиса было очевидно. Соборное большинство готовилось положить свой вес на чашки политических весов, начинавших колебаться, и конечно положить на правую чашку.

Надо, впрочем отметить, что собор имел и сильное левое крыло. Тут была передовая интеллигенция и прогрессивные церковные деятели из профессуры и священников, а отчасти и мирян. Со стороны своего

внутреннего мира, талантов и духовных сил, эта часть собора имела несомненное преимущество. Но она была явным меньшинством и могла рассчитывать только на силу убеждения. Для правого же большинства убеждения имели мало значения. Его настроение было определенно и никакая аргументация тут не помогала. Сначала прогрессисты еще обольщали себя надеждой, что им удастся повлиять на ход соборной деятельности и переубедить соборную массу, не считавшуюся с условиями революции. Но они скоро убедились в бесплодности таких попыток и примирились с своей единственной ролью—оппозиции. Оппозиционным ораторам в самых коренных вопросах соборного обсуждения приходилось часто выходить на кафедру с вступительным заявлением, что они отлично сознают свое бессилие изменить предрешенный соборный вотум и только нравственный долг не позволяет им молчать.

Политический зуд собора сказался с первых же дней его существования. Едва открылся собор, как политические события захватили его, и, вместо церковных дел, он вплотную подошел к политике. В Москве открылось Государственное совещание—одна из попыток умеренных элементов революции остановить ее движение влево и поддержать режим Керенского. К попытке этой между прочим отнеслись явно отрицательно рабочие массы. Церковь нашла нужным войти туда и устами своих делегатов заявить о своей солидарности с охранительными течениями тогдашней политической жизни. Правда, церковная декларация была бесцветная и не должна заподозрить какой-либо контр-революционности. Но помимо слов бывает тон и обстановка. И этот тон, исходивший от собравшегося собора, отзывался явственно правым духом. Церковные симпатии клонились всецело на ту сторону, которая говорила о борьбе со смутой, о создании сильной власти и т. п., и не было сомнения, что церковный голос готов был поддержать самое правое, что только было в тогдашних политических течениях. Тут как раз подвернулось корниловское движение. Против такого искушения устоять было трудно, и собор чуть не сделал сразу же непоправимой политической ошибки, от которой его спас только случай.

Когда, в последних числах августа, вдруг достигла до собора весть о выступлении ген. Корнилова, то надо было видеть возбуждение, овладевшее соборными элементами, чтобы с безошибочностью установить соборную ориентацию [1]). Тем более, что весть была не простая: ген. Кор-

---

[1]) Автор настоящих строк сам был участником собора и вообще ближним свидетелем церковных событий 1917 г. Вот почему в книге встречаются выражения, обычно свойственные только очевидцам.

нилов ни больше, ни меньше, как слал к собору своих посланцев и просил соборной поддержки своему предприятию. Обращение весьма лестное для соборных политических умов, заманчиво сулившее собору ореол политической славы, если бы корниловский замысел удался. Но столь же очевидна была и рискованность соборного выступления по такому чисто политическому делу. Это значило открыто ринуться в политический водоворот, где от церковного корабля могли остаться одни щепы. Собор переживал по истине драматическую внутреннюю борьбу. Симпатии соборного большинства неудержимо влекли его поддержать Корнилова, или хотя как-нибудь выразить ему сочувствие, а осторожность заставляла сначала подумать, прежде чем решиться на открытый шаг. В частных соборных группах оживленно дебатировалось создавшееся положение. Соборяне лихорадочно следили за развитием корниловских действий и жадно ловили всякие слухи об успехах корниловских войск, большею частью неимевшие действительность. После двухдневных колебаний, наконец, назначено было закрытое соборное заседание для общего обсуждения отношения собора к корниловщине. Но пока собор раздумывал, выступление Корнилова было ликвидировано. К упомянутому заседанию стало определенно известно, что корниловские отряды остановлены. Временное правительство объявило Корнилова изменником, и шансов на его победу нет. А на другой день и все было кончено. Собор был избавлен, таким образом, от искушения перейти политический рубикон и остановился на грани рискованного действия. Вопрос был снят, но собор все-таки откликнулся на события, послав Временному правительству телеграмму, убеждавшую не проливать крови и не увлекаться чувством мести. За этим убеждением скрывалось опасение, высказанное на соборе, что жизни Корнилова и его ближайших сторонников может угрожать опасность. Собор взывал о милосердии к побежденным, которых ему не пришлось видеть победителями. Но будь они победителями, нельзя сомневаться, что собор послал бы им самые горячие благословения.

Корниловский инцидент несколько охладил политические увлечения церковного собора, напомнив ему о необходимом благоразумии и о рискованности политических авантюр. С упавшим духом, собор принялся за церковную работу,—но политика настойчиво стучалась в соборные двери и окна. Поводов к тому было достаточно, если только смотреть на вещи соборными глазами, что миссия церкви требует ее вмешательства во все области, которые соприкасаются не только с делом веры, но и с «народной душой», народной совестью»; под такую мерку можно подвести и «чистую политику», от соскальзывания в плоскость которой предупреждал собор [illegible] печать. Ближайшими же поводами соборных

ному-политических выступлений послужили те конфликтные вопросы, в которых уже ранее обозначились радикальные расхождения церковной и государственной точек зрения. То были вопросы о церковной школе и религиозном обучении. Собор занялся ими в первую очередь и занял еще более оппозиционную позицию, чем синод. Развернувшиеся на соборе жгучительные прения по поводу передачи в министерство просвещения церковных школ и готовящегося законопроекта о необязательном изучении закона божия в школах дали выплыть всему накопившемуся в церковной среде недовольству политикой революционной государственности. Тут вот все лады звучало утверждение, что правительство не имеет права отбирать школы без согласия церкви, что церковь—законная воспитательница и учительница народа, строившая русское государство, что с ее голосом считаться обязаны, что новая просветительная политика исходит из враждебности церкви и православию, покушается на «искони народную святыню» и прч. в этом роде. Соборяне так были взвинчены ораторским пафосом церковных радетелей, что скоропостижно решили: просить правительство о немедленной отмене закона 20 июня о передаче церковных школ и довести до его сведения, что собор считает недопустимым предположения государственного комитета относительно преподавания закона божия. Для доклада правительству о таком соборном постановлении была отправлена специальная делегация, во главе с яркой фигурой правой стороны собора еп. Кириллом. Последнее обстоятельство придавало собою стильность всему соборному делишю.

Решительный натиск собора на правительство встретил, однако, столь же решительный отпор. Соборной делегации было деликатно, но твердо указано, что соборное требование относительно отмены закона 20 июня не может быть удовлетворено и что оно совершенно неуместно. «Решения собора,—разъяснил делегации представитель правительства,—опираются на предпосылки религиозного и нравственного порядка, а распоряжения правительства относительно церковно-приходской школы основываются на оценке ее значения с чисто политической точки зрения. Школа эта является детищем старого строя, который возлагал на нее самые широкие упования, и потому говорить с Временным правительством о сохранении прежнего отношения к этой школе является делом бесполезным в такой же приблизительно мере, как если бы вздумал какой-нибудь нашинский человек настаивать пред Временным правительством на необходимости уважать прежний государственный строй и оказывать все знаки почтения бывшему императору. Правительство не может не желать того, чтобы школа народная была переименована и служила укреплению того государственного строя, какой сейчас существует. Отказ от

услуг церковно-приходской школы должна быть одной из обязательных примет в паспорте республиканского правительства. Более решительно правительство высказалось о религиозном обучении в школе. Так же здесь речь шла пока лишь о законопроекте, то делегаты указали, что при окончательном решении вопроса будут приняты во внимание и предположения собора. Между прочим, намекая на сходящие до правительства слухи о позиции собора, принимавший делегацию Керенский высказал, что никаких агрессивных намерений по отношению к церкви правительство не имеет, так как ни в чем себе не повинна, и никаким классам, дошедшим до правительства, о контр-революционных вождениях, якобы существующих в кругах церковных, правительство не верит. В этих словах был несомненно и ясный намек, что церковь должна быть осторожна и не подходить к политическим вопросам с старой точки зрения.

Потерпев неудачу в вопросе о церковной школе и получив печальный для себя политический урок, церковный собор обратил все свои упования на будущее Учредительное собрание. Мысль о ближайшем времени подстрекала политический зуд соборного большинства. Еще до собора дебатировался в церковной прессе вопрос, чему надобыть прежде — собору или Учредительному собранию, и в каких отношениях должны они быть учреждены. Когда собор собрался, то ясно выявилась его претензия быть учредительным собранием в церкви не только в деле своего церковного переустройства, но и в деле взаимоотношений церкви с государством. Соборное настроение было таково, что собор может диктовать учредительному собранию, как новое государство должно поставить свои отношения к церкви. На соборе обсуждение был даже поставлен проект особого постановления в этом духе. Но так как соборные участники все-таки поняли, что желаемое не совпадает с действительным, что навязывать свою точку зрения государству церковь не имеет другой силы, кроме морального давления, то все помыслы собора обратились на выборную кампанию в Учредительное собрание, от которой зависел его состав. Политически наивные церковники лелеяли надежду, что может быть церкви удастся на выборах сыграть роль, подобную выборам в Гос. Думу, и именно при помощи собора. Теперь не было закона 3-го июня (1907 г.), была, напротив, «четырехвостка», открывавшая очень мало перспектив духовенству. Но при своем повышенном самомнении соборное большинство рассчитывало, что если собор даст тон, то к этому тону прислушается народ. Стали вырабатывать соборное предвыборное послание к народу. Вдохновители собора мудрили над этим посланием долго, старались объять необъятное, т. е. выразить консервативные соборные

политические симпатии, но в такой форме, которая бы не дала основания заподозрить в центр-революционности. Сделать это было трудно и послание получилось достаточно бесцветным, вроде декларации в московском совещании. Тем не менее, за фразами о борьбе с духом «князя мира сего», стремящимся прельстить земными, временными благами, за предостережениями от неверия и безбожия и от тех, кто без веры хочет строить новое государство, за устрашениями «не впасть во всегубительную власть духа антихристова», было явственно слышно простое зазывание в правые политические группировки. Конечно, о Союзе русского народа мечтать не приходилось. Самыми правыми, кто мог рассчитывать на избирательные шансы в Учредительное собрание, были кадеты, очень близкие к «духу антихристову». Однако, что же было делать: собор готов был помириться и на кадетах, лишь бы Учредительное собрание не было социалистическим. В лагерь социалистических партий направлялись, главным образом, стрелы соборного послания. В этом лагере, для собора, была цитадель «князя мира сего», торжество которого больше всего страшило церковные круги.

Само собой разумеется, что «церковная левая» не разделяла всех этих политических устремлений правого соборного большинства. Бессильная изменить линию соборного поведения, она декларировала свое отрицательное к ней отношение при каждом соборном выступлении. Левые соборяне предостерегали собор от рискованных шагов в дни корниловщины: убеждали в бесплодности и бесполезности отстаивания церковных школ, в необходимости для церкви учить религиозным истинам в самой церкви, а не требовать от государственной школы непременно обязательной религиозности: говорили об опасностях вмешательства в политику, неизбежно превращающегося в политиканство. Свои же политические симпатии, как граждане, левые церковного объединения явно отдавали тем партиям, которые ближе стояли к народу и полнее осуществляли народовластие. Последнее открыто выразил союз демократического духовенства в своей сентябрьской декларации во Всероссийском демократическом госуд. совещании. Здесь человеком в рясе без обиняков было сказано даже слово: «вся власть советам». Правда, этого слова не повторила самая декларация. Но позиция левых церковников не разбудила сомнения, что они идут с революцией, а не против нее. Политический тон собора церковные прогрессисты уже тогда считали гибельным для церкви и чреватым последствиями в будущем. Гибельным потому, что из народных низов все явственнее слышался гул приближающейся новой революционной волны, в разрез которой определенно правили церковные руководители.

Гул этой волны, пожалуй, слышали и правые деятели московского собора. Но они реагировали на него по своему. Видя колебание власти в государстве, они ухватились судорожно за идею «сильной власти» в церкви, опять с видимой тайной мыслью, что такая власть может сделаться политической и политическим фактором соответствующего значения. В середине октября, почти накануне политического кризиса, соборные заправилы формально поставили вопрос о восстановлении патриаршества. Они хотели поскорей возглавить церковь, чтобы иметь вождя. И под раскаты пушечных выстрелов, под рокот октябрьской бури, на московском соборе шли горячие прения, быть или не быть монарху в церкви.

II.

До сих пор мы говорили о политических настроениях церковной среды по отношению к февральской революции. Но основной вопрос церковного положения, создаваемого революцией, был не в политической позиции церкви, а в принципиальной и фактической постановке церковно-государственных отношений при новом строе, после свержения монархии. Здесь задевались самые жизненные церковные интересы и, собственно говоря, политическая церковная позиция, со всеми ее вариациями, в значительной степени, определялась теми течениями церковной и политической мысли, которые связывались с проблемой отношений государства к церкви. Монархический режим так тесно спаял государственность и церковность, что революция с первых же шагов должна была определить себя так или иначе к одному из устоев старого порядка—союзу государства с церковью. И чем отчетливее были бы выяснены новые условия церковной жизни, тем меньше было бы здесь недоразумений и обманчивых надежд с церковной стороны.

Нельзя сказать, однако, чтобы вопрос об отношении государства к церкви в период Временного правительства выяснен был, действительно, определенно. Временное правительство, видимо сознательно не хотело брать на себя ответственность за какой-либо решительный шаг в данном направлении, предоставляя эту задачу Учредительному собранию. К такому образу действия его побуждала осторожность, опасение вооружить против нового строя церковные элементы, так как весь характер революционной государственности ясно подсказывал, что если церковно-государственный вопрос поставить ребром, то он разрешится в духе, нежелательном для церковной массы. С этой стороны политическая комбинация была ясна. Революция отдала руководительство страной в руки партий по правее кадетов, при чем кадеты только в начале играли

главную роль, а затем постепенно отходили на второй план, очищая место для социалистических элементов. В программе же всех этих партий, в том числе и кадетской, черным по белому было написано: отделение церкви от государства. Правда, кадеты шли тут на большие компромиссы, ставили отделение церкви, как идеальный принцип, допуская длительно-постепенный переход к его осуществлению. Но степень их готовности к компромиссам зависела от политических условий, которые после революции заставили кадетскую партию идти влево, но не вправо. А что касается партий социалистических, то отделение церкви в их программе значилось и без всяких компромиссов. Если бы февральская революция прямо пошла по линии своего политического уклона, то правительству оставалось бы только стать на ту позицию, которая диктовалась указанным программным пунктом. Но идея Учредительного собрания избавляла от необходимости решать прямолинейно острый вопрос, и Временное правительство воспользовалось этой отсрочкой.

По вопросу о церковно-государственных отношениях оно не говорило ни «да», ни «нет», ограничиваясь декларативными заявлениями, или такими мероприятиями, которые можно было толковать и в духе отделения церкви, и в духе того содружества, о котором говорили яркие противники отделения.

В первые же дни после февральского переворота новое правительство декларативно объявило о свободе церкви. С этой свободой поздравил синод при первой встрече революционный обер-прокурор. Но что такое «свобода церкви», как теперь определяет свои к ней отношения государство, об этом ничего не было сказано. Слово «свобода» было растяжимо. Под ними можно было разуметь и полное невмешательство государственной власти в церковные дела, и идею отделения, и простое осуществление тех чаяний об относительной свободе, каковые с 1905 года высказывала либеральная общественность. В самом деле, ведь о свободе церкви говорили много и при монархическом режиме, считая церковную свободу вполне совместимой с союзом церкви и государства. Между прочим, так именно привыкли понимать разговоры о свободе церкви в церковном обществе, и естественно, что такое понимание прежде всего приходило в голову, когда в числе завоеваний революции явилось церковное «освобождение». Но революция низвергла не только источник цезаремании—царскую власть. Она ниспровергла весь старый строй, в котором церковь являлась одним из трех китов, на коих опиралась русская государственность. Спрашивалось, как же отнесется революция к этому государственному положению церкви? Церковь, со времени Петра I, ведь не имела даже своего самостоятельного законодательства. Она числилась

ведомством государственного управления, и соответственный образом определялся в общем законодательстве порядок церковного управления, юридическое и материальное положение церкви. Перестает ли свобода церковь быть «ведомством»? Кто же является носителем высшей церковной власти вместо главы российской церкви — «православного» монарха? Каково будет течение церковных дел, чем изменилось церковное положение с юридической стороны? Все эти вопросы напрашивались сами собою.

Но на них не давала ответа революционная власть. В состав нового правительства входил и новый обер-прокурор синода, кого права и обязанности оставались те же, что и у прежних обер-прокуроров. Не было дано даже хотя бы новой обер-прокурорской инструкции, так что законодательной нормой для обер-прокуратуры продолжал быть петровский регламент, со всеми к нему дополнениями, сделанными историческим процессом развития обер-прокурорской власти. И во всем другом законодательстве о церкви не произошло ни малейшей перемены. Положение получалось такое, что в сущности, юридически церковь не получила даже никакой свободы. Проводником государственного влияния на церковные дела служила обер-прокуратура, и раз ее полномочия не изменялись, то юридически все оставалось по старому, с той только разницей, что вместо царя верховной инстанцией становилось Временное правительство. Некоторая свобода церкви осуществилась фактически. Временное правительство не взяло на себя всех функций старой монархии. Оно не утверждало синодских постановлений, кои раньше восходили на утверждение царя, например, о назначении, увольнении и перемещении епископов, о мерах церковного устройства и т. п. Подобные постановления стали теперь входить в силу по одному синодскому решению. Но, во первых, правительство и не отказывалось от старых прерогатив верховной власти в церковной области. Оно, так сказать, выпускало в указанных пределах синодскую самостоятельность, но, когда было нужно, заявляло и старые верховные права. Так, Временное правительство в апреле 1917 года, по царскому примеру, распустило старый состав синода и образовало новый, по своему назначению. Достаточно было такого коренного акта,—ибо от синода зависел весь ход церковного управления,—чтобы убедиться в том, что Временное правительство мыслило себя наследником царских полномочий. С другой стороны, в самом порядке внутреннего синодского управления оставался в силе весь обер-прокурорский аппарат. Представитель правительства, обер-прокурор, ставил свой штемпель, пропускал или не пропускал все синодские определения. Стало быть, чрез обер-прокурора, то же правительство продол-

жало осуществлять и в полном объеме прежние полномочия государственной власти. В результате, от незознания практики с буквой закона, получалось одно юридическое недоразумение. Раз, по закону, например, назначение епископа или какое-либо изменение действующих норм церковного права должно было совершаться в порядке государственном и опубликовываться в правительственном органе, то возникал вопрос: имеют ли законную силу те назначения и мероприятия, которые стали делаться теперь властью синода без верховной санкции? С точки зрения юридической их можно было оспаривать. Революционная действительность в подобное оспаривание не входила. Но факт юридической беспочвенности и той «церковной свободы», какую допускала революционная действительность, оставался фактом и ставил церковь далеко не в удобное положение.

Почему первое революционное правительство поставило в такую форму свои отношения к церкви, это разъяснял неоднократно обер-прокурор Львов. Декларативно предоставляя свободу церкви, правительство революции не могло в то же время фактически сразу отстраниться от сферы церковных дел, потому что сама церковь еще не в состоянии была осуществить свою свободу. Весь строй старого церковного управления был проникнут старыми тенденциями иерархического деспотизма и подавления общественных сил. Во главе церкви стояли люди старого режима, совершенно непригодные к роли церковных «освободителей». Архиереи, назначенные царем и часто помазанные Распутиным, были непригодными руководителями свободной церкви. Церковную свободу, очевидно, могла осуществлять только церковная общественность. Иначе говоря, для того, чтобы церковь могла использовать освобождение внешнее, от давления государства, ей необходимо было совершить освобождение внутреннее, организоваться на началах церковно-общественного самоуправления. Иначе получалось бы, что в силу иерархической дисциплины, старая иерархия взяла бы в свои руки распоряжение церковными делами и принялась бы по-своему «свободно», без всякого контроля, перестраивать и устраивать церковную жизнь. Это было похоже, как если бы осуществление свободного государственного строя предоставили старым губернаторам во главе с представителями губернаторской же корпорации: архиереи ведь были те же губернаторы в епархиях, а синод — коллегия из местных архиереев, туда назначенных царской властью. Ясно, что революционное правительство поступать подобным образом не могло. Оно могло сделать только одно из двух: или отделить церковь от государства и предоставить церковной среде устраиваться, как она хочет, не вмешиваясь совершенно в церковные дела и не признавая никакого гра-

жданного значения внутренним церковным отношениям, т. е. признать религию частным делом граждан; или взять на себя инициативу перестройки церкви на новых свободных началах, и лишь организоваться церковной общественности при посредстве старого аппарата церковного управления, но руководимого людьми нового, освободительного направления, и затем уже постепенно, по мере церковного переустройства, отойти в сторону от участия во внутренних церковных делах. Избрать первый путь,—значило, во первых, сделать такой решительный шаг по отношению к церкви, на какой первая революционная власть не решалась и который, действительно, в тот момент мог вызвать большие осложнения; во вторых, это значило—толкнуть церковь на церковную революцию. Само собою ясно, что церковное общество не примирилось бы с тем порядком церковного управления, какой поддерживался царизмом. Оно потребовало бы само, но только, в виду своей малой организованности, потребовало бы неорганизованно, в форме отдельных выступлений, прав для себя и удаления представителей старой церковной власти: примеры таких требований были даже и при той обстановке, в какую была поставлена действительно церковь, т. е. при обстановке планомерного церковного освобождения. Церковная иерархия, как и видно из ее позиции, конечно, вступила бы в борьбу за свои права. Освободительное церковное течение тогда принуждено было бы идти путем революционным. Но революция в церкви, с ее неизбежными эксцессами, замешательствами и коллизиями, внесла бы, несомненно, новые замешательства в жизнь страны, и так потрясенной переворотом, что не могло быть желательно для революционной власти. Поэтому, последняя избрала в своих отношениях к церкви второй путь—постепенного осуществления принципа свободы церкви по мере внутреннего церковного переустройства под контролем правительства и при содействии прогрессивных церковных сил. Такой путь, между прочим, подсказывался и вполне оправдывался прогрессивною церковною печатью. Напротив, несомненные церковные реакционеры настаивали на немедленном устранении государственной власти от церковного дела,—с сохранением, однако, всех благ, получаемых церковью от государства. И одного этого обстоятельства достаточно, чтобы признать позицию первой революционной власти по отношению к церкви наиболее правильной.

Что касается юридической неопределенности нового церковного положения, созданного февральской революцией, то она объясняется переходным моментом. В виду того, что государственная власть только временно сохраняла за собой прежние церковные прерогативы и готова была поступиться ими по мере возможности, выразить в юридических

нормах такие отношения было трудно. Да и не было особой надобности. Революция фактически аннулировала вообще действие буквы многих старых законов, не отмененных, однако, юридически. Предполагалось, что твердое революционное право будет выработано Учредительным собранием. Относительно церкви также предполагалось, что ее внутренняя организация установится собором, а государственную санкцию получит также в Учредительном собрании.

Итак, первое революционное правительство, в сущности, не изменило отношений государства и церкви, оставив их пока в прежних рамках, хотя и применяемых в новом духе. Временное правительство долгое время даже медлило издать закон, осуществляющий, наконец, юридически полную свободу совести. Только 14 июля 1917 г. правительство утвердило проект министерства внутр. дел о свободе вероисповедания. Закон этот отменял всякие гражданские ограничения, связанные с вероисповедным состоянием, устанавливая свободный переход из одного исповедания в другое и узаконяя вневероисповедное состояние. Последнее было чрезвычайно важно, потому что до сих пор вся вероисповедная политика именно грешила тем, что, делая уступки в пользу свободы верования, забывала о свободе неверия, т. е. о другой стороне свободы совести. Революционное законодательство названным законом, наконец, раскрепостило совесть граждан от вероисповедных уз. Тем не менее, Временное правительство не изъяло от вероисповедных органов вообще актов гражданского состояния. Гражданская метрикация, гражданский брак и развод устанавливались лишь для лиц, числящихся во вне-вероисповедном состоянии. Революционная власть обнаруживала в этом деле уже чрезмерную осторожность.

С осторожной постепенностью Временное правительство осуществляло и декларированную свободу церкви. Первый революционный обер-прокурор В. Н. Львов в пользовании своими полномочиями мало чем отличался от прежних обер-прокуроров. Ему приходилось даже действовать иногда более властно и резко, чем царским министрам церкви, в силу того простого обстоятельства, что на первых порах, когда он работал со старым синодом, его деятельность неизбежно сводилась к борьбе с духом церковного консерватизма и с иерархическим саботажем. С синодом измененного состава у Львова не было уже столкновений, но впечатление властности, оставленное им в церковной среде, было настолько сильно, что Временное правительство сочло нужным его изгладить. В конце июня на место Львова был назначен его товарищ по обер-прокуратуре—А. В. Карташев,—человек мягкий и уступчивый. За этой переменой в лицах последовал и принципиальный шаг прави-

тельства в сторону дальнейшего осуществления церковной свободы. Обер-прокуратура была упразднена и, вместо нее, было учреждено министерство исповеданий.

Законодательная обстановка учреждения министерства исповеданий представляет достаточный материал, чтобы судить о той принципиальной почве, на которой стояло правительство. В данном случае нужно заметить, что эволюция в отношениях революционной государственной власти к церкви в значительной мере определялась церковно-общественным мнением.

В этом мнении по вопросу о церковно-государственных отношениях с первых же дней после февральской революции ясно обозначились два течения. Названный вопрос много дебатировался в печати и в разных церковно-общественных организациях, на собраниях, съездах и проч. Господствующим, судя по указанным признакам, оказалось умеренное течение, которое категорически высказывалось против отделения церкви от государства и полагало нужным добиваться, чтобы государство, предоставив церкви полную свободу самоуправления, признало за православной религией первое положение между другими исповеданиями и сохранило ее прежние права, в том числе и право на материальную поддержку государства, оказывая, впрочем, такую же поддержку и другим культам. Резолютивным выражением основных мыслей этого течения можно считать основные положения о правовом положении православной церкви в России, принятые в заседании 13 июля 1917 года предсоборным советом, где собраны были почти все выдающиеся церковно-общественные деятели. Положения эти были следующие.

В русском государстве православная церковь должна занимать первое, среди других религиозных исповеданий, наиболее благоприятствуемое в государстве, публично-правовое положение, приличествующее ей, как величайшей народной святыне, исключительной исторической и культурной ценности, а также религии большинства населения. В соответствии с признанной в новом государственном строе России свободой религиозной совести и вероисповеданий, православная церковь должна обладать этой свободой во всей ее полноте. Эти основные начала должны быть выражены в следующих положениях: 1) Православная церковь в России в делах своего устройства, законодательства, управления, суда, учения веры и нравственности, богослужения, внутренней церковной дисциплины и внешних сношений с другими церквами независима от государственной власти (автономна). 2) Постановления, издаваемые для себя православной церковью в установленном ею самою порядке, со стороны государства признаются нормами права, имеющими, со времени

опубликования их церковной властью, обязательное значение для всех лиц и установлений, принадлежащих к православной российской церкви, находящихся как в России, так и за границей. 3) Действия органов православной церкви подлежат надзору государства исключительно в отношении их соответствия законам государства; при чем эти органы ответственны перед государством только в судебном порядке. 4) Государство признает церковную иерархию и церковные установления, образованные на основании церковных постановлений. За актами управления и суда, издаваемыми этими церковными установлениями и должностными лицами, государство признает силу, которая присваивается им церковными постановлениями, поскольку этими актами не нарушаются государственные законы. Надзор за закономерностью актов церковных властей осуществляется в судебном порядке. 5) Священнослужители, монашествующие и псаломщики, окончившие курс в духовных учебных заведениях, особых для того школах, а также специально подготовленные единоверческие псаломщики свободны от воинской и других натуральных повинностей. 6) Когда, хотя бы один из брачущихся, принадлежит к православной церкви, то церковное венчание по православному обряду признается законным заключением брака. 7) Церковно-судебные решения по делам о разводе и о признании брака незаконным или недействительным признаются в силе судебных решений. 8) Церковные метрические книги имеют значение актов гражданского состояния, если ведутся согласно государственным законам. 9) Свобода исповедания и проповедания православной веры и открытого ее богослужения признается и ограждается государственной властью. 10) Двунадесятые праздники, воскресные и особо чтимые православною церковью дни признаются государственною властью присутственными днями. 11) Глава русского государства и министр исповеданий должны быть православными. 12) Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется православная церковь. 13) Православная церковь учреждает низшие, средние и высшие школы, как специально богословские, так и общеобразовательные. Школы эти пользуются в государстве всеми правами правительственных учебных заведений на общем основании. 14) Во всех светских государственных и частных школах, в которых учатся дети православных родителей, преподавание закона божия обязательно. Содержание законоучительских должностей в государственных школах принимается на счет казны. 15) Все установления православной церкви пользуются имущественными правами в качестве юридических лиц. Существующие ныне установления православной церкви сохраняют имущества, им в настоящее время принадлежащие; установ-

ления эти не могут быть упразднены, и имущество не может быть от них отобрано без согласия церковной власти. 16) Церковные имущества, не приносящие чистого дохода, подлежат освобождению от налогов. 17) Православная церковь получает из средств государственного казначейства денежные ассигнования в пределах ее действительных потребностей, под условием отчетности в полученных суммах на общем основании».

В приведенных положениях заключались, так сказать, рамки церковного большинства, на которых оно остановилось в новых государственных условиях жизни церкви. Рядом с этим течением развивалось другое того времени—левого крыла церковного общества, организовавшееся в прогрессивных объединениях. Это второе течение склонялось к принципу отделения церкви от государства по соображениям, как политического, так и церковного свойства. Сторонники этого течения говорили, что уклад политической жизни страны все равно идет к отделению церкви: так не будет ли предусмотрительнее заранее по этому принципу перестраивать церковную жизнь, чтобы потом церковь не была застигнута врасплох и чтобы не тратить напрасно сил на отстаивание безнадежных позиций? Для самой церкви и ее вечных интересов.—утверждала последняя точка зрения.—отделение от государства не должно быть страшно, а должно быть желательно, потому что только ничем не связанная церковь может быть действительно свободной и повиноваться исключительно велениям христианской совести. Впрочем, и это течение допускало, более или менее, длительный переходный период, пока церковь будет подготовлена к отделению. Разрубить церковно-государственную связь одним ударом не считали благоразумным и левые церковники.

Из названных двух течений, как сказано, первое было преобладающим, и в его сторону, вероятно, склонялась точка зрения Временного правительства. По крайней мере, в конце июня—начале июля 1917 г. мин. внутр. дел, совместно с некоторыми представителями предсоборного совета, выработало следующий проект урегулирования взаимоотношений между религиозными обществами и государственными установлениями. 1) «Каждая признанная государством церковь пользуется полною свободою и самостоятельностью во всех своих делах, управляясь по собственным своим нормам, без всякого прямого или косвенного воздействия или вмешательства государства. 2) Органы церкви находятся под надзором государственной власти лишь постольку, поскольку они осуществляют акты, соприкасающиеся с областью гражданских или государственных правоотношений, каковы: метрикация, бракосочетание, развод и т. п. 3) По делам этого рода надзор государственной власти ограни-

ивается исключительно закономерностью действий органов церкви. 4) Органом такого надзора является министерство исповеданий. Окончательное разрешение дел о незакономерности действий церковных органов принадлежит правительствующему сенату, как высшему органу административной юстиции. 5) Государство участвует ассигнованием средств на содержание церквей, их органов и установлений. Средства эти передаются прямо церкви. Отчет по израсходованию этих средств сообщается соответствующему государственному установлению». Легко заметить, что проект министерства внутренних дел почти что говорил словами предсоборного совета, что и вполне понятно при участии в его выработке членов названного совета. Правда, изложенные тезисы очень кратки, но они воплощают все основные мысли господствовавшего церковного течения по вопросу об отношении церкви к государству, за исключением указаний на «первенствующее» положение православной церкви среди других церквей. Но это был уже вопрос чести, входить в который приличествовало разве лишь учредительному собранию.

Проект министерства внутренних дел, если бы он был издан в законодательном порядке, дал бы, действительно, некоторую юридическую основу фактическому положению церкви в новом государственном строе в переходный период. Но проект этот не получил законодательного завершения, а вместо того было осуществлено лишь одно его предположение — об учреждении министерства исповеданий, опубликованное в форме закона в первых числах августа. Положение о министерстве исповеданий состоялось в такой форме: «1) Для заведывания делами всех вероисповеданий учреждается министерство исповеданий. 2) В это министерство передаются: а) дела, касающиеся ведомства православного исповедания, временно в том объеме, в каком они подлежат, по действующим законам, компетенции обер-прокурора св. синода, и б) дела инославных и иноверных исповеданий, составляющие, по закону, предмет ведения министерства внутренних дел по департаменту духовных дел иностранных исповеданий. 3) Должности обер-прокурора св. синода и товарища обер-прокурора упраздняются. 4) В составе министерства учреждаются: министр исповеданий и два товарища министра. 5) Министр исповеданий в отношении дел, предусмотренных статьею 2-ю, соединяет в своем лице временно всю полноту власти обер-прокурора и министра внутренних дел по принадлежности, впредь до утверждения, в законодательном порядке, выработанных всероссийским поместным собором реформ церковного управления и коренного пересмотра отношений русской государственной власти к исповеданиям при новом строе. 6) В министерство исповеданий переходят: а) канцелярия обер-прокурора св. синода с юрисконсульт-

скою частью с переименованием этой канцелярии в канцелярию министерства исповеданий по делам православной церкви, а юрисконсульта при обер-прокуроре в юрисконсульта министерства исповеданий: 6) департамент духовных дел, с переименованием сего последнего в управление министерства исповеданий по делам инославных и иноверных исповеданий. 7) За указанными в ст. 5 учреждениями, впредь до дальнейших преобразований, сохраняются все назначенные на их содержание ассигнования и прочие довольства как из казны, так и из специальных средств».

Учреждение министерства исповеданий, как видно, исходило из общего проекта новых норм отношений государства к исповеданиям; но эти новые нормы правительство хотело провести постепенно, и потому временно в новую форму вмещало все-таки старое содержание. Министр исповеданий пока оставался тем же обер-прокурором в церковном управлении, со всеми прежними полномочиями, и, значит, фактически тут ничто не изменялось. Упраздняя обер-прокуратуру, правительство ее все-таки не упразднило. Дело сводилось пока к декларации, как мы увидим, сделанной в угоду церковному мнению. Но, во всяком случае, принцип церковно-государственных отношений намечался и в положении о министерстве исповеданий в духе пожеланий церковного большинства. Правительство, видимо, готово было усвоить идеологию сторонников «первенствующего положения» православной церкви в государстве в качестве публично-правового института, пользующегося государственными правами и содержанием. Упоминание в положении о министерстве исповеданий об утверждении правительством, в законодательном порядке, вырабатываемых собором норм будущего устройства церкви подтверждало, что Временное правительство до конца хочет сохранить за собой прерогативы прежней верховной власти и отнюдь не мыслит церковное дело «частным» делом, принимая все обязательства, налагаемые на государственную власть неразрывной связью государства с церковью.

Такую именно точку зрения правительства со всею ясностью выразил и министр исповеданий А. В. Карташев в правительственном приветствии собравшемуся в августе московскому церковному собору. Это приветствие имело смысл декларации, разъясняющей вообще линию поведения Временного правительства в церковном вопросе, и потому оно заслуживает особенного внимания. «Временное правительство,—говорил Карташев.— поручило мне заявить освященному собору, что оно гордо сознанием—видеть открытие сего церковного торжества под его сенью и защитой. То, чего не могла дать русской национальной церкви власть старого порядка, с легкостью и радостью предоставляет новое прави-

тельство, обязанное насадить и укрепить в России истинную свободу. Временное правительство видит в настоящем соборе не обычный съезд частного сообщества, каких теперь несчетное число, оно видит в соборе русской православной церкви полномочный орган церковного законодательства, имеющий право авторитетного представления на уважение Временного правительства законопроектов о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменении отношений церкви к государству. Временное правительство сознает себя, впредь до выработки учредительным собранием новых основных законов, стоящим в тесной близости к делам и интересам православной церкви. В своем составе оно до сих пор имело обер-прокурора св. синода русской православной церкви (а не иных каких-либо исповеданий). И если недавно упразднена эта должность (но не упразднены до времени ее права и обязанности), то только потому, что в виду церковного собора правительство не желало, ради символики утверждаемой им свободы церкви, сохранять это имя, ставшее, по смелкию церковного общества, синонимом тяжкой зависимости церкви от государства. Временное правительство ждет той минуты, когда собор представит ему новый план церковного управления, и тогда оно с готовностью упразднит в круге полномочий своего министра исповеданий его обер-прокурорские права и обязанности по делам внутреннего церковного управления, оставив за ним более внешний надзор за закономерностью. Ожидая от собора законодательных предположений, касающихся преобразований церковного управления, Временное правительство полагает, что впредь до принятия им этих предположений все прежние правящие установления русской церкви, к учреждению коих государственная власть приложила печать своей санкции, остаются в полной силе их действия и не могут быть поколеблены без внесения в область управления церковно-государственных отношений беспорядка и анархии. Не желая этого ни церкви, ни государству и утверждая публично-правовые полномочия собора, Временное правительство 11-го сего августа приняло следующее постановление в двух пунктах: 1) Предоставить открывающемуся 15-го сего августа в Москве поместному собору всероссийской церкви выработать и внести на уважение Временного правительства законопроект о новом порядке свободного самоуправления русской церкви. 2) Сохранить впредь до принятия государственной властью нового устройства высшего церковного управления все дела внутреннего церковного управления в ведении св. правит. синода и состоящих при нем установлений».

В декларации собору Временное правительство сказало все, чего до сих пор прямо не говорила первая революционная власть. Очевидно, фев-

ральная революция не стремилась коренным образом изменить отношения государства к церкви. Правительство шло здесь навстречу церковно-общественному мнению, и даже не левого крыла церковного общества, а так сказать, умеренного церковного центра. Правда, слышались ссылки на учредительное собрание. Но, по всему видно, что правительство, по крайней мере правительство Керенского, и в учредительном собрании не предвидело радикальных решений церковно-государственного вопроса. Тем более резким переломом в данном направлении было решение того же церковно-государственного вопроса октябрьской революцией.

III.

Что происходило в период первой революционной власти во внутренней жизни церкви? Это—третья сторона церковного положения, созданного февральской революцией.

Февральский политический переворот, как мы уже имели повод отмечать, сам собою ставил на очередь проблему внутреннего церковного освобождения. Революция, дав простор всем освободительным стремлениям, естественно, вызвала к жизни замершее после 1906 года церковное освободительное движение. В новых условиях могла, наконец, свободно выступить прогрессивная церковная общественность. Открылось широкое поле действий для либеральных церковных деятелей. На них опиралась революционная обер-прокуратура, и они силою вещей становились теперь руководителями церковного дела. Воскресли с новой силой идеалы так называемого церковного обновления, с духом которого столь упорно боролась церковная иерархия в реакционные годы. Но старый режим в церкви не без сопротивления сдавал свои позиции, и это обстоятельство весьма характерно не только для того момента, а и для последующей истории церкви. Когда совершился переворот, то в церковно-общественных кругах все напряженно ждали, что, конечно, первым делом должен уйти старый синод, состоявший из агентов старого режима. Во главе синода стояли такие фигуры, как митр. Владимир и Макарий, с которыми и не могло быть никаких соглашений у сторонников подлинной свободы церкви. Со стороны революционного правительства было бы последовательным просто и немедленно распустить синод и образовать его в новом составе. Но правительство деликатно медлило с этой мерой, а сами синодальные архиереи и не думали устраняться от церковного управления. Они крепко держались за власть и не обнаруживали никакой склонности вступить на тот путь «обновления», какой подсказывался моментом. Напрасно и обер-прокурор Львов старался сдвинуть синодских иерархов с их пено-

движности. Синод ограничился незначительными мероприятиями—отменой правоограничений для священных сан лиц из белого духовенства и монашества, автономией духовных академий и введением выборного начала в духовных семинариях и училищах,—и как бы замер. Вся его энергия устремилась не на реформы, а на молчаливую, но упорную борьбу против реформ и против нового обер-прокурора. Создавшееся положение весьма рельефно характеризовал тогда новый церковный орган, созданный либеральными церковными усилиями—«Всероссийский Церковно-Общественный Вестник». Через месяц после революции он писал такие строки: «Прошел уже месяц русской свободы. Все изменилось, перестроилось. Лишь несокрушимо стоит, как грузный памятник нашего строя, носитель церковной власти, синод старого, бюрократического происхождения. Тот самый синод, который правил при Вольфе и Раеве, сотрудничал с распутинцами, реабилитировал Илиодоров и Флавианов, верой и правдой служил самодержавию, душил церковно-общественную самодеятельность, подготовлял выборы в пятую Думу с помощью 126 миллионов на златотканые духовенству. Правда, ушли из синода два митрополита, более приспособленные к распутинской протекции. Но ядро осталось. Осталось на страже старых приемов, старых позиций, столь непримиримых с новой свободной общественностью. Что позиции непримиримы, то доказал совершенно ясно истекший месяц. Положим, и теоретически трудно было предполагать, чтобы агенты старого режима, выдвинутые анти-общественными силами, могли сделаться деятелями свободной России... Но можно было во всяком случае предполагать, что, оставшись у власти, синодальные члены постараются приспособиться к новым потребностям и политическим условиям. Оказалось, что и этого нет. Синод старого состава остался верен самому себе. Его усилия сосредоточились не на деле церковного переустройства, а на упорном противодействии новым началам жизни, проникавшим в церковную сферу. Месяц прошел в борьбе синодальных членов с представительницей свободного народа—обер-прокуратурой, пытавшейся повернуть церковную деятельность на новый путь. Естественно, что действие и противодействие уничтожали друг друга, и церковная работа, вместо творчества, превратилась в бесплодное истощение сил. В тот момент, когда нужна напряженная деятельность, мы увидели своеобразную синодальную забастовку. Синод обратился в такую же пробку для всяких начинаний, какую представлял в свое время Гос. Совет.—Словом, высшая иерархия по-прежнему саботировала дело церковного обновления. И если еще в настроении политическом она проявила лояльность к революции, то в настроении церковном она осталась столь же консервативной, как была прежде. О степени озлобленности отдельных архиереев и

приспешников старой власти против новых тенденций церковной жизни можно судить хотя-бы по инциденту, происшедшему при увольнении митр. московского Макария. Этот друг «Григория Ефимовича» столь был неприличен для синода, хотя и старого, но в новой обстановке революции, что его вынуждены были убрать поскорее «на покой». Первая потребовала отставки Макария сама же московская епархия, а затем это требование поддержал обер-прокурор. Коллеги Макария по синоду, неохотно, но уступили этим требованиям и 20-го марта уволили его «по прошению» от всякого управления, при чем, по старой привычке, дали ему льготу — еще 10 дней числиться митрополитом. Эту то льготу Макарий и использовал по своему. Он поехал в Москву и там, по наущению своих советников, издал отлучение на всю епархию за то, что последняя требовала его отставки. Получился скандал, для интересов Макария бесполезный, но для иерархического настроения знаменательный. Из поведения Макария было видно, что иерархическая среда старого типа готова была прибегнуть к любым средствам, чтобы удержать власть. Она совершенно не хотела считаться с новым положением вещей и спала и видела, чтобы отделаться от государственного контроля и по «семейному» устроиться в церковном деле. Отсюда истекало яркое озлобление архиереев на В. Н. Львова, твердо принявшегося за чистку церковного правительственного аппарата и взявшего на себя инициативу церковно-освободительных мероприятий, при содействии церковных деятелей.

С помощью обер-прокуратуры церковно-общественному мнению удалось, наконец, в средине апреля, добиться роспуска старого синода. Не малую роль в этом деле сыграл «Совет по делам православной церкви», образовавшийся из думского духовенства, некоторых членов Думы—мирян, и прогрессивных церковных деятелей. На собраниях совета неоднократно и настойчиво указывалось на необходимость новой власти в церкви, и соответствующее представление было сделано правительству. Новый синод был составлен из лиц, более или менее уже соответствующих потребностям момента. Правда, живых людей в среде высшей иерархии было так мало, что найти здесь активных обновленческих работников было трудно. Вызванные для присутствия в новом синоде —экзарх Грузии Платон, архиеп. ярославский Агафангел, епископы уфимский Андрей и самарский Михаил, да оставшийся от старого синода архиеп. Сергий финляндский, были далеко не активны, за исключением еп. Андрея. Более активный элемент представляли назначенные в синод четыре протопопа с либеральной репутацией. Но важно было то, что новый синод во всяком случае перестал быть тормозом церковно-преобразовательного движения. Так или иначе, призванный к делу революционной властью, он должен

был идти навстречу новым течениям жизни и выполнять предназначенную ему миссию содействия церковно-освободительным начинаниям. Лишь с этой переменой церковной власти сделалась возможна реальная церковно-обновительная работа.

План этой работы был намечен давно церковно-общественной мыслью, и новой церковной власти оставалось только привести его в исполнение. Церковное мнение с самого начала освободительного движения в церкви полагало, что единственный правильный путь церковного освобождения—реорганизация церковного строя на началах соборности. Собору, составленному из всех элементов церковного общества, с полноправным представительством клириков и мирян, усваивалась учредительная роль в церковном деле. Церковные процессисты в данном случае были такими же идеалистами, как либеральная интеллигенция в вопросе государственного строительства. Собор в церкви представлялся аналогией учредительного собрания в государстве. Взявшие в свои руки руководительство церковной политикой, при новом синоде, церковные деятели миссию свою считали только подготовительной. Они ставили своей задачей подготовить церковь к соборной жизни,—т. е. организовать церковную общественность, раскрепостить связанные прежде рамками действовавшего порядка церковные силы, изъять власть из рук реакционеров и выполнить всю подготовительную работу для собора. С созывом собора последнему передавалась дальнейшая судьба церковного реформаторства.

Сообразно с этим действовал и синод, образованный Временным правительством. Сам по себе он воздерживался от каких-либо коренных мероприятий, кроме самых необходимых для проведения вышеозначенной программы. Так, само собою разумеется, необходимо было изменить формы приходского и епархиального управления для того, чтобы дать возможность организоваться церковному обществу в приходах и епархиях. Поэтому новым синодом были изданы временные положения о приходе и о епархиальном управлении, построяющие то и другое на выборном начале и парализующие старое епископское самовластие. Но уже по отношению к другой задаче,—очистке иерархии от неподходящих для нового строя элементов, синод не обнаружил даже той доли решительности, какая безусловно требовалась положением вещей. За полгода после революции было удалено всего пять-шесть архиереев, против которых решительно восстали епархиальные съезды. Подавляющее же большинство епархиальных начальников осталось на местах от старого строя. Новая церковная власть свою осторожность в данном вопросе мотивировала тем соображением, что без достаточных оснований не следует низлагать епископов, чтобы не поощрять анархические элементы церкви. Но она забывала то

обстоятельство, что агенты старого строя, хотя бы за плату и не было определенных вин, все равно не будут искренне работать для церковного обновления, основным условием которого ставилось умаление епископских прерогатив. Связывало, конечно, церковную власть и то, что в ее распоряжении не было кандидатов нового духа; не было их, пожалуй и вообще в том монашеском классе, из которого по традиции брались епископы. Синод успокаивал себя также мыслью, что раз епархии категорически не протестуют против своих архиереев, то этим как бы молчаливо высказывают им доверие. Однако, дальнейшие события показали, что подобная политика великодушия и излишней осторожности—чревата была самыми неблагоприятными для церковного освободительного движения последствиями. При неустойчивости настроения массы духовенства и церковного народа, иерархия старой формации, оставшаяся на своих местах, сумела использовать свое положение и, если не активно, то пассивно, содействовала консервативному повороту в церкви. А когда этот поворот обозначился, то та же иерархия почувствовала почву под ногами и показала зубы самой новой высшей церковной власти.

Вообще, здесь была допущена ошибка, за которую, может быть, надо винить не столько синод революционного созыва, сколько саму руководящую церковную общественность. Последняя, видимо, не совсем верно оценивала положение и не была достаточно осведомлена в настроениях провинциальной церковной среды. В руководящих церковных кругах преждевременно полагали, что церковь готова для собора и что надо поскорее созывать собор, чтобы передать ему церковное строительство. Поэтому с собором торопились и, действительно, энергично работали по его подготовке. Состоявшийся в начале июня в Москве всероссийский съезд православного духовенства и мирян был как бы преддверием собора. На съезде в 10 дней были выработаны и обсуждены основные проекты всех главнейших церковных преобразований и все главные вопросы церковного момента. С этой стороны съезд оказался вполне удачным. Определенно прогрессивная линия поведения большинства съезда в вопросах церковного устройства давала повод рассчитывать, что и будущий собор займет такую же позицию и сделается фактором церковного обновления церкви. Отчасти под впечатлением съезда работы по созыву собора были ускорены. В том же июне месяце был образован предсоборный совет, в задачу которого входило окончательно подготовить законопроекты, предназначенные на обсуждение и разрешение собора. В два месяца совет выполнил это задание, и к собору все было готово. Созыв собора определился на 15-е августа.

С собором, как сказано, торопились. Но более вникавшие в обстановку церковные деятели уже в предсоборном совете могли заметить, что

аусиции для собора не совсем радужные. Предсоборный совет, при всем своем прогрессивном направлении, обнаружил в себе уже черные тени поднимающейся церковной реакции. Сюда, кроме близких сотрудников реакционной обер-прокуратуры, влилось не мало элементов весьма и весьма умеренного направления. Уже здесь высшая иерархия смогла выставить консервативных лидеров и накопила почву для отстаивания позиций совсем не освободительных. Между прочим, характерен разыгравшийся в совете инцидент с вопросом о праве решающего или совещательного голоса мирян и клириков на соборе. Консервативное течение в совете взяло под свою защиту прерогативы епископата и успело провести, в порядке соборного наказа, ограничительное для церковного общества постановление о разделении собора на две курии, епископскую и духовно-мирскую, с правом епископской курии налагать veto на любое соборное решение. Резкое столкновение, происшедшее по этому поводу в совете между левым его крылом и большинством, показало, что плоды церковного освобождения опять становятся достоянием только церковной оппозиции. Весь же тон, принятый в совете церковным центром и церковной правой, давал понять близость новой борьбы церковной реакции с церковным освободительством. Подобная борьба не могла еще разыграться в предсоборном совете во всю ширь, потому что совет был сплошь либеральными инициаторами и действовал в рамках либеральных же заданий. Но за инцидентами, подобными упомянутому, чувствовалось начало какого-то перелома в церковном обществе, угрожающего сделать из собора совсем не то, чего от него ждали вожди церковного прогрессизма, на своих плечах выносившие соборную идею.

Выше мы уже говорили о политическом настроении московского церковного собора. Параллельно с политической реакционностью шел здесь и церковный консерватизм. Правда, собор не был «правым» в том смысле полной непримиримости с церковной общественностью, какую обнаруживала иерархия до февральского переворота. Что бы не таили в душе архиереи старой формации, открыто отстаивать все старые позиции живущее духовенство уже не решалось. Что епископское настроение, по крайней мере большинства епископата, проникнутого духом Антония Храповицкого, было определенно анти-общественным, о том можно догадываться по некоторым откровенным заявлениям, вырывавшимся у менее осторожных иерархов. Так, один из июльских №№ «Петроградских Ведомостей» поместил статью еп. Пантелеймона «О соборах епископов», смысл которой был совершенно непримиренен. Пантелеймон резко осуждал «неканонические сборища мирян и клириков, которые могут иметь лишь значение грубой силы, но никакого морального значения не имеют, как

бы они свое сборище высоко не именовали». Полнота церковной власти принадлежит только собору епископов. Пантелеймон призывал, поэтому, епископат не мириться с понятиями новых церковных реформаторов, выйти из своей пассивности и создать исключительно епископские соборы. Таким образом, антониевская школа заранее объявляла будущий собор, подготовляемый тогдашней церковной властью, «механическим сборищем» и выкидывала знамя борьбы со всем новым направлением внутренней церковной политики. Устами Пантелеймона, конечно, говорила вся группа, вождь которой еще давно, в 1905—1906 г.г., заявлял, что лучше на собор пустить каторжников, чем белых священников и мирян. Но времена изменились, изменилась внешняя обстановка с революцией, и если глуповатые питомцы Антония имели на языке то, что на уме, то более мудрые их духовные отцы предпочитали держать про себя свои церковно-общественные антипатии. Они понимали, что в новых условиях церковной жизни церковное общество становится даже необходимой опорой для епископата, потому что с собственно архиерейским престижем не станет считаться революционная государственность. Поэтому, скрепя сердце, явившийся на собор епископат примирился с «механическим сборищем», т.-е. с участием, и даже полноправным, клириков и мирян. Но такой вынужденный компромисс не изменял, разумеется, подлинной настроенности епископской среды, ориентация которой на соборе сразу показала, куда клонятся симпатии епископского большинства.

Вождем епископской партии на соборе, явился, конечно, тот же Антоний Храповицкий. За ним была уже признанная репутация боевого человека, по своему талантливого, яркого сторонника епископских интересов, и потому его авторитету подчинялись и такие архиереи, которые лично не были с ним в особо дружеских отношениях. Сначала епископат не знал определенно, какую позицию ему занять. Высшая иерархия, очевидно, боялась, что собор, подобно июньскому московскому съезду, даст прогрессивное большинство, с тенденциями которого епископату не хотелось мириться. Потому на соборе вначале ходили толки о епископских замыслах выделиться в особую курию, изменить соборную конституцию, и т. п. Но скоро оказалось, что в таких решительных шагах епископату нет надобности. Когда выяснилась физиономия соборного состава, то само соборное большинство клириков и мирян обрисовалось в таком виде, что епископат мог удобно его использовать, не прибегая ни к каким резким жестам. Общее соборное настроение было умеренным и с явным уклоном вправо. Вместе с епископами, правые духовные и миряне образовали уже внушительное правое крыло. А соборный центр, руководимый церковной интеллигенцией умеренной политической окраски, в роде ем. Е. Н. Тру-

бешкого, проф. С. Н. Булгакова и т. д., обнаруживал приметное тяготение поддержать епископский авторитет и сократить прогрессивный церковно-реформаторский замах, проявившийся в предсоборный период. Почему состав собора оказался таким, а не иным, объяснение того мы уже давали выше. Во всяком случае, для епископата было этого достаточно, чтобы приспособить для своих интересов и ту соборность, какая имелась в наличии. Опираясь на правое крыло и колеблющийся центр, епископская партия на соборе взяла в свои руки вершение дел. Она отодвинула церковных либералов, самых опасных своих противников, в оппозицию, обыкновенно безнадежно взывавшую к соборному большинству. Этого ей и было надо, а остальное устроилось само собою.

Правый соборный уклон начал сказываться во всех соборных работах по выработке церковных преобразований, как только собор приступил к прямым своим делам. Но всего определеннее он сказался в центральном вопросе первого периода деятельности собора—в вопросе о патриаршестве. Патриаршество было гвоздем программы правых церковников, давней мечтой антоновцев и, пожалуй, почти всего епископата. В патриаршестве высшая иерархия видела опору иерархическому престижу и оплот против покушений на него со стороны церковных конституционалистов. Во времена царизма на патриаршество смотрели, как на эмблему свободы церкви от государственного подавления. В период революции правые церковные круги ухватились за патриаршую идею, как средство поскорее избавиться от обер-прокуратуры и поставить заслон против церковно-общественных домогательств. Но именно в силу последнего обстоятельства идея патриаршества с момента революции, казалось, потеряла всякий кредит. Как лозунг правого, консервативного церковного течения, она неизбежно стушевалась в волне церковного освободительства, поднятой революцией, и даже сами архиереи замолчали о патриарших упованиях. На всероссийском съезде духовенства и мирян мысль о патриаршестве была решительно отвергнута. Столь же решительно отверг ее и предсоборный совет, где о патриаршестве заговорили столь немногие голоса, что предположение это отпало само собою. Такое отношение к патриаршеству в предсоборный период весьма показательно именно с той стороны, что церковное реформаторство ясно понимало, до собора, всю несвоевременность такого консервативного института. И столь же характерно, что собор, едва осмотревшись в своей внутренней обстановке и в политических условиях момента, лихорадочно начал работать над восстановлением патриаршества.

Антоновцы,—застрельщики патриаршества,—наверно ехали на собор без всякой надежды получить патриарха, при чем, между прочим, в патриархистских кругах всегда как-то неизбежно соединяли мысль о

будущем патриархе с личностью самого Антония Храповицкого. Они не представляли иначе патриаршей власти, как на голове Антония. Тем больше была радость патриархистов, когда они почувствовали, по общей ситуации, возможность осуществить патриаршую идею. Едва обрисовалась такая возможность, как в соборном отделе о высшем церковном управлении вплотную занялись вопросом о патриаршестве и с необычайной спешностью поставили дело, пока в принципиальной форме, на общее соборное обсуждение. То было в октябре, как раз в период назревшего и разразившегося политического кризиса, и это связь не случайна. Наталкивая власти Временного правительства чувствовалась в обществе, и церковники готовились к возможным случайностям по-своему. Как мы уже отмечали, выдвинув патриаршество, авторы его хотели создать сильную, единую власть в церкви, когда не было сильной власти в государстве, с тайной мыслью, что патриарший авторитет может создать базу для известных политических течений в период надвигающихся политических перетурбаций. Поставленный вопрос о патриаршестве на соборе был во всех отношениях для собора пробным камнем. Он должна была выявить и политическую, и церковную настроенность соборного большинства и тем определить все направление соборной деятельности. Естественно, что вокруг вопроса о патриаршестве загорелась страстная борьба.

Левая соборная оппозиция многократно предупреждала собор о всех отрицательных последствиях, которые были связаны с учреждением патриаршества, да еще в такой момент русской жизни. В тот самый день 25 октября, когда в Петрограде совершился переворот, с соборной кафедры один из видных представителей левого крыла, проф. Кудрявцев, пробовал еще раз убедить патриархистов в нецелесообразности их предприятия, концентрируя все главные доводы своей группы. «Первое,— говорил он,—так как на мой взгляд, патриаршество не в состоянии оправдать тех слишком широких ожиданий, какие на него возлагаются, то в недалеком будущем нам предстоит пережить крушение этих надежд, которое будет тем тягостнее, чем обширней и напряженней были надежды... Во вторых, история показывает, что в области управления церковного также, как и гражданского, единоличное начало имеет тенденцию к оттеснению и даже поглощению начала коллективного, соборного... Нельзя не испытывать тревоги за то, что с учреждением патриаршества соборное начало будет мало-по-малу ослаблено и даже совсем почтавлено, что, в свою очередь, может вызвать против себя реакцию в виде церковной революции. В третьих, вы хотите учреждать патриаршество в то время, когда в составе церковного народа много таких лиц, политические чувства которых вместе с политическим переворотом по-

горния для себя точку приложения и как бы повисли в воздухе. А так как такое положение удобством не отличается, они ищут для себя точки приложения, и не находя таковой в политической области, с прежней силой напряжения устремится в область церковную. Как только будет там установлено патриаршество, во многом, без сомнения, аналогичное с царством, по крайней мере, с первого взгляда. С психологическою необходимостью патриарха окружат люди, потерпевшие крушение своих политических идеалов... В четвертых, вы вводите патриаршество в то время, когда готова начаться борьба церкви с государством. В лице патриарха вы хотите иметь предводителя в этой борьбе. Но, ведь, если будущий патриарх примет вашу программу, ему ничего не останется, как сделаться вождем определенной политической партии... Не знаю, как вы, но мы считаем это явление столь же вредным для церкви, как и для государства, а потому опасаемся вводить институт, чреватый такими последствиями».

Предостережения левой части собора оказались впоследствии пророческими. Но в тот момент соборное большинство не хотело внимать никаким предостережениям, и шло напролом к поставленной себе цели. Победа же патриархистов знаменовала окончательную ориентацию собора вправо, как в смысле политическом, так и церковном.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЦЕРКОВЬ В ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

I. Восстановление собором патриаршества в первые дни после октябрьского переворота. Первоначальная позиция новой государственной власти по отношению к церкви. II. Враждебное отношение церкви к октябрьской революции. Первые соборные выступления против новой власти. Начало «войны» церкви с государством. Анафема патриарха.

I.

Московский церковный собор, как уже сказано, решил вопрос о «монархе в церкви» как раз в тот самый момент, когда политические события развертывались в направлении наибольшего углубления революции. 25 октября 1917 года пало Временное правительство Керенского. Власть перешла в руки Советов, т. е. к тому левому социалистическому крылу, точка зрения которого и в религиозном вопросе была наиболее радикальной. Казалось бы, этот политический переворот должен был заставить церковный собор быть особенно осмотрительным в таком важном деле, как восстановление патриаршества, имеющего явно опасные для

революции корни в прошлом. Но, вместо того, мы видим совсем другое. Первым отзвуком собора на октябрьский переворот было именно спешное осуществление идеи восстановления патриаршества.

Надо заметить, что в этом отношении октябрьская революция, некоторым образом, развязала руки соборным патриархистам. До этого момента мечта о патриархе у правых церковников неизбежно омрачалась опасением: как отнесется к патриаршеству государственная власть? Репутация патриаршей идеи в прогрессивном церковном и светском обществе была столь отрицательная, что нельзя было не предвидеть непопулярности патриаршества в правительственных кругах. А Временное правительство в декларации своей к собору достаточно твердо заявило, что все проекты преобразований церковного управления могут восприять силу лишь после санкции правительства. Преподносить на правительственное утверждение патриаршество—не улыбалось церковному собору. Предположение это могли и не утвердить, что было бы не просто горестно, а и неудобно для соборного престижа. Вот почему сторонники патриаршества даже словно обрадовались, что октябрьская революция устранила указанную помеху на дороге к патриаршеству. Правда, новая власть еще не сказала своего слова о своих отношениях к церкви. Все политическое положение в первые недели после 25 октября было неопределенным. Благоразумие, опять- таки, могло бы подсказать, что, хотя бы в виду такой неопределенности, следует не торопиться с патриаршеством: ведь церковники все еще надеялись, что связь церкви с государством не будет порвана окончательно. Но логика патриархистов была иная. Они, очевидно, в политической неопределенности увидели удобный повод под шумок провести патриаршество без всякого государственного контроля. Поэтому, после 25 октября спешка с патриаршеством на соборе еще усилилась.

В то время, как внутри Москвы пылала последняя отчаянная борьба между сторонниками Временного правительства и новой Советской властью, в соборной палате патриархисты делали последний, решительный натиск на собор, чтобы вырвать у него скорее согласие на патриарха. Политические события давали в руки патриархистов новые доводы, которыми они не преминули воспользоваться. Они говорили, что теперь патриарх особенно необходим, как объединяющее начало, когда церкви грозит полная разруха. Но еще настойчивее и внушительнее они подчеркивали, что патриарх нужен, как оплот среди политических колебаний, на который церковь может опереться. Ораторы, защитники патриаршества, уверяли соборных участников, что голос церкви, в лице патриарха, зазвучит «повелительно», «властно», и его нельзя будет игнорировать

так как правительство Керенского игнорировало представление соборной депутации относительно церковных нужд. Опьяненные событиями соборяне теперь легко поддались патриархистской пропаганде. Они и впрямь надеялись, что патриарх может сделать что-то великое, чуть ли не «спасти отечество», и позволили «на курьерских» провести до конца все дело о патриаршестве. Прения были гильотинированы. Постановление о восстановлении патриаршества было собором принято. 5-го ноября торжественно избрали патриарха, а 21-го столь же торжественно его «настоловали». Судьба, однако, зло подшутила над антониевцами. Они голосовали за патриаршество, несомненно, в упования, что патриархом будет Антоний Храповицкий. При выборе кандидатов в патриархи Антоний и получил абсолютное и всяческое большинство голосов. Но собор решил избрать трех кандидатов, а окончательный выбор предоставил «воле божией» посредством жребия. Жребий пал на третьего по числу голосов кандидата—Тихона, тогдашнего митрополита московского. Антониевцы страшно были удручены таким проявлением воли провидения и как-то сразу осели. Им, без Антония, не мило стало и патриаршество. Сам Антоний, когда ему выражали сожаление, что жребий избрал не его, а другого, нецензурно выразился: «ну,,, я...». Крепкое словечко долго ходило в соборных кулуарах.

Таким образом, на октябрьский переворот церковный собор реагировал, прежде всего, ускоренным учреждением патриаршества. Этим актом заранее определялась и линия будущего церковного поведения. Патриаршество было одним из ярких лозунгов правого церковного знамени. Отдаваясь под это знамя, церковь во всяком случае не шла на сближение со второй революцией 1917 года.

Что касается реальных отношений между этой революцией и церковью, то на первых порах эти отношения не носили еще определенного характера. Новая власть в первые моменты своего существования была слишком занята другими важными вопросами, чтобы предпринимать какие-либо решительные шаги по отношению к церкви. С другой стороны, пока не изжита была окончательно идея Учредительного собрания, с которого подтвержден был сначала Советом Народных Комиссаров, и представлялось и настоятельных побуждений со стороны новой государственной власти определять заранее свою позицию в церковной политике. Поэтому, в соборных кругах напрасно ждали, что вот-вот власть сразу же сделает какой-либо радикальный жест. И прежде всего ждали, что собор будет распущен, или, по крайней мере, его занятия будут стеснятся. Но ничего подобного не случилось. Собора никто не трогал, его работа могла продолжаться и препятствий для нее не виделось. И

личных сношениях с представителями новой власти, предпринятых собором сначала для скорейшего умиротворения московского междуусобия, а потом по поводу охраны московских святынь и совершения погребального церковного обряда на гражданской могиле павших во время московских боев сторонников переворота, также не возникало никаких обострений. Новая власть не делала тех «вызовов» церкви, какие предсказывались в среде соборян в дни октябрьских событий. Стали избирать патриарха,—опять никто не мешал; напротив, даже любезно была предоставлена возможность торжественного заседания в храме Христа Спасителя в ту пору, когда еще Москва не совсем умиротворилась. Словом, если церковные круги ждали «громов», то их не было.

Впрочем, уже в декабре 1917 года появилось несколько новых законов, которые полагали начало новым церковно-государственным отношениям. 4-го декабря было издано «положение о земельных комитетах», которым «все земли сельско-хозяйственного пользования, лесные, водные и промысловые угодья» объявлялись общенародным земельным фондом и передавались в ведение и распоряжение земельных комитетов (Собран. Узакон. Рабоче-Крестьянск. Прав. № 7, ст. 105). В декрете о передаче земель, в частности, упоминалось и о церковных и монастырских землях, как подходящих под общий закон. Стало-быть этим законом уже совершалась секуляризация церковно-земельного имущества, наравне с имуществом и всех других владельцев.

От 11-го декабря появилось, в декретной форме, постановление комиссариата по народному просвещению о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение названного комиссариата (Собран. Узакон. № 9, ст. 126). Это постановление мотивировалось «нелепостью постановлений предыдущих министерств о переходе церковно-приходских школ в ведение министерства народного просвещения». Но на самом деле новый закон охватывал вопрос гораздо шире, чем то делал закон Временного правительства. При Временном правительстве речь шла исключительно о церковно-приходских и церковно-учительских школах, содержимых на средства госуд. казначейства. Закон 11-го декабря передавал в комиссариат просвещения все учебные заведения духовного ведомства, в том числе духовные и епархиальные училища, семинарии и академии, со всем их инвентарем и имуществом. В силу этого закона церковь теряла, таким образом, все образовательные учреждения, имеющие не только обще-просветительное, а и профессионально-специальное значение. Духовные семинарии и академии были школами богословскими, хотя и с общеобразовательным элементом. Декрет аннексировал эти школы наряду с другими, быть может, имевшими с ними причастия их

с общеобразовательным задачам; а может быть в силу того соображения, что школы эти созданы были и содержались, главным образом, на государственный счет. По крайней мере, так надо полагать, имея в виду дальнейшее разрешение церкви иметь свои специально-богословские школы. Как бы то ни было, в данный момент из рук церкви ускользали все образовательные средства.

Весьма знаменательна была и прибавка к декрету 11-го декабря. В конце постановления говорилось, что «вопрос о церквах» в передаваемых комиссариату просвещения духовных школах «будет разрешен в связи с декретом об отделении церкви от государства». Таким образом, церковь ставилась в известность, что общий вопрос церковно-государственных отношений предрешен в смысле отделения церкви. Очевидно, и самая передача школ из духовного ведомства диктовалась принципом отделения школы от церкви.

От 18-го декабря появился декрет о гражданском браке и гражданской метрикации (Собр. Узак. № 11, ст. 160). По этому декрету Российская республика впредь признает лишь гражданские браки». Для записи браков, рождений и актов смерти учреждаются отделы при городских (районных, уездных, волостных) управах. (4-го января 1918 года была распубликована и инструкция об организации таких отделов. Собр. Узак. № 14, ст. 200). Всем духовным и административным учреждениям, коим раньше была подведомственна регистрация названных актов состояния, предписывалось незамедлительно передать регистрационные книги в соответствующие управы. Церковный брак, наряду с обязательным гражданским, объявлялся «частным делом брачущихся».

В связи с декретом 18 декабря стоял декрет о гражданском разводе (распубликов. 19 дек. Собр. Узак. № 10, ст. 152). Этим декретом прекращались все бракоразводные дела в вероисповедных учреждениях и передавались в гражданский суд.

Наконец, уже в январе 1918 года, накануне издания коренного декрета об отделении церкви, был издан еще один частный декрет о прекращении денежных выдач на нужды культов (распубликов. 20 янв. 1918 г. Собр. Узак. № 17, ст. 249). Декрет гласил: «Выдачу средств на содержание церквей, часовен и совершение церковных обрядов прекратить, выдачу же содержания священнослужителям и законоучителям прекратить с 1-го марта сего года в соответствии с постановлением Народного Комиссариата труда о выдаче 4-недельного заработка при закрытии предприятий. Безработному причту, выразившему желание работать на благо народа, может быть предоставлена работа по Комиссариату государственного призрения. Церковные службы и требы могут

продолжаться при условии возбуждения ходатайства коллективом верующих с обязательством принятия на себя ремонта и содержания помещений, инвентаря и служащих. Как видно, вторая часть декрета касалась уже другого предмета, чем вопрос о государственных ассигнованиях. Она затрагивала юридическое положение церкви и, можно сказать, забегала вперед, в область декрета об отделении церкви от государства. Но декрет этот не замедлил и предупредил возможность некоторых недоумений, могущих возникнуть при толковании декрета 20 янв. без связи с последующим основным законодательным актом.

Итак, только в декабре-январе 1917—1918 г.г. начала определенно выясняться позиция новой правительственной власти по церковному вопросу. Становилось достаточно ясно, что октябрьская революция будет логически последовательна в своей программе и разрешит проблему церковно-государственных отношений не в компромиссном духе Временного правительства, а в радикальном духе социалистических тезисов... Дело шло, очевидно, к полному отделению церкви от государства, и Советская власть начала частичное осуществление общих принципов отделения до окончательного разрешения общего вопроса. Но если церковная позиция октябрьской революции стала реально выясняться лишь в декабре, то позиция церковной стороны по отношению к октябрьскому перевороту выяснилась раньше.

II.

Церковный собор с его правым политическим уклоном, питавший глухое недовольство даже политикой Керенского, к октябрьской революции отнесся явно отрицательно. Те политические силы, которые взяли в свои руки власть после октября, в глазах церковников были наиболее опасными противниками церковных интересов. Уже одно то обстоятельство, что левая социалистическая программа безусловно настаивала на отделении церкви, а церковные круги считали столь же безусловно для себя отделение неприемлемым, ставило в антагонизм церковь и октябрьскую революцию. С другой стороны, нельзя упускать из внимания и чисто политических церковных симпатий. Все элементы церковной среды были, по меньшей мере, умеренными, и даже церковные прогрессисты, за единичными исключениями, обычно, не шли дальше кадетского либерализма. На октябрьский переворот церковная среда, поэтому, посмотрела глазами той интеллигенции, которая стала в открытую оппозицию новому правительству. В этом единодушии с побежденными политическими силами церковники находили для себя, видимо, и моральную поддержку, столь необходимую далеко не мужественным церковным душам. Между прочим,

надо отметить, что именно с момента октябрьской революции на церковном соборе явно берут руководство политическими выступлениями интеллигентские элементы кадетского направления. Князь Е. Н. Трубецкой, проф. С. Н. Булгаков, еще несколько человек из членов Гос. Думы и Гос. Совета и профессуры составили руководящее ядро, за которым тянулось более пассивное соборное большинство во главе с иерархией, доверившейся этим руководителям.

Означенные руководители первые толкнули собор на оппозиционный путь по отношению к октябрьской революции. Если бы у собора было достаточно политического такта и он не увлекался политиканскими тенденциями некоторых заправил, то благоразумие подсказывало в такой момент, как пережитый в октябре-ноябре 1917 г., прежде всего сдержанность и осторожность. Никакие действительные потребности не толкали собор на путь политических выступлений. Напротив, собор в начале своей работы, особенно после корниловского инцидента, сам отрицался от политики и решил крепиться, не обнаруживать своего политического зуда. О внепартийности и аполитичности церкви усердно толковала и церковная пресса. Чего бы лучше, как припомнить это правило в ту минуту, когда оно было особенно нужно. Свои симпатии и антипатии собор мог бы держать и про себя. Но, к церковному несчастью, собор поддался общему политическому возбуждению и агитации своих политиканствующих элементов. В роковом заблуждении, будто соборными устами говорит «стомиллионная православная Россия», собор взял на себя совершенно несвойственную ему роль судьи в тяжком политическом споре. Соборяне все забывали, что если церковный народ и уполномочивал их на что-либо, то только в области чисто церковной. Свою волю в государственном строительстве тот же народ выявлял другими способами, и эта воля вовсе могла не совпадать с воззрениями церковников. Последние никак не могли усвоить простой истины, что творит революцию ведь сам народ; так почему же истина глаголет устами непризванного к политике собора, а не устами политических вождей, за которыми идут массы.

Кн. Трубецкой первый «сделал окрик» на собор, когда некоторые соборяне вздумали войти в деловые сношения с новыми властями. Он заявил, что «вступать в переговоры с большевиками» неуместно и было бы умалением соборного достоинства. Собор легко воспринял эту директиву, и затем ее стали повторять уже другие соборные руководители, когда возникал вопрос о сношении с гражданскими властями. Обойтись без таких сношений было трудно, так как собору как раз хотелось заступиться за юнкеров, взятых в плен в Кремле, и за кремлевских

церковные ценности, подвергавшиеся опасности в смутные дни. Один хитроумный архиерей предложил по поводу юнкеров просто «потребовать», чтобы юнкера получили свободу, потребовать путем публикации соборного постановления «в сильных выражениях», с угрозой ответственности «пред всей Россией» тех солдат, которые осмелятся причинить вред пленникам. По тону подобных заявлений можно судить, как ошибочно понимали соборяне положение церкви и собора.

Впрочем, нежелание «знаться» с новой властью, созданной октябрьским переворотом, было еще пол-беды. Беда же была в том, что соборные политиканы внушили собору несчастную мысль выступить с целым посланием «к православному народу», где уже открыто объявлялось отрицание октябрьской революции и делался призыв, ей враждебный. «Великие бедствия,—гласило послание.—постигли уже родину нашу, но чаша гнева божия все еще изливается на нас, и новыми грехами умножаем мы сей праведный гнев. Ко всем несчастьям присоединилась великая междоусобица, охватившая Русскую землю. Одна часть войска и народа обольщенная обещаниями всяких земных благ и скорого мира, восстала на другую часть, и земля наша обагрилась братской кровью... Но вождям междоусобицы оказалось мало и этого. Было совершено кощунственное преступление перед православной верой, перед всем православным народом и его историей. В течение ряда дней русские пушки обстреливали величайшую святыню России—наш священный московский Кремль с древними его соборами, хранящий святые чудотворные иконы, мощи святых угодников и древности российские... С ужасом взирает православный народ на совершившееся, с гневом и отвращением будут клеймить это злое дело потомки наши... Совершители злого дела живут теперь среди нас, с клеймом Каина братоубийцы, с грехом страшного кощунства на совести... Но есть божий суд и божия правда. Бог поругаем не бывает. Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения—кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов—смешение языков и ожесточенная ненависть братьев... Неодинаковая ответственность лежит на разных участниках этого дела..., вся ответственность ложится на обольстителей и руководителей... Давно уже в русскую душу проникают семена антихристовы, и сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого. На этой почве обещают они создание всеобщего счастья на земле... Открыто проповедуется борьба против веры христовой, противление всякой святыне и самовознесение против всего, называемого богом... Но не может никакое земное царство держаться на безбожии: оно гибнет от внутренней распри и партийных

раздоров. Почему в рушится держава российская от этих беснующихся безбожия... Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует родины и ее святыни. Они становятся изменниками родины, которые чинят неслыханное предательство России и всех соседних наших. Но к нашему несчастью, доселе не родилось еще власти, воистину народной, достойной получить благословение церкви православной... Покайтесь же и сотворите плоды покаяния. Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междуусобия. Вернитесь на путь христов... .

Таково было соборное воззвание, принятое в заседании собора 14-го ноября. Автором его, кажется, был С. Н. Булгаков. Собор с легким сердцем решил обнародовать подобное послание, словно не понимая, что этим он выступает на борьбу политическую, а не церковную. Правда, в соборном послании говорилось больше «от писания». Но только наивный человек мог не понять, что скрывается за текстами и кого собор разумеет под «лжеучителями» и «изменниками». И тем более непростительно, что собор делал такой роковой шаг, не дав себе труда вдуматься в смысл революционной борьбы и в глубину происходящих событий. Церковь отнеслась к лозунгам октябрьской революции удивительно поверхностно и трафаретно, словно по указке заблудовских хроник о «пагубном» сепаратизме. Конечно, тут отчасти виновато общее интеллигентское отношение к перевороту, не оценившее его в свое время так, как должно. Но для церковного собора это недостаточное извинение, потому что он делал политическое выступление, на которое его не уполномочивали его задачи и за которое он несет ответственность перед церковным будущим.

В заседании 17-го ноября церковный собор принял другое всенародное обращение, которое также звучало резким протестом против действий октябрьской революции. Обращение говорило о мире, предложенном Советом Народных Комиссаров Германии, и заранее осуждало эту попытку сепаратного примирения. Суть, впрочем, заключалась не в самом осуждении, а в том тоне, каким оно делалось. Собор называл новое правительство просто «группой людей, силою оружия захвативших власть», и заявлял от имени «ста миллионов православного населения», что лица, вступившие от лица Российского государства в международные сношения, не являются свободно избранными представителями населения и выразителями мысли и воли народа, почему и не могут быть признаны правомочными в деле ведения мирных переговоров». Такие заявления со стороны церковного собрания были уже слишком смелы.

Определяя свою политическую позицию по отношению к перевороту означенными актами, собор одновременно определял и другую сторону своей позиции—свои требования к революционной государственности. Как раз в тех самых ноябрьских заседаниях собора, когда шла речь о вышеозначенных выступлениях, на соборное обсуждение был поставлен, и собором принят, проект «о правовом положении православной церкви в русском государстве. Проект этот был, с незначительными изменениями, повторением проекта предсоборного совета, полностью приведенного у нас выше. Характерно, что и сделанные небольшие изменения лишь расширяли церковные требования, например, заявления об обязательности «православного исповедания» не только для министра исповеданий и его товарищей, но и для министра народного просвещения и его товарищей; или говоря о государственном признании не иного, а православного календаря. Проекту было предложено принять собором принципиальное положение, что «православная церковь в России должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного, внутреннего самоопределения». А это положение, в свою очередь, развивалось и идеологически обосновывалось в особой декларации, составленной С. Н. Булгаковым и одобренной собором,—декларации, не чуждой уже отклика на события политического момента. «Церковь Христова,—гласила декларация,—озаряет мир светом истины, она есть соль земго осоляющая. Посему и ныне, когда волею провидения рушилось в России царское самодержавие, а на замену ему идут новые государственные формы, православная церковь не имеет суждения об этих формах со стороны их политической целесообразности, но она неизменно стоит на таком понимании власти по которому всякая власть должна быть христианским служением. Пред лицом церкви может оказаться оправданной всякая политическая форма, если только она исполнена христианским духом или, по меньшей мере, этого ищет. И, наоборот, противление этому духу всякую государственную организацию превращает в царство зверя ...

Таково было соборное понимание церковно-государственных отношений, возвышенное на высоту идейных соображений. И эта идейность постановки вопроса, смягчая форму, тем больше углубляла существо расхождения церкви с точкой зрения революционной государственности. Последняя ставила себе задачей освобождение стихии государственной от влияния стихии религиозной, а церковь настаивала на проникновении церковного влияния во все проявления государственной жизни

и в случае отказа в своем требовании, заранее объявлял непослушную государственность царством зверя, т. е. антихриста. При таких условиях соборная иерархия исключала возможность примирения не только с революцией октябрьской, но и февральской. Собор, отсекши, или вчерне старыми традициями и не мог, и не хотел понимать новых требований жизни. Он готов был фанатически отстаивать явно отжившие положения, не задаваясь вопросом, насколько это целесообразно и что из этого может выйти. Прямо, церковники собора созывали, что в нынешней обстановке их пожелания имеют лишь теоретическое значение, и если имели в виду какой-либо реальный объект, к которому обращались, то — учредительное собрание. Однако, церковная точка зрения едва-ли могла быть применима для учредительного собрания согласительского типа. Тем более она повисла в воздухе в момент торжества октябрьской революции. Между тем, декларируя такие тезисы, собор сигнал для борьбы любыми и какой необходимого отступления. Соборная политика в вопросе об отношении церкви к государству, в соединении с политическими собственными мечтаниями, намечала определенную линию поведения церкви в дальнейшем и предвещала непримиримый антагонизм между церковью и государством, построенным на лозунгах октябрьской революции.

Этот антагонизм выявился очень быстро. Как только церковники попытались реализовать на реальных нитях новой революционной политики. Первым таким актом был, как мы уже сказали, земельный закон. Так как закон этот затрагивал весьма существенно интересы церковных учреждений, имевших несколько миллионов десятин земли, то церковный собор не мог оставить этого. Соборной политической мудрости хватило, однако, на весьма неопределенное постановление. В соборном заседании 5-го декабря было постановлено сделать распоряжение о составлении списка такого захваченного или передаваемого имущества и дать точные инструкторские указания подведомственным св. синоду установлениям и должностным лицам о том, чтобы при самовольных захватах или предъявлении требований о передаче имущества, составлялись особые акты, с указанием лиц или учреждений, произведших захват имуществ, или требовавших их передачи.... при чем надлежит предъявлять завладевшим имуществами, до истечения давности, гражданские иски, в соответствующем суде, о возвращении его стоимости и об убытках». Очевидно, если попробовать понять это странное по-

становление, церковный собор просто рассматривал объявленную конфискацию земельных имуществ, как незаконное деяние, которое можно будет оспаривать даже в судебном порядке. Когда? Перед каким судом? Конечно, тогда, когда будет другая власть. Соборяне еще жили в твердом убеждении, что торжество октябрьской революции непродолжительно, и что скоро можно будет потребовать у нее отчета во всех причиненных «...проторях и убытках».

Гораздо более решительные церковные действия развернулись в январе 1918 года, еще до издания декрета об отделении церкви, но когда уже выяснились грядущие перспективы. О подготовляемом декрете об отделении стало известно почти за месяц до его опубликования. Проект декрета был напечатан в газетах еще в последних числах декабря 1917 г. Затем, в Петрограде начались в первой половине января и некоторые правительственные действия, несколько предвосхищавшие будущий закон. Так, в связи с постановлением о типографиях, была занята синодальная типография и изъята из распоряжения церковной власти. Стали закрываться придворные и некоторые домовые церкви. 13-го января комиссариат призрения отдал распоряжение о реквизиции помещений Невской Лавры для нужд комиссариата (для призреваемых). В тот же день в Лавре появился вооруженный отряд, потребовавший передачи Лавры от лаврских властей, которые отвечали решительным отказом. Попытка занять Лавру была повторена 19-го января, когда дело кончилось печальным столкновением. В Лавре ударили в набат, сбежался народ, и возбужденная толпа пробежала обезоружить и удалить явившийся в Лавру отряд. В связи с этими событиями начались первые «военные действия» между церковью и государством.

10-го января петроградский митрополит Вениамин подал в Совет Народных Комиссаров записку, которая имела характер предупредительной церковной «ноты» Советскому правительству. Упомянув о напечатанном в газетах проекте декрета об отделении церкви, митрополит заявил, что «осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу», и что, узнав о проекте, православные жители Петрограда, вполне естественно, «стали сильно волноваться». Намекая, что «волнения могут принять силу стихийных движений», митр. Вениамин предупреждал «людей стоящих в настоящее время у власти», «чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта декрета об отобрании церковного достояния». (См. записку Вениамина в № 1 «Церк. Ведом.» за 1918 г.). 11-го января, под председательством митрополита Вениамина, состоялось экстренное собрание «Братства приходских советов г. Петрограда», на котором обсуждался

вопрос о занятии синодальной типографии. Собрание вынесло резолюцию протеста против этого акта власти, заявляя, что это типография церковная, а не государственная, и что «отнятие типографии собранием рассматривается, как явное гонение на церковь». Протест был направлен также в Совет Народных Комиссаров.

На другой же день после первой попытки занять Лавру, 14-го января петроградское духовенство устроило многолюдное пастырско-мирянское собрание в зале общества распространения рел.-нравственного просвещения. Темой собрания был тот же вопрос о «гонении на церковь». Относительно «злобы дня» было вынесено постановление: «всячески противиться» реквизиции лаврских помещений. А в подкрепление такого частного «противления» было решено «вообще твердо заявить народным комиссарам, что православный русский народ не допустит отобрания имущества у монастырей и храмов..., не допустит поругания его заветных святынь, встанет на их защиту от поношения со стороны тех, кои, будучи не русскими и не православными, этих святынь не могут понимать и ценить». Чтобы поднять «православный народ», собрание постановило развить усиленную агитацию в храмах, на рынках, площадях, среди матросов и солдат, разъясняя, что «церковь православная терпит открытое гонение», и в тысячах экземпляров распространить протест против отобрания церковного имущества. На 21-е января был назначен демонстративный смотр церковных сил—грандиозный крестный ход к Лавре. В заключение был принят широковещательный протест «Совету Народных Комиссаров от православного русского народа», где собрание заявляло, что в попытках отчуждения церковного имущества—Лавры, типографий, духовно-учебных заведений—«православные люди» видят «не только нарушение всякой правды, но и начало открытых гонений на православную церковь и на православную веру», и что «православный верующий народ заявляет власть имущим, чтобы они остановили отобрание церковного достояния и возвратили бы отобранное». (См. в № 1 «Церк. Ведом.» за 1918 г.).

Одновременно с петроградскими церковниками подняли стяг войны с революционной властью и церковники московские. 19-го января патриарх Тихон разразился «грозным посланием против большевиков» хотя и не называя их прямо, а прикровенно, да, впрочем, и не совсем прикровенно. Это знаменитое послание начиналось указанием на переживаемое тяжкое время, когда явные и тайные враги воздвигли гонение на истину христову и всюду сеются семена злобы, ненависти и братоубийственной брани». Обобщив, затем, некоторые эксцессы революции, вроде убийства Шингарева и Кокошкина, как ежедневные «ужас-

ные и зверские избиения ни в чем неповинных людей», патриарх объявлял «анафему» «таковым извергам рода человеческого», отлучал их от церкви, если они к ней принадлежали, и заклинал всех верующих не вступать с ними ни в какое общение. Далее шла более подробная речь о «жестоком гонении» «на святую церковь христову», подводившая итог церковным впечатлениям от последних действий и мероприятий революционной власти,—итог, несомненно тенденциозный. «Благолепные таинства,—негодовал патриарх,—освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению через расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавра) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются якобы народным достоянием; школы, содержащиеся на средства церкви православной и подготовлявшие пастырей церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это—народное достояние. И, наконец, власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и, в частности,—над святою церковью православной». В заключение патриарх звал всех верующих «стать на защиту оскорбляемой и угнетаемой» церкви, «если нужно будет и пострадать за дело христово», а духовенство — организовать паству для этой борьбы. (Послание патриарха напечатано в «Церк. Вед.» 1918 г. № 2).

Патриаршее послание как раз подоспело к великому «действу» петроградских церковных протестантов. 21-го января, действительно, состоялся в Петрограде грандиозный крестный ход, демонстрировавший «протест» «церковного народа» против «покушения» на Лавру и «святыни». На лаврской площади всенародно прозвучала патриаршая «анафема»: читали послание патриарха. Впрочем, что касается самого объекта «защиты» Лавры, то еще накануне власти разъяснили, что реквизиция лаврских помещений имела в виду только лишь размещение в лавре инвалидов. Это несколько успокоило взволнованные страсти. Лаврские «богомольцы», собравшиеся уже днем и ночью охранять монастырь от «захвата», понемногу остыли и разошлись со «стражи».

Но церковная война только начиналась. Главные бои были впереди,

ибо главный удар революции был нанесен церкви все же основным декретом—об отделении церкви от государства, предотвратить который напрасно старались иерархия и церковники своими протестами и заявлениями представителям революционной власти от лица «православного русского народа».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ДЕКРЕТ ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА.

I. Текст декрета. — II. Оценка декрета.

I.

Выше мы отметили, что октябрьская революция начала выявлять свое отношение к церкви сначала частичными законодательными актами, а исходящими из общей идеи отделения церкви от государства. При этом новое законодательство и не скрывало, что таковое отделение в скором времени последует. Действительно, закон об отделении церкви последовал 23 января 1918 г. Сначала он был распубликован (в газетах от 23 января) под названием декрета «о свободе совести и религиозных обществах», а потом вошел в Собрание Узаконений (1918 г. № 18, ст. 263), под своим подлинным названием «об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Текст декрета полностью был следующий:

1. Церковь отделяется от государства.

2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие-бо то ни было преимущества или привилегии из оснований вероисповедной принадлежности граждан.

3. Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие ограничения, связанные с исповедыванием какой-бы то ни было веры, или неисповедыванием никакой веры, отменяются.

Примечание. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется.

4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами и церемониями.

5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не со-

провождаются посягательствами на права граждан Советской Республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.

6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда.

7. Религиозная клятва или присяга отменяются. В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание.

8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений.

9. Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются обще-образовательные предметы, недопускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от местных автономных и самоуправляющихся установлений.

11. Принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ, равно как меры принуждения или наказания со стороны этих обществ, над их членами не допускаются.

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ.

II.

Декрет об отделении церкви представляет такой коренной акт революционного законодательства, на котором необходимо остановиться более внимательно.

Декрет не объявлял буквально религию частным делом граждан. Но и без этой формулы он, несомненно, устанавливал именно такое положение церкви в государстве. В освобождении стихии государствен-

ной от всякого религиозного элемента и заключается, прежде всего, внутренний смысл акта 23 января 1918 г. До октябрьской революции русское государство было религиозным и конфессиональным. Государственной религией было православие, и государство считало своею обязанностью обеспечивать православной церкви не только внешнее привилегированное положение, но, главное, всякие способы воздействия на народную душу, путем религиозного освящения разных жизненных актов, общественных и государственных событий, влияния на воспитание и образование молодых поколений. Такое положение церкви не изменила и февральская революция, оставив пока — до учредительного собрания — в неприкосновенности эту принципиальную сторону церковно-государственных отношений. И в этом именно пункте видела центр тяжести вопроса и церковная сторона. Как видно из вышеизложенной соборной декларации по вопросу об отношении церкви к государству, церковные идеологи, вдохновлявшие церковную политику, понимали, что для церкви наиболее важна духовная сторона ее связи с государством. Всякие материальные выгоды сами собою «прилагались», когда обеспечивалась нравственная опека церкви над государством. Здесь был корень всех жизненных церковных интересов, и не даром церковники объявляли безрелигиозную государственность царством антихриста. Она, во всяком случае, угрожала им превратить государство в общество людей, ушедших из-под крыла церкви и религии. Светское государство, переставая обращаться к услугам служителей культа, тем самым умаляло, естественно, престиж религии в глазах граждан. А отделяя школу от церкви, делая чисто светским образование юношества, государство, освободившееся от религиозного влияния, преграждало церкви главный путь влияния на народ и общество. Безрелигиозная школа была, поэтому, еще более опасной для церковных интересов, чем безрелигиозная государственность. Вот почему всюду, где вопрос об отделении церкви от государства получал практическую постановку, духовенство вело особенно упорную борьбу за свои права на участие в школьном обучении.

Однако, как ни понятны жизненные интересы церкви, связанные с религиозностью или безрелигиозностью государства, нельзя признать основательными церковные требования, чтобы государство непременно оставалось религиозным. Уже в силу простого принципа свободы совести, не оспариваемого и здравыми церковниками, государство, собственно, должно быть чисто светским, не связывать себя никакими религиозными обязательствами. Ведь, религиозные воззрения граждан могут быть и бывают весьма разнообразны, при чем в современных государствах есть огромный кадр людей безрелигиозных. Трудно примирить с этим

разнообразием религиозный характер государственности, всегда одностороннее расположенный к одним группам верующих. Если бы создать даже новый Нантский эдикт, подобие римского, то все-таки государство на всех бы не угодило, и некоторые граждане считали бы себя обиженными. В какой бы мягкой форме ни выражалась религиозная окраска государства, в религиозном государстве нет полного равенства всех граждан в отношении свободы религиозных убеждений: может быть равенство юридическое, но не моральное. Поэтому принцип свободы совести в чистом виде требует, что бы ни говорили представители религиозных культов, светской государственности, не связанной ни с какой религией. И с этой точки зрения в идее отделения церкви от государства сказывается государственная справедливость. И ошибочно рассматривать, подобно соборным идеологам типа С. Н. Булгакова, чисто светское государство, как признак торжества безверия. Стремление к отделению церкви от государства может быть свойственно государственным деятелям лично и не порвавшим связей с религией. Оно диктуется просто государственной мудростью нового времени, освободившегося от гипноза старых религиозных предрассудков, старых тенденций религиозного насилия и нетерпимости.

Доказательством последнего положения служит факт наличия сторонников идеи отделения церкви и в самой церковной среде. Когда во Франции был издан закон об отделении, то, при массовом протесте духовенства, нашлось несколько видных церковных деятелей, которые успокаивали возбужденных католиков, что все к лучшему: вне связи с государством церковь может жить еще лучше, и именно со стороны своего духовного состояния и роста. Предоставленная самой себе, церковь должна будет развивать собственные силы и поддерживать свой престиж чистым моральным авторитетом. То же самое говорили и наши церковные прогрессисты, еще во времена Керенского, когда государство не отказывалось от старого союза с церковью. И точка зрения церковных либералов такого типа вполне понятна. Ведь, если чувство справедливости государственной подсказывает необходимость освобождения государственности от религиозного элемента, то и чувство справедливости религиозной должно бы было то же самое подсказать церковникам. Для чего навязывать религиозную государственность людям инаковерующим и неверующим? Церковные главари, вот, все твердили, что для православных людей оскорбительно отсутствие православной религиозности в государстве. Конечно, еще более оскорбительным они сочли бы, если бы государство призвало для освящения государственных актов не-православное духовенство. Так почему же они думают, что для иноверцев не

оскорбительны преимущества православия пред иноверием, для неверующих присутствие религиозных эмблем там, где и они должны участвовать? Право большинства, на которое ссылаются церковники, еще не есть высшее человеческое право, и оно легко переходит в право силы. Затем, для чего собственно нужна церкви «религиозность» государства? Для того, чтобы легче осуществлять свою духовную опеку над народом и обществом, при помощи государственного аппарата? Но неужели еще нужно говорить о негодности для чистой религиозности таких приемов? Истинная вера должна утверждаться своей внутренней силой, и если этой силы нет, то вера переходит в лицемерие. Принудительная религиозность отвратительна, и непостижимо, что хорошего видят церковники в старой обязательности церковного брака, крещения, погребения? Не правильнее ли, чтобы каждый мог зарегистрировать гражданскую сторону этих актов в нейтральном гражданском порядке, а к церковному священнодействию обращались только те, кто этого действительно хочет? О чем тут сетовал патр. Тихон?

Несколько сложнее представляется вопрос об отделении школы от церкви. Здесь есть бесспорная сторона, где домогательства церковников, конечно, не могут быть признаны основательными. Это — прекращение обязательного изучения закона божия в школах. Обязательность религиозного обучения в школе в старом стиле, отстаиваемая церковью еще при Керенском, безусловно неприемлема для свободной государственности. Это—то же принуждение и насилие над совестью, как и другие виды такого насилия. Допустив, что религиозный вопрос за детей решают их родители, спрашивается, с какой же стати обучать религии всех, независимо от родителей? Более приемлемым представляется такая постановка вопроса, чтобы обучение религии было необязательным, но допускалось в школах для желающих. Допуская такое обучение в государственных школах, государство тем самым предоставило бы гражданам только помощь школьного аппарата для их религиозных потребностей. Однако, без сомнения, такая постановка дела со стороны безрелигиозного государства была бы уже нежелательна[illegible]. Раз признать государственного аппарата, то предоставлять ее для [illegible] представляется отчасти непоследовательным с [illegible] государством. Лучше поступить при этом [illegible] сторонности, ибо нужно было бы [illegible] обучения всем [illegible] Даже с последовательной точки зрения, [illegible] Поэтому, в конце концов, устранение [illegible] ради [illegible]

Став религию в положение частного дела граждан, законодательство, естественно, и всякое обучение религии относит к частным занятиям, совершаемым вне его государственных и общественных учреждений. Церковь, действительно, терпит при этом удобный аппарат влияния на общество и народ. Организация частного обучения и затруднительна, и не подается уже такому церковному контролю, если оно будет вестись домашними способами. Но подобные соображения внешних удобств религиозных культов не являются основанием для отступления от общих государственных принципов.

Раз установленный принцип отделения церкви от государства само собою уже ведет к некоторым юридическим и материальным последствиям, для церкви, может быть, и нежелательным. Теряя государственное положение, церковь естественно теряла и все прежние привилегии, связанные с этим положением. Церковные учреждения и установления, а также служители культов, подчинялись правилам, общим для всех частных обществ и для всех граждан. В частности, священнослужители теряли право на льготы от воинской повинности, в чем был главный смысл и. 6-го декрета 23-го января. Однако, в том же пункте предусматривалась возможность, в судебном порядке, замены военную службу для служителей культа и другою гражданскою обязанностью, так что декрет прямо вовсе не требовал от священников делаться солдатами. Затем, государство лишало церковные учреждения возможности пользоваться принудительным государственным аппаратом для осуществления своих материальных и дисциплинарных целей (п. 11): это вполне понятно, раз все связи граждан с известной религиозной организацией поконтся только на их добровольном согласии. Таковы,—что было самое существенное не для церковного «духа», а для того—прекращались всякие государственные ассигнования на нужды церкви и запрещались подобные ассигнования и местным учреждениям государственного порядка. Таким образом упразднялся государственный церковный бюджет, и содержание церкви всецело представлялось самим верующим в частном порядке. Такая постановка дела постоянно оспаривалась церковниками со времени февральской революции даже в самых предвидении подобной возможности. Церковники горячо доказывали, что государство, хотя бы и не признавая никакой религии, все же может и должно обеспечивать их содержание из народных средств, как одну из народных потребностей. Но эта аргументация никогда не отличалась убедительностью. Защитникам церковного бюджета всегда говорили, что несправедливо прежде всего то, что неверующие будут оплачивать потребности верующих. А потом, конечно, было бы весьма нецелесообразно,

если бы государство, порвав связь духовную с церковью, сохранило связь материальную. Поэтому прекращение государственной материальной поддержки обычно составляет непременный признак всякого законодательства об отделении церкви, так что тут закон 23-го января не выходит из рамок подобных же законов в других государствах. Что же касается тяжести материального удара для церковных интересов, то опять приходится припомнить, что «золотые цепи» церковно-государственного союза и прежде не радовали некоторых церковных идеалистов. Последние справедливо указывали на отрицательные стороны материальной государственной поддержки для церкви, так как материальная зависимость обязывала и церковь к услужливости, и что бы ни говорили о церковной внутренней свободе, церковная совесть не может быть вполне свободной, пока церковь на содержании государства. С этой идеальной церковной точки зрения, стало быть, упразднение культового бюджета могло лишь приветствоваться, как залог действительно полной церковной свободы.

Таким образом, основные положения закона 23 января 1918 г. сами по себе были бесспорны в системе революционного законодательства. Они знаменовали, правда, коренное изменение прежних церковно-государственных отношений, но логически вытекавшие из принципов октябрьской революции. Политическая программа последней неизбежно требовала этого акта, и деятели церкви не могли не предвидеть, что вопрос об отделении церкви от государства после октябрьского переворота исторически предрешен, если только не изменится соотношение политических сил. Были, однако, в декрете 23 января и такие пункты, которые не стояли в неразрывной связи с его основными началами. Эти пункты: запрещение церковным религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация всего церковного имущества. Этих ограничений не знает соответствующее законодательство европейских государств; не знает его даже самый радикальный закон об отделении церкви во Франции 1905 года. Французский закон, например, ограничивает право церковных учреждений накоплять капиталы, но самого права владеть имуществом их не лишает, не лишает и других свойств юридического лица. Конфискация церковных имуществ частично была произведена во Франции еще в эпоху великой революции; затем, государство по закону 1905 года отобрало от церковных учреждений во Франции все имущества, полученные ими от государства; но собственно церковных имуществ не тронуло и передало их культовым ассоциациям -юридическим преемникам прежних церковных учреждений. И это несмотря на то, что французский закон 1905 г.

явился результатом вековой борьбы республиканских идей с церковью и непреклонного упорства католической церкви на враждебной республике позиции. Не вытекают отмеченные ограничения прямо и из принципа, что религия есть частное дело граждан. Частные общества, ведь, имеют права юридических лиц, владеют собственностью. Очевидно, источник последних ограничительных пунктов декрета 23 января надобно искать в другом месте. И нам кажется, что этот источник, во первых, в прямолинейном социалистическом характере Советской государственности. Западные образцы не совсем подходят здесь к России, потому что там сохранился буржуазный строй. Октябрьская революция экспроприировала вообще буржуазные понятия о собственности и социализировала почти все имущества не только частных учреждений, но и частных лиц. В обстановке социалистического законодательства, поэтому, не представляется удивительным, что государство объявило народным достоянием, т.-е. национализировало, имущества церковных учреждений. Этим последние подводились лишь под общую мерку, при чем доказывать церковные права на церковное имущество было столь же бесполезно, как доказывать и права других владельцев на их имущество. Что касается же чисто юридического ограничения для церковных и религиозных обществ, лишающего их принципиального права на «юридическую личность» и владение имуществом, хотя бы в пределах дозволенного социалистическим законодательством, то, быть может, это ограничение продиктовано и специальными соображениями революционной власти относительно религиозных установлений. Историческая связь церкви со старым политическим и социальным строем и неискоренимое тяготение ее к политической реакции невольно заставляли революционную государственность относиться с особой недозрительностью к религиозным организациям. Точка зрения Октябрьской революции в данном случае была та, что рабоче-крестьянское государство обязано, наряду с прекращением всей государственной старой машины, свести на минимум возможность для реакционных классов использовать имеющийся еще в наличности в массах запас религиозных предрассудков и навыков для своих классовых целей, помешать буржуазии подчинять эти массы через церковные и иные организации своему влиянию и руководству.., для чего прежде всего необходимо лишить реакционные классы и их сознательных и бессознательных пособников.—все религиозные организации,—возможности сосредоточивать в своих руках материальные и организационные средства, которые [illegible] как Советская власть лишила экономической силы и общественной организованности акционерные компании [illegible] собственности в всех ее

занятия и т. д. (См. редакционную статью «Советы» «Церковь и религиозный вопрос» в № 1 журн. Резолюции и Церковь 1919 г., ст. 11).

Как бы то ни было, упомянутые ограничения декрета 23 января значительно отягощали его практический смысл как церковных учреждений. Церковные общества не могли фактически обеспечить свое нормально частным обществам, так как они не были субъектами права и оказывались без всякой материальной базы. Декрет лишил церковь не только средств, получаемых из государственного казначейства, но и тех специальных церковных средств, извлекаемых из движимого и недвижимого церковного имущества. Весьма существенным, между прочим, было то обстоятельство, что в декрете не устанавливалось никакого переходного момента между старым и новым способом существования церкви. Закон об отделении церкви от государства во Франции, например, назначал пенсии всем духовным лицам, получавшим раньше жалованье из казны. Тот же закон, передавая государству жилые церковные здания, предоставлял пятилетний срок бесплатного пользования ими старым владельцам. Декрет 23 января не делал никаких указаний о порядке осуществления нового закона, но относительно государственных ассигнований немедленное их прекращение было установлено особым законом 20 января, с выдачей содержания священнослужителям всего лишь за один месяц вперед. В распоряжении церкви было, таким образом, очень мало времени на реорганизацию своих материальных средств на новых началах; да и очень мало возможностей стать на собственные ноги в материальном отношении, не имея никаких имуществ и даже права на владение ими. Сюда присоединялись и некоторые другие нелепости декрета. Декрет был составлен в форме слишком общей и оставлял открытыми многие существенные вопросы. Например, упразднялась церковная метрикация в ее прежнем значении. Но значило ли это, что она упразднялась и в чисто церковном смысле? (Впоследствии разъяснилось, что незначит). Запрещалось обучение религии в школах. Но на каких основаниях могло существовать специальное богословское образование, если принять в соображение факт изъятия из ведения церкви всех ее бывших школ, в том числе и профессиональных? Церковные общества лишались права владения собственностью. Но могли же они иметь какое-либо имущество, какие-либо средства на нужды культа, и если могли, то в какой форме? Богослужебные здания и предметы отдавались, условно, в пользование верующих. Но как именно, на каких основаниях и в каком порядке? Декрет не давал на эти вопросы. По практическим они были весьма важны, и пока не выяснился их смысл, положение церкви становилось невыносимым.

Впрочем, нет оснований удивляться такой незаконченности акта 23 января. Принимая во внимание политическую обстановку момента, можно понять, почему революционная власть издала декрет в слишком общих выражениях. Октябрьская революция, повидимому, не хотела никакой недоговоренности в церковно-государственных отношениях, какой было слишком много в политике правительства февральской революции. Она находила нужным выяснить сразу свою позицию и положить конец несбыточным церковным надеждам на некий духовный союз церкви с новой государственностью [1]). Общая же форма декрета могла иметь в виду именно некоторую постепенность в ломке церковно-государственных отношений. Декрет декларировал, как бы, общие принципы, а их реализация в полном масштабе отодвигалась на некоторое время. Так, по крайней мере, было фактически; и эту фактическую действительность нельзя считать случайной.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

БОРЬБА ЦЕРКВИ ПРОТИВ ДЕКРЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ.

I. Организация церковного фронта.—II. Практика церковной войны.—III. Церковные переговоры с Советской властью. Их неудача.—IV. Окончательный разрыв церкви с революционной государственностью и укрепление фронта церковной борьбы.

I.

Выше мы видели, что церковь объявила войну революционной власти, так сказать, еще не дождавшись «разрыва дипломатических отношений», т.-е. прямого законодательного акта об отношении к церкви нового государства. Мобилизация церковных сил началась еще до 23 января, и борьба была открыта церковью патриаршим посланием 19 января и истерическими демонстрациями церковников по поводу Невской лавры. Можно было заранее предвидеть, что опубликование декрета об отделении церкви подольет масла в огонь объявшего церковные круги негодования и вызовет со стороны церкви дальнейшие протесты против церковной политики правительства.

---

[1]) Между прочим, на письме митр. Вениамина, врученном 10 янв. 1918 г. в Совет Народ. Комисс., председатель Совета В. И. Ленин положил характерную резолюцию: „Очень прошу коллегию при комиссариате юстиции поспешить разработкой декрета об отделении церкви от государства". Это был твердый ответ на упование церковной стороны, что революционная власть может повернуть назад курс своей церковной политики.

Патриарх издавал свою «анафему» единолично, потому что как раз был рождественский перерыв в занятиях церковного собора, а окружающие патриарха советчики подталкивали его поскорее «отозваться» на события. Занятия собора, однако, возобновились на другой день после издания патриаршего послания — 20 января, и не совсем понятно, почему так спешили авторы послания: они могли бы и подождать денек. Впрочем, это дела не изменило. Собор поспешил подписаться под единоличным деянием патриарха Тихона и постановлением 22 января (напечат. в № 5 «Церк. Ведом.» за 1918 г.) выразил свою полную солидарность с патриаршим посланием, присоединив сюда призыв ко всей русской церкви «объединиться ныне вокруг патриарха, дабы не дать на поругание веры нашей». Соборные заправилы усердно агитировали среди соборян в пользу непримиримой позиции и настойчиво толкали собор на воинственные выступления, не стесняясь явно преувеличивать факты правительственной политики и давать им тенденциозное толкование. Кн. Е. Н. Трубецкой, — обычный застрельщик политических церковных выступлений, — один из первых встретил собравшихся после перерыва членов собора агитационной речью, утверждая, что петроградские мероприятия относительно лавры «не есть частичное враждебное церкви выступление, а проведение в жизнь целого плана полного уничтожения самой возможности существования церкви», что началась «полоса гонений на церковь», и церковь должна реагировать на них «мечом духовным». И если соборяне приехали на собор в январе 1918 г. уже взвинченными, то здесь их постарались взвинтить еще больше.

Можно представить, как был встречен на церковном соборе декрет 23 января, поставивший точки над оставшимися недоговоренностями отношений к церкви Октябрьской революции. Собор подошел к декрету уже с заранее составленным предубеждением и с своей односторонней меркой старой церковной идеологии, не хотевшей считаться с неумолимою действительностью. Вместо того, чтобы попытаться деловым образом выяснить новое положение церкви и те неясности декрета, которые могли подавать повод к особым недоумениям, собор прежде всего обратился к извращенному способу апеллирования к воображаемому «стопятилетнему православному житию». В этом духе составлялось последнее соборное постановление, в котором декрет об отделении церкви объявлялся «покушением на самое ее существование», практиковавшимся «сатанинским умыслом» и угрожающим «открыть в стране эпоху гонения на церковь и религию». «Под предлогом отделения церкви от государства, — заявлял собор. — Совет Народных Комиссаров желает сделать невозможным всякое существование храмов, церковных управлений и организаций. Под

ходе отделения церковных имуществ мерой строгости умеет мстить [illegible] возможность церковного благочестия в обществе... Школьные храмы... отнимаются общей собственностью всех граждан [illegible] религиозными обществами — христиан. Чтение, пение и служение... Самые священные предметы... и теперь в распоряжении государственной власти, которая может либо передать этих предметов верным для пользования... Так уничтожается всякая собственность церкви... Участь всех церквей, монастырей и духовенства становится тем самым безысходным... Вследствие отобрания церквей стесняется сама возможность совершать богослужения... священных и богослужебных книг в должной чистоте и неприкосновенности. Равно с этим декрет посягает и на пастырей церкви..., обращая их в положение полной нищеты, воспрещенной им 83 правилом свв. апостол. Вместе с сим служители алтаря отстраняются от воспитания народа. Самое преподавание закона божия в школах не только государственных, но и частных, не допускается; тем самым все духовно-учебные заведения обрекаются на закрытие. Церкви пресекается самая возможность воспитывать пастырей. Объявляя, что «действия государственных или иных государственно-правовых и общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами и церемониями», декрет тем самым кощунственно разрывает связь государства с какой бы то ни было святыней веры. На основании всего вышеизложенного священный собор постановляет: 1) Изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении церкви от государства представляет собою, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни православной церкви и акт открытого против нее гонения. 2) Всякое участие, как в издании сего враждебного церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь, несовместимо с принадлежностью к православной церкви и навлекает на виновных лиц православного исповедания тягчайшие церковные кары вплоть до отлучения от церкви (в последование 73 правилу свв. апостол и 13 прав. 7-го вселенского собора)». В заключение соборное постановление призывало «весь народ православный» «сплотиться вокруг храмов и монастырских обителей для защиты попираемой святыни», призывая «суд божий» на «хулителей и гонителей церкви».

Одновременно с изложенным постановлением собор издал особое воззвание «К православному народу», в более популярной форме повторявшее основные мысли соборного постановления. И в воззвании декрет представлялся «новым насилием над совестью верующих», делом людей, чуждых христианской и всякой веры. Осуществление декрета грозилось

[illegible] Если и [illegible] —то стоит [illegible] [illegible] [illegible]

ним открывалась возможность замены этой повинности другою, и практика потом показала, что так и делалось. В таком случае самое большее, в чем повинен был декрет,—это в некоторых неопределенностях, дававших повод к различным толкованиям. Но ради таких неопределенностей и даже ради тех наиболее острых пунктов (о лишении церковных учреждений права владеть собственностью, права юридического лица и национализации церковных имуществ), в которых закон 23 января шел дальше подобных законодательств других государств, церковный собор не имел права давать декрету то неправильное освещение, какое он давал. Соборная апелляция к народу, превращая его постановление в призыв к народным массам и агитацию среди элементов малосознательных, обязывала церковную сторону отнестись с особой осторожностью к делу и не произносить скороспелых решений и приговоров, что называется «без суда и следствия». Между тем, из ошибочных и тенденциозных доводов собор делал решительное заключение о полной непримиримости с декретом православной совести и заставлял верующих, можно сказать, делать выбор: или церковь, или государство. Кто хотел остаться в церкви, тот должен был порвать с революционной государственностью, и, наоборот, кто оставался с революцией, тот выбрасывался из церковного единения. Такая тяжелая диллема, поставленная соборным актом перед православным населением, делала чрезвычайно тягостным положение верующих людей. А между церковью и новой государственностью соборное деяние пролагало непроходимую пропасть, расширенную и углубленную еще больше дальнейшей церковной тактикой.

Сделав рискованный шаг, руководящие церковные круги насторожились, ожидая, что новая власть ответит на вызов церкви личными репрессиями. В 20-х числах января на соборе тревожно говорили об опасности разгона собора, ареста патриарха, и т. п. В ожидании «мученического венца» соборяне дали взаимную клятву не расходиться, а, если их разгонят, собраться в другом городе. Патриарху предложили избрать себе заместителей, на случай, если сам он окажется не в состоянии исполнять свои обязанности (см. в № 3 «Церк. Вед.» 1918 г.). По всем церквам была разослана для возношения составленная собором молитва «о спасении церкви» (напечат. в № 5 «Церк. Ведом.» 1918 г.). Но тревоги церковников оказались напрасны. Правительство собора не разгоняло, патриарха не арестовывало и мученического венца на церковную главу не возлагало. Соборные акты сами по себе не вызвали репрессий, и нельзя не отметить этого факта в истории первых шагов октябрьской революции. Между прочим 28-го января в Москве, по петроградскому примеру, устроен был грандиозный крестный ход, в качестве цер-

ковной демонстрации против декрета. Предсказывали эксцессы. Но их не было.

Свою анти-декретную декларацию церковная власть поспешила подкрепить и более деловыми указаниями, каким образом церковная среда должна относиться на практике к декретным мероприятиям и как осуществлять общие призывы соборного воззвания и постановления. На этот счет состоялось особое постановление синода и патриарха от 15-го (28-го) февраля 1918 г. Призывая пастырей «крепко стоять на страже св. церкви в годину гонений», церковная власть рекомендовала прежде всего организовать «на защиту церкви» мирян, в виде союзов прихожан и богомольцев, которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства». Для отстаивания духовно-учебных заведений предлагалось опереться на союзы учащих и родителей: для сохранения закона божия в школе на педагогические и родительские советы. Священные сосуды и ценные принадлежности богослужения для сохранности предписывалось скрывать в надежные хранилища; «в случае покушения на захват священных сосудов, принадлежностей богослужения, церковных метрик и прочего имущества церковного», запрещалось отдавать его добровольно, а рекомендовалось «призывать православный народ на защиту церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т. п.». Если отобрание все-таки состоится, «то причты должны немедленно составлять акты об отобрании и доносить епархиальной власти.За участие в «захвате», т. е. в исполнении декретных предписаний, указывалось подвергать церковному отлучению не только отдельных лиц, а и целые общества и селения, если они были причастны к такому делу. С отлученными запрещалось всякое общение верующим, а священникам специально предостерегались не допускать никаких послаблений в соблюдении церковных кар. Относительно гражданского брака и развода церковная власть допускала, что «церковный брак может превратиться или сопровождаться, по желанию брачующихся, записью в гражданских книгах», но для церковного венчания необходима наличность церковных условий брака и в частности, для брачных, расторжения прежнего брака церковным судом. Метрические книги духовенству предписывалось вести по прежнему. Что же касается требования передать метрические книги гражданской власти, то синод с патриархом допуская лишь гражданским властям брать справки и выписки из церковных книг: ясно говоря, гражданской власти представлялось сделать, если нужно, для себя копии, а подлинники церковь хотела сохранить у себя. (Напечат. в № 7—8 «Церк. Ведом.» 1918 г.).

В отношении гражданского брака и развода изложенное постановление патриарха и синода показалось, должно быть, с «бору сна недо-

«статочно «твердым». Поэтому, собор подкрепил его своим специальным определением относительно декабрьского декрета Совета Нар. Ком. о браке и разводе (напечат. в № 13—14 «Церк. Ведом.» 1918 г.). Здесь в обычном повышенном соборном тоне говорилось, что революционные декреты «открыто попирают святость брака», и, заботясь о спасении душ верующих, собор призывал их «не вступать на широкий путь греха, ведущий к погибели, и строго хранить церковные законы». Церковь не признает действительным гражданское расторжение брака и разводящихся только в гражданском порядке считает виновными в нарушении таинства брака: бракоразведенные граждански при вступлении в новый гражданский брак «повинны в многоженстве и прелюбодеянии» и такие сожительства «никогда не получат церковного признания и освящения».

По поводу преподавания закона божия, или отделения школы от церкви, собор также сделал особое постановление. Церковные круги на этот важный пункт обратили внимание в первую очередь, и по инициативе законоучительских элементов еще 23 января, в самый день издания декрета о церкви, центральный комитет всероссийского союза родительских организаций вынес резолюцию, признававшую запрещение преподавания религии в школах «явным нарушением принципа автономии русской школы... и отрицанием истинной свободы совести», дающей право родителям решать вопрос, учить или не учить своих детей закону божию. Затем 11 февраля законоучительский отдел собора устроил объединенное собрание законоучительских и родительских организаций, на котором было решено: «кликнуть клич по всей России.., твердо стать на защиту веры православной и ни под каким видом не допускать изгнания из учебных заведений закона божия», «признать преподавание закона божия во всех учебных заведениях обязательным, а все попытки на его изгнание из школы считать посягательством на народную святыню». Собору было представлены эти резолюции, и он их охотно одобрил.. (См. № 7—8 «Церк. Ведом.» 1918 г.).

Таким образом, в две-три недели после декрета 23 января уже был организован фронт церковной борьбы с декретом. Командующую позицию занял собор, и отсюда слались приказы по всей России. Церковные руководители объявили церковную мобилизацию и наметили план кампании. Духовенство и миряне должны были исполнять соборные задания.

II.

Как же откликнулся православный народ, к которому взывал церковный собор о защите церкви? Отклик, несомненно, был, хотя и не

дал таких результатов, о коих мечтало духовенство. Начались усиленная агитация в церквах, стали спешно организоваться церковные союзы и братства. Духовенство поднимало народ всеми способами. Волна крестных ходов прокатилась по всей России. Нужно ли при этом удивляться, что борьба церкви с государством не оказалась совсем бескровной? Служители церкви говорили, что они будут сражаться только мечом духовным, что их единственное оружие—увещание, молитва, крест. Но они должны же были понимать, что при столкновении меча духовного с мечом вещественным могут оказаться физические жертвы. В момент государственной разрухи, когда трещали все связи общественности, и власть с трудом сдерживала народные массы и особенно неконституционные элементы от полного произвола, церковное выступление на брань с революцией не могло не вызвать и отдельных эксцессов, и физических репрессий, и тяжелых столкновений. Церковный собор, объявляя войну с декретом, должен был сознавать всевозможные последствия ее и брал на себя за них ответственность. Он и сам напрашивался фанатически на подвиг «мученичества» и толкал на него православное духовенство и население. Он только забыл, что удары борьбы всегда падают, главным образом, не на командующих, а на исполнителей. Сам собор и патриарх остались в целости, сидя в Москве, под защитой более твердого порядка. Но тем, кто пошли за их призывами, пришлось иногда, действительно, и пострадать,—только не за веру, а за грехи верховных ее хранителей.

Для иллюстрации церковной войны и ее методов приведем некоторые факты из бесчисленного числа газетных сообщений первых месяцев 1918 года.

Петроградские церковники первым делом постарались укрепить позиции защиты от конфискации Невской Лавры, борьба за которую началась еще до декрета 23-го января. Для этой цели создано было «Братство защиты Александро-Невской Лавры», члены которого связывали себя торжественным обещанием защищать Лавру и ее святыни всеми средствами, дозволенными для христианина, даже до смерти. Петроградское [illegible]

резолюции в этом смысле и довели их до сведения начальства, при чем ревнители церкви не мало были удивлены, что несмотря на все протесты, от 17-го января (4-го февраля) 1918 г. появился новый декрет об упразднении должностей законоучителей всех вероисповеданий (Собр. Узак. № 24, ст. 339). С началом поста усилению стали исполняться петроградские храмы, а духовенство для поддержания воодушевления, начало устраивать по церквам ночные моления часто с особой торжественностью. Глубокой ночью раздавался первый колокольный звон: то молящиеся совершали крестный ход вокруг храма. Ночная тишина, церковное пение, зажженные свечи—все это создавало нервный подъем, экзальтировало церковную массу и настраивало ее почти фанатически. Выходившая тогда буржуазная пресса усиленно подчеркивала выдающийся подъем «религиозного чувства» и строила на нем свои предположения о неизбежной неудачи церковной политики революционного правительства. В известных кругах заговорили даже о «Каноссе» революции, и советская печать находила нужным отвечать на эти разговоры: «мы не пойдем в Каноссу». Повод к разговорам могли подать некоторые, появившиеся в печати, известия о благоприятных для церкви разъяснениях декрета, сделанных отдельными представителями Советской власти. Хотя все подобные известия были сомнительной достоверности, тем не менее даже самая левая не-советская газета—«Новая Жизнь»—М. Горького напечатала статью «Отбой», где доказывалось, что декрет об отделении церкви оказался беспочвенным и преждевременным и что авторам его приходится отступить перед условиями русской действительности. Такой ошибочный,—как показала жизнь,—прогноз даже левой печати невольно поддерживал церковную уверенность, что декрет не будет реализован, и укрепляя веру в силу духовного меча, которым опоясалась церковь.

В Москве организовались не только приходские союзы, но и первый совет приход. союзов, предназначенный возглавить приходские объединения. Председателем совета был бывший обер-прокурор синода А. Д. Самарин. Совет энергично принялся за дело «защиты церкви». Он представил обширный доклад о «невозможности» изъятия из школ закона божия, обращался с воззваниями к рабочим церковных типографий и к печатникам, убеждающими не выходить из под ведения церкви, организовал охрану патриарха от предполагаемых опасностей. Между прочим, патриаршая охрана была составлена из 24 человек приходских (по 12 чел.) дежуривших около патриаршей особы. Эта стража всюду должна была сопровождать патриарха и немедленно предупреждать народ об угрожающей ему опасности. Наряду с союзом приходов в Москве был организован другой союз - ревнителей и проповедников право-

славия». Хотя главная цель этого союза была в развитии проповедничества, не сообразно моменту и злобе дня он брал на себя гораздо более широкие задачи. В программе союза стояла «борьба за церковное достояние, за права церкви и защита веры от врагов». Союз развил довольно энергичную деятельность и сделался одним из боевых отрядов церковного воинства, мобилизованного по зову церковного собора.

Из столиц церковное движение скоро перекинулось в провинцию и здесь, сообразно более грубым условиям провинциальной жизни, дало наибольшие обострения. Так, в Самаре духовенство объявило трехдневный пост и моление по поводу декрета 23 января. Местный совет на эту демонстрацию ответил постановлением предать священников суду революционного трибунала за противодействия декрету и проповедь против советской власти. В Ярославле на собрании приходских советов по поводу требования описей было сделано постановление не допускать никакого постороннего вмешательства в распоряжение церковным имуществом, распорядителем коего является православное население. В выдаче описей было отказано. Отдельные попытки конфискации церковных зданий и имуществ вызвали народные волнения, так что местная власть должна была объявить военное положение. Были столкновения с человеческими жертвами. В Воронеже попытка описать Митрофаниевский монастырь кончилась избиением комиссара собравшейся толпой и многолюдными церковными манифестациями. В Орле в результате первых шагов к осуществлению декрета вышло столкновение с перестрелкой. В Туле назначенный вопреки распоряжениям местной власти крестный ход 2-го февраля закончился трагически: процессия попала под выстрелы, было 13 челов. убитых и много раненых. В Харькове демонстративный крестный ход также попал в перестрелку. Крестные ходы в Саратове, Нижнем-Новгороде, Орле, Вятке, Владимире и многих других городах сопровождались столкновениями. В Костроме церковниками был устроен целый ряд уличных и закрытых митингов и собраний, и возбуждение оказалось так заразительным, что местные власти гарантировали особым обязательным постановлением сохранение порядка и спокойствия во время крестного хода и сделали специальное предупреждение хулиганствующим элементам, угрожая судом за оскорбительные действия по отношению к религии. Эти тактичные мероприятия помогли Костроме безболезненно пережить волну церковной агитации. В Пензе церковное возбуждение приняло такие размеры, что местный совет забаррикадировался в надежном архиерейском доме.

В уездных городах и селах в связи с объявленным церковным фронтом шли также крестные ходы, демонстрации, собрания, протесты,

митинги, организуемые духовенством и приходскими советами. Здесь почва была еще более горюча, но аппарат новой государственной власти еще не налажен и было много анархических тенденций, и потому иногда результаты церковных движений были еще печальнее. Жертвы насчитывались по губерниям десятками и сотнями, при чем страдали часто совсем посторонние элементы. Толпа, например, стихийно избивала представителей власти, пробовавших применить закон об отделении. За такое самоуправство следовали репрессии, где попадало и правому и виноватому. В Пошехонском уезде Ярославской губ. в связи с волнениями около церкви было арестовано около 100 челов., некоторые подверглись расстрелу, другие угодили под революционный суд. Но этот темный народ едва ли понимал, за что собственно его призывают ратовать и за что его наказывают. В русской деревне, в глухой провинции церковная агитация падала на почву, может быть, наиболее восприимчивую, но и наиболее опасную. Здесь духовные «вожди» сами оказывались бессильными управлять вызванным ими движением и стихийно катились к роковым точкам подхваченные волной. И еще раз приходится сказать, что церковный штаб в Москве, патриарх и собор, плохо подумали, прежде, чем издавать воззвания, какие полились в темную народную массу. Философствующим интеллигентам, вроде кн. Трубецкого и Булгакова, было легко разсуждать о «царстве антихристовом» и «сатанинских плевелах» революции, сидя в соборных креслах. А серому церковному люду, принимавшему на веру воззвания собора, было тяжко расплачиваться за свое доверие к свою неспособность разобраться самостоятельно в тех призывах, которыми его оглушали исполнители соборных предписаний.

Для противодействия отделению школы от церви духовенство, по примеру Москвы и Петрограда, и в провинции подымало на ноги родительские комитеты. Кажется, не было города, где бы в той или иной форме не были вынесены резолюции о сохранении закона божия, если не в качестве обязательного предмета, то, по крайней мере, в виде необязательного преподавания в школе. Родительские собрания обычно действовали в контакте с церковными советами, и таким образом получался единый церковный орган. Так, в Киеве, например, представители приходов и делегаты от родителей на совместных собраниях [illegible] против попыток изгнать закон божий из школ. Большевики [illegible] требовали [illegible] в [illegible] духа, и в [illegible] не допускать [illegible] в школу. В [illegible] [illegible] [illegible]

школе детей, то в деревнях население иногда и впрямь переставало пускать ребят в училище, где «нет попа». Впрочем, подобная обструкция не имела большого распространения, и вообще «школьный фронт» был более мирный, чем непосредственно церковный. В конце концов родители соображали, что раз государство отказывается платить законоучителям и вернуть старое тут безнадежно, то оплата законоучительского труда не легко ляжет на родительский карман, если бы частно-школьное преподавание и дозволили. А духовенство, кажется, не везде уж так старалось добиться права частного обучения именно в школе: это его не особенно устраивало. Другое дело быть на положении штатного законоучителя, с содержанием и правами, и иное дело приватно, хотя в школьном помещении, учить только желающих. И так как позицию обязательности закона божия отстаивать было довольно трудно, то духовенство к школьному фронту стало понемногу остывать.

Церковная агитация в «защиту церкви» усиленно пользовалась всеми случаями столкновений и репрессий, чтобы еще больше раздувать пламя религиозной ревности и фанатического церковного настроения. Церковная власть сделала особое распоряжение, чтобы местные духовные начальства немедленно доносили высшему церковному управлению о всех пострадавших так или иначе в связи с церковным делом. Этим создавался новый кадр «мучеников», усердно прославляемых духовенством перед лицом церковного народа. Церковный собор совершил торжественное моление о первых жертвах и постановил тщательно хранить имена павших и потерпевших—в назидание потомству, а быть может, и будущей власти, пришествие которой упорно ждало духовенство. В большинстве случаев мученический венец создавался довольно искусственно, так как трудно было разобраться в обстоятельствах дела, кто виноват, кто прав. Но следует сказать, что жизнь выдвигала и такие факты, которые нельзя не назвать эксцессами и злоупотреблениями, впрочем почти неизбежными в тех условиях, какие создались в первые месяцы после октябрьской революции. Начавшаяся гражданская война, неудовлетворительность местных агентов новой власти, принужденной пользоваться, вследствие саботажа интеллигенции, услугами часто сомнительных элементов, повышенное настроение, созданное обстоятельствами времени: все это давало почву и для эксцессов, и для злоупотреблений, и для простого непонимания истинного смысла нового церковного законодательства. К разряду таких фактов относятся, например, трагическая гибель киевского митрополита Владимира, убитого в ночь на 25 января в Киеве шайкой хулиганов. Этот факт, однако, не стоит ни в какой связи с церковной политикой октябрьской революции, а

представляет роковой инцидент переходного момента, пережитого Киевом в связи с занятием его советскими войсками. Было несколько временных арестов архиереев, и в Москве, и в провинции, не оправданных потом разбором дела, и часто именно в связи с крестными ходами в церковной борьбой против декрета. Но трудно порой решить насколько действительно, не было достаточных поводов к подобным арестам, так как ведь много значило настроение на местах и неуловимая со стороны роль тех или других местных деятелей. Бывали случаи ненужного издевательства над арестованными, как, например, над донским епископом Митрофаном (см. в № 17 «Церк. Вед.» 1918 г.). Однако, хотя бы в последнем случае, дело опять было в переходный момент, и виновниками грубого отношения к епископу были темные красноармейцы. В городе Орле в марте месяце местная власть не разрешила занятия епархиального съезда и принудила его разойтись (см. № 19 «Церк. Ведом.» 1918 г.). Но у нее могли быть свои основания для подобного «разгона», а грубоватая его форма была простым свойством грубых правов. В некоторых городах власти поняли декрет 23 января в том смысле, что он совершенно прекращает деятельность церковно-административных учреждений. В Смоленске, например, закрыли консисторию и расквартировали все ее делопроизводство. Тут, конечно, было явное недоразумение. Таким же недоразумением было довольно распространенное явление: советские власти требовали от духовенства, под угрозой репрессий, чтобы оно венчало разведенных в гражданском порядке, чего оно делать было не обязано. Были случаи арестов и суда над священниками, отказывавшимися венчать бракоразведенных в гражданском порядке. Бывало также, что духовенство подвергалось аресту и суду за отказ выдать метрические книги или сдать церковное имущество без позволения епархиального начальства. На этом основании церковная сторона, между прочим, протестовала против подобной практики гражданской власти в Совет Народных Комиссаров (см. в № 21—22 «Церк. Ведом.» 1918 г.). Однако, подлинным виновником создавшейся в подобных случаях несправедливости был высший церковный штаб, отдавший соответственные приказания по церковному ведомству, и потерпевшим следовало бы жаловаться на собор и синод больше, чем на гражданские начальства.

III.

Таким образом, церковная война разгоралась по всей России. Церковное воинство мобилизовалось очень быстро, и главные эпизоды церковного движения, поднятого собором, разыгрались в февраль-марте

1918 г. Церковные верхи тем временем продолжали свою непримиримую политику, при чем в нее была внесена чисто политическая нота посланием патриарха от 5 марта с протестом против Брестского мира России с Германией. Этому посланию, впрочем, предшествовало другое послание, имевшее целью предупредить мир, когда о нем еще велись переговоры и когда вопрос находился в неопределенном положении (см. это послание в № 7—8 «Церк. Ведом. 1918 г.). Предварительное послание говорило больше «от писания» и упрекало в малодушии, готовом сдаться врагам. Когда же мир стал фактом и сделались известны условия договора, то патриарх излил свою патриотическую скорбь уже в формах более определенных. Поскольку патриаршее послание (напечатано в № 9—10 «Церк. Ведом. 1918 г.) призывало русский народ покаяться во грехах своих, постольку оно, конечно, политически не было однозначным. Но суть в том, что патриарх не ограничивался покаянными призывами. Он явно указывал, что тяжесть мира есть следствие того, что его заключали «люди, отрекшиеся от веры, гонители церкви божией». Он рисовал картину народных бедствий, которые явятся последствием тяжелого договора». И, самое главное, патриарх категорически заявлял «всему миру» от лица церкви, что «церковь не может благословить заключенный от лица России позорный мир». Как бы ни мотивировалось такое заявление велением совести, до очевидности ясно, что церковное положение патриарха не давало ему права на подобное политическое выступление. Апеллируя ко «всему миру», т.-е., иначе говоря, к «союзникам», глава церкви брал на себя несвойственную роль какого-то главы второго государства в советском государстве. И если бы при других условиях подобная церковная декларация могла еще сойти за излияние религиозного патриотизма, то в тогдашних условиях русской действительности она приобретала особое значение, явно враждебное октябрьской революции.

Только начав войну, церковные верхи сочли нужным, наконец, вступить и в непосредственные переговоры с революционной властью по поводу декрета 23 января. С этого, собственно, следовало бы начать, и, при надлежащей тактике, церковь могла бы путем мирного соглашения достигнуть хотя некоторых для нее благоприятных результатов. Дело в том, что для новой государственности важен был только принцип отделения церкви, а способы его осуществления могли быть различны, и едва ли мы ошибемся, думая что форма реализации общего принципа во многом зависела от поведения церкви. Будь церковная позиция иной, чем она была, кризис церковно-государственных отношений мог разрешиться также иными путями. Общая форма декрета

23 января здесь оставляла открытыми всякие возможности, и со стороны церкви было совершенно преждевременно толковать неясности декрета непременно в крайнюю сторону. Но церковные руководители, в преувеличенном мнении о своих силах, очевидно еще более обнадеженные «религиозным подъемом» среди некоторой части населения, не сумели взять верного тона в переговорах с Советской властью и найти верную дорогу в том щекотливом положении, в какое поставила себя церковь по отношению к революции.

Непосредственные сношения с высшей гражданской властью церковный собор начал после переезда правительства в Москву; в марте 1918 г. 14 (27) марта в Совет Нар. Комиссаров явилась соборная депутация во главе с председателем московского союза приходских советов А. Д. Самариным. Депутация хотела говорить с В. И. Лениным, но ее приняли нар. комиссары страхования—Елизаров юстиции—Гуревич и управляющий делами Сов. Нар. Ком. Бонч-Бруевич. Депутация сразу же начала с заявления, не предвещавшего хорошего результата. Она в «высоком стиле» заявила, что явилась «от имени православного русского народа» «сказать слово правды» о распоряжениях власти, касающихся церкви. По словам депутации, декрет об отделении церкви и все распоряжения правительства по этому вопросу вызвали в православном населении «чувство глубокого и сердечного возмущения». церковь смотрит на все это, как на «оскорбление религиозного чувства, как на «насилие, вопиющим образом нарушающее свободу совести». Протестующее настроение народа,—многозначительно говорили депутаты.—растет и углубляется», и если для правительства безразлична судьба церкви, то пусть будет ведомо ему, что «религиозное успокоение ста миллионов православного русского населения, необходимое для государственного блага может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу народной веры .Другими словами, собор требовал отмены декрета, обещая, что лишь тогда наступит религиозное спокойствие, т.-е. будет разоружен церковный фронт.

Как видно, церковные верхи требовали многого, гораздо больше того, что им могло бы уступить революционное государство. Несмотря на такой «запрос», им было дано понять, что советское правительство не настаивает на толковании декрета в худшую для церкви сторону. Нар. комиссар Елизаров сказал депутации, что Совет Нар. Комиссаров, издавая декрет 23 января, не имел в виду нанести церкви какой-либо вред, не хотел и стеснять ее деятельность, а хотел лишь отделить церковь от государства и устранить духовенство от политики. Было сказано и самое важное, что декрет может быть изменен, поскольку эти изме-

ления не будут противоречить принципу отделения. (См. № 13—14 «Церк. Ведом.» 1918 г.). Таким образом, правительство намечало возможность некоторых уступок, сглаживающих острые углы декрета. Но оно, конечно, не могло исполнить церковного желания полностью, ибо не могло изменить основной линии революционной политики по отношению к церкви.

Переговоры церковной власти с правительством, однако, не оборвались сразу. Они продолжались некоторое время, и церковная сторона, в конце концов, готова была, в свою очередь, уступить с первоначального запроса». О пределах этих уступок дает знать второе заявление, поданное членами собора и представителями приходов в Совет Нар. Ком. В этом заявлении сперва «всецело поддерживалось» заявление от 14 (27) марта и подтвердительно говорилось, что церковный собор твердо стоит на той точке зрения, «что государство не может быть безрелигиозным и что Россия может быть государством только православным». Но дальше уже указывалось, что наиболее неприемлемыми и даже из принципа отделения церкви не вытекающими церковь считает следующие пункты декрета 23 января: безусловное запрещение преподавания закона божия в школах, лишение церковных обществ прав юридического лица, национализацию церковных имуществ и закрытие даже местных субсидий церковным учреждениям. По первому пункту церковная сторона заявляла, что «исходя из понятия о государстве безрелигиозном, декрет мог бы лишь ограничиться прекращением отпуска государственных средств на вознаграждение законоучителей и требованием, чтобы закон божий в школах общеобразовательных, не специально церковных, не преподавался принудительно». По остальным пунктам церковная власть рассуждала так. — Религия есть, конечно, область духа, но церковь на земле не может быть без известных вещественных форм и потому она необходимо должна располагать правом иметь движимое и недвижимое имущество и пользоваться всеми правами юридического лица. Приравнивая церковь ко всяким частным обществам и союзам, декрет в то же время запрещает ей получать пособия не только от государства, но даже и от местных автономных и самоуправляющихся учреждений и лишает ее и церковные, и религиозные общества прав юридического лица. Здесь явное умаление прав церкви, признаваемой народными комиссарами свободной. Если местное учреждение автономно и способно самоуправляться, то нельзя запрещать такому учреждению давать субсидию церкви и ее установлениям; а лишая церковные и религиозные общества права иметь, приобретать и отчуждать собственность, декрет унижает церковь и по сравнению с частными обществами и союзами». «Итак,—

заключало церковное заявление,—даже стоя на основе полного отделения церкви от государства, декрет должен бы признать за церковью и ее учреждениями все права юридического лица, а все церковные имущества и капиталы должны оставаться неприкосновенными в распоряжении церкви и ее установлений, т.-е. в распоряжении и ведении православного народа. И если Совет Нар. Комиссаров действительно желает.... обеспечить церкви ее внутреннюю свободу и тем дать ей возможность выполнения ее задач... то он должен... удовлетворить вышеизложенные требования. К числу последних в церковном заявлении присоединялось и несколько частных пунктов, поглощаемых, однако, общими положениями и потому не имевших существенного значения.

В уменьшенном виде церковные требования были более приемлемы для революционной государственности. Поскольку, действительно, дело не касалось самого принципа отделения церкви, постольку с государственной стороны возможны были уступки. Не трудно при этом видеть, что центр тяжести заключался, собственно, в двух вопросах: о правах юридического лица и владения собственностью, и о сохранении за церковью ее имуществ. Но, конечно, и в этих вопросах церковные требования не могли быть удовлетворены полностью именно в отношении имущества. Объявленная декретом 23 января национализация церковных имуществ стояла в связи с общим революционным законодательством. Национализация церковных и монастырских земель прямо вытекала вовсе не из церковного декрета, а из декретов о национализации и социализации земли (последний декрет был издан 19 (6) февр. 1918 г.—Собр. Узак. № 25, ст. 346). Не выходя из границ революционной последовательности, государственная власть могла лишь обеспечить более определенно бывших церковных пользователей земли трудовыми нормами земельного фонда. Впрочем, такое обеспечение и не закрывалось революционными узаконениями и могло быть проведено в порядке земельных законов. Для приходского духовенства было открыто получение земельных наделов в качестве граждан-землепользователей, и практика показала, что местные органы не отказывали духовенству в использовании его права. Что же касается монастырей, то и здесь наделение монашествующих трудовой нормой было открыто, под условием действительного труда. Гражданская власть шла тут даже навстречу положению монастырей и частным образом разъясняла, что монастыри могут учреждать земледельческие коммуны. Права излишки земли во всяком случае должны были отойти из обладания и пользования прежних церковных владельцев. Но сохранение за церковными владельцами особых привилегий на этот счет по сравнению с трудовым

народом никак нельзя было доказывать требованиями справедливости. В аналогичном положении находился и вопрос о жилых и хозяйственных строениях церковного ведомства. В пределах действительной потребности пользование этими помещениями для духовенства и церковных учреждений обеспечивалось общими узаконениями, сообразно общим нормам. Но сохранить названные строения в виде собственности за церковью и предоставить их в полное ее распоряжение опять таки было бы нарушением революционной справедливости. Ведь в таком же положении, как церковь, были и другие прежние собственники. Оставался вопрос о церковных капиталах, предприятиях и ценностях. Но предприятия вроде свечных заводов, церковных типографий, лавок, складов и пр.п. по справедливости, подлежали общему закону о национализации: устройство же обслуживаемых ими церковных нужд оставалось возможным в порядке удовлетворения установленных потребностей. Капиталы и ценности,—не надо забывать,—были конфискованы, в известных пределах, у всех владельцев. Значит, здесь опять возможно было только более определенное фиксирование оставляемой в распоряжении церкви части.

В конце концов, все, что могла бы уступить революционная государственность на почве своих принципов, было: сохранение за церковными обществами прав юридического лица и владения собственностью в пределах дозволенного для частных обществ. Очень возможно, что такие уступки и были бы сделаны, если бы церковная тактика была иною, если бы церковные руководители подошли к острому вопросу с должным спокойствием и примирились с фактом революции и ее принципов. Тогда было бы возможно и смягчение способов и форм реализации неизменных пунктов декрета об отделении церкви, оставлявшего широкий простор практическому усмотрению. Но мы видели уже, как реагировала церковная сторона на революционное законодательство и насколько непримиримую позицию она заняла. Даже подавая последнее компромиссное заявление в Совет Нар. Комиссаров, представители церкви демонстративно подчеркивали, что они, собственно, полностью отстаивают все свои требования, что декрет для них неприемлем в самой основе и что если они готовы ограничиться хотя бы изменением наиболее для них тяжких и неразрывно не связанных с идеей отделения пунктов, то лишь в силу необходимости. Таким заявлением церковь предлагала явно непрочный и непрочный мир. Она отказывалась принять главное: принцип отделения церкви, и тем самым оставляла в силе все свои прещения и грамоты по адресу революционного законодательства. Мир революции попрежнему был для нее миром антихриста.

к коему опасно самое прикосновение для верующих. При такой точке зрения церкви и при такой тактике достигнуть действительного соглашения с новой государственностью было трудно. Неудивительно, что переговоры церковных делегатов с Советской властью не привели ни к чему. Они как-то само собой заглохли, а церковная линия поведения продолжала развиваться в первоначально принятом направлении.

IV.

Безрезультатные переговоры с революционной властью собор вел в марте-апреле 1918 г. Тогда же было на соборе решено выработать «практические мероприятия» в связи с декретом об отделении церкви. Затем собор разошелся, предполагалось—до осени. Но ход событий заставил церковных руководителей поторопиться с возобновлением соборных занятий, и собор возобновился 15-го июня. Одним из первых его деяний в эту третью и последнюю сессию соборных занятий было обещанное постановление о мероприятиях по поводу декрета, при чем самое наименование постановления уже показывало его тон: «о мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на православную церковь» (напечат. в № 23—24 «Церк. Ведом.» 1918 г.).

Соборное определение, главным образом, муссировало мысль о «гонении» и «связанном с ним «мученичестве». Собор предписывал установить в храмах за богослужением особые возношения «о гонимых ныне за православную веру и церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках», совершить всюду торжественные о них моления, на подобие совершенных в Москве; установить по всей России ежегодное поминовение в день 25-го января «усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников»; устраивать в честь их крестные ходы на Фоминой неделе, совершать торжественные панихиды, прославлять их в проповедях. «Всем исповедникам» собор давал свое благословение, а патриарх просил выдать им благословенные грамоты. Высшему церковному управлению поручалось собирать сведения «о всех случаях гонения и насилия» и широко оповещать о них население посредством печати и живого слова. В противовес идее декрета 23 января собор решил отдельною брошюрою издать соборное определение о правовом положении церкви в государстве и распространить его в народе. А в противодействие практическим мерам январского закона собор постановлял: «принять меры к возвращению всех отобранных имуществ церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций,— в том числе зданий духовно-учебных заведений и консисторий». Признать от имени

собора приходские и епархиальные организации к защите гонимых и освобождению заключенных за веру и церковь и к принятию мер для возвращения отобранного имущества церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций... Призвать всех православных в целях ограждения от расхищения церковного достояния возвращения уже отобранного и защиты гонимых», образовать при церквах и монастырях особые братства, составлять на братских собраниях и съездах братских делегатов приговоры в защиту церкви и ее имущества, а при патриархе учредить «всероссийский совет приходских общин» для «объединения всех местных церковных сил и планомерного направления их деятельности по защите церкви». Наконец, собор определял, от имени собора, «оповестить особым постановлением, что священный собор православной российской церкви, возглавляемый святейшим патриархом и преосвященными иерархами, состоящий из избранников всего православного народа, в том числе и крестьян, есть единственный законный высший распорядитель церковных дел, охранитель храмов божиих, святых обителей и всего церковного имущества... Никто, кроме священного собора и уполномоченной им церковной власти, не имеет права распоряжаться церковными делами и церковным имуществом, а тем более такого права не имеют люди, не исповедующие даже христианской веры или же открыто заявляющие себя неверующими в бога».

Ясно, что такое соборное определение означало окончательный срыв «мирных» переговоров с Советской властью. Церковь решила продолжать политику борьбы вплоть до сдачи революцией всех своих церковных позиций. Не без мысли побольше воодушевить православное население состоялась соборная канонизация двух новых святых—Софрония иркутского и Иосифа астраханского—двух боевых церковных деятелей прошлого русской церкви (см. «Церковн. Ведом.» 1918 г. № 19—22). Церковная власть открыто звала верующих к мученичеству и сулила им все блага небесные за защиту земных благ церкви. По епархиям стало усиленно рекомендоваться еще первоначальное постановление собора о призыве населения тревожным звоном и прочими средствами при всякой попытке гражданской власти овладеть церковными имуществами и вообще реализовать положения декрета о церковной собственности. Московский совет объединенных приходов, кажется, одним из первых напомнил об этом «оружии в руках церкви, могущем пригодиться при реальном отстаивании соборного тезиса, что никто, кроме церковной власти, не имеет права касаться церковного достояния. На одном из собраний совета были даны прямые указания, как должно поступать в надлежащих случаях. «При национализации

церковных и монастырских имуществ, считая с постановления московского собрания,—священник должен объяснить приходским представителям нынешней власти, что он не является единоличным распорядителем в церковном имуществе, а потому имеет дать время совету приходский совет. Если это окажется возможным сделать, то приходскому совету надлежит твердо и определенно указать, что храмы и все имущество церковное есть священное достояние, которое приход ни в коем случае не считает возможным отдать. Если бы представители власти не внял доводам настоятеля храма или приходского совета и стали бы проявлять намерение силою осуществить свое требование,— пусть тогда ударят тревожным звоном (набатом) созвать прихожан на защиту церкви. Если есть по близости другие храмы, то желательно войти с ними предварительно в соглашение, чтобы и в них раздался тревожный звон, по которому население окрестных приходов могло бы притти на помощь и своею многочисленностью дать отпор покушению на церковь». Эта резолюция напечатана в журн. Революция и Церковь, № 3—5, стр. 131). Должно быть в связи с таким воинственным настроением церковного совета правительство найдет нужным принять особые меры против церковного набата. От 30 июля 1918 г. было издано указание, коим виновные в ударе в набатный звон, тревожными гудками, рассылкой гонцов и т. п. способами, с контрреволюционными целями, а также их соучастники, пособники и подстрекатели, а вообще виновные в этом лица предавались суду революционного трибунала (Собр. Узак. 1918 г. N 17, ст. 628). Так обезоруживались самым реальным образом церковники.

Таким образом, церковь отказывалась от соглашения с революционным государством. Она предпочитала замкнуться в своей неприступной броне и подержать этот борьбы с декретом об отделении до того времени, когда только были в ее распоряжении. Эту позицию церковный собор последовательно выдержал и в своем церковно-организаторском творчестве, построив церковные преобразования в полном игнорировании январского закона и связанных с ним последствий. Так, собор принял новое положение об епархиальном управлении, составители которого как будто и не слыхали о декрете об отделении церкви. Здесь говорилось о духовно-учебных заведениях, церковных школах, церковных типографиях, церковно-благотворительных учреждениях, свечных заводах и разных церковных обществах, сохранение в прежнем духе их вековой принадлежности церкви и церковному праву полное хозяйничание в этом деле. Епархиальному архиерею указывалось наблюдение за неукоснительным законоучительством в светских учебных

заведениях». Предусматривалось ведение духовенством метрических книг, собирание обязательных церковных налогов, разверстка церковных земель, распорядкение церковным имуществом. (См. определение собора в № 11—12 «Церк. Ведом.» 1918 г.). 7-го апреля собор утверждает приходский устав», где значится, что «приходский храм и приход являются особыми юридическими лицами»; духовенству вменяется в обязанность вести метрические книги; целая глава посвящается церковно-приходской школе; приходу усвоется владение и распоряжение движимым и недвижимым имуществом на прежних основаниях церковной собственности; регламентируется деятельность приходских советов, также с правами юридических лиц. (См. в № 19—20 Церк. Ведом. 1918 г.). В частности, собор не нашел внимания оставить духовно-учебным заведениям, и в всех его постановлениях по данному предмету нет и намека на знакомство с правительственным декретом о передаче этих учреждений в комиссариат просвещения со всем имуществом и капиталом, и с пунктом декрета 23 января о воспрещении преподавания закона божия в учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы. Собор неоднократно касался вопроса о средствах содержания духовно-учебных заведений, явно предполагая, что они будут существовать по прежнему, только на церковный счет (№ 9 Церк. Ведом. 1918 г., а также №№ 15, 17). В принятом на соборе общем положении о духовной школе предусматривалось сохранение старого типа училищ, семинарий, академий, т.-е. школ смешанных общеобразовательно-богословских. Даже в специальном положении о пастырских училищах (Церк. Ведом. 1918 г. № 23—24) совершенно не приняты во внимание новые условия, и в эти училища введены общеобразовательные предметы. Соответственно соборной точке зрения и на епархиальных съездах духовенства духовные школы рассматривались существующими в прежнем виде и сами школы церковно-приходские мыслились по старому в ведении церкви (см., наприм., о петроград. епарх. в №№ 1, 2, 4. Петрогр. Церк.-Епарх. Вести. 1918 г.). Духовенство настолько было уверено в своем праве оставить у себя, по крайней мере, те приходские школы, которые не пользовались государственными субсидиями, что на этой почве разыгрывались даже в Москве драматические столкновения с гражданской властью священников, не желавших исполнить требование о передаче школы в гражданское ведомство (см. случай с свящ. Полезовым, записанный в № 19—20 Церк. Ведом. 1918 г.).

Словом, церковь, не желая считаться с новым государственным законодательством, стала жить как бы вне времени и пространства. Мо-

жет быть соборное творчество, построенное на игнорировании революционного законодательства, и было последовательным проведением одной линии поведения. Но спрашивается, для кого назначались эти соборные постановления, практический смысл которых аннулировался фактическим положением вещей? Очевидно, или собор и церковные верхи все еще не верили в твердость правительственного курса и ждали капитуляции революции перед церковным фронтом; или же они твердо верили, напротив, в близкое крушение революционной власти и предназначали свое законодательство для того желанного будущего, когда будут восстановлены все церковные права. Так как мало оснований предполагать первое, то приходится думать второе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕКРЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ.

I. Переход к реализации декрета об отделении. Общие руководственные нормы. Инструкция 24 августа 1918 г. и циркуляр 3 января 1919 г.—II. Дополнительные разъяснения относительно порядка национализации богослужебных зданий и имуществ.—III. Ликвидация монастырей.—IV. Постановка религиозного обучения, правового и материального положения служителей культа в рамках декрета об отделении церкви.—V. Гражданская метрикация, гражданский брак и развод. Безуспешность церковного противодействия в этом направлении.

I.

Мы уже отметили, что декрет об отделении церкви от государства, изданный Советом Нар. Комиссаров 23 января 1918 г., был составлен в общих выражениях и намечал, собственно, общие основания церковно-государственных отношений и государственных мероприятий в церковной области. В этом законе ничего не говорилось о способах его осуществления и не указывалось никаких сроков для проведения в жизнь декретных положений, что является необходимым в руководственных законодательных нормах. Конечно, местные органы власти могли по своему толковать эту неопределенность и сами устанавливать порядок применения декрета. Это было, с одной стороны, недостаток закона 23 января, открывающий слишком широкий простор усмотрению; но, с другой стороны, это был и плюс, открывающий для церкви возможность к общих и частных соглашений. На почве такой возможности и велись переговоры между церковными представителями и советской властью.

Переговоры эти, как мы видели, были безрезультатны. Тем не менее революционная власть медлила с полной реализацией декрета.

Осуществление некоторых положений январского закона совершилось механически, в силу даже отдельных сепаратных распоряжений. Именно, революционное государство, прежде всего, само собою освободилось от всякого религиозного оттенка. С момента октябрьской революции сразу прекратилось всякое участие государства в каких-либо религиозных переменах. Государство отстранилось абсолютно от религии, и церковь не только юридически потеряла государственное положение, но и фактически сделалась частным учреждением. Октябрьская революция не хотела видеть участия церкви даже в таких актах, как погребение жертв революции, и тщетно собор домогался приглашения для освящения гражданских похорон. Из советских учреждений легко исчезли религиозные эмблемы: а если где они и оставались некоторое время, то потеряли прежнее значение. Вообще идеологическую сторону отделения церкви осуществить было не трудно, ибо тут достаточно было отделиться от церкви самому государству. Несколько сложнее обстоял вопрос об актах гражданского состояния, ведение коих ранее принадлежало церкви. Мы видели, что декреты о гражданском браке и разводе были изданы еще до закона 23 января. Но у государственной власти не было сначала своего аппарата для ведения записей рождений, браков, случаев смерти, а так как жизнь не ждала, то, волей-неволей, приходилось пользоваться пока прежним аппаратом. В начале 1918 г. в Петрограде, например, был учрежден гражданский отдел записей в одном районе. Но это был, можно сказать, до поры до времени, показательный опыт, не могущий обслуживать нужды всего населения. Поэтому в первое время после декрета 23 января метрические книги по прежнему велись духовенством, и, за единичными случаями, гражданская власть не предъявляла немедленно требования о сдаче ей этих книг. Гораздо легче было осуществить лишение духовенства разных прав и преимуществ: это следовало механически, но это же касалось, собственно, больше будущего, чем реального настоящего. Главным тут был вопрос о воинской повинности, но практически его пока не ставила сама жизнь. В пределах государственной возможности было и немедленное осуществление отделения школы от церкви. Так как все школы были объявлены государственными, то стоило только сделать распоряжение о прекращении в них преподавания закона божия, чтобы уроки религии и действительно прекратились. Правда, были попытки в некоторых школах, по инициативе родителей, продолжать частное обучение детей зак. божию. Но таким попыткам скоро был положен предел

и изъятие закона божьего из школы стало фактом почти непосредственно после декрета 23 января.

Словом, государство легко могло осуществить, и сразу осуществило, те стороны декрета, где ему не было надобности прямо сталкиваться с церковью. Легко осуществлялась государственная эмансипация от церковного влияния, секуляризация, так сказать, тех областей жизни, которые не находились в непосредственном распоряжении церкви, хотя и проникались раньше, в известной мере, церковными началами. Механически совершилось и прекращение кредитов на нужды культа. Фактически выдачи были прекращены даже до декретного срока и потом духовенству стоило не малого труда получить хотя обеспеченные революционными распоряжениями ассигнования. С прекращением кредита церковь лишалась приблизительно 33 милл. бюджета, так как вторая половина прежних государственных ассигновок отошла еще раньше, по закону Временного правительства о церковно-приходских школах. Потеря этой суммы была, конечно, весьма существенна для церковных учреждений и, главным образом, для церковно-административного аппарата. Но нельзя не видеть, что сама по себе сумма государственных средств, отпускавшихся церкви, была незначительна. 35 милл. составляли всего около 30 коп. на душу православного населения в год, и при нормальных условиях церковь могла бы без особого труда восполнить этот пробел. Вот почему, начав борьбу с законом 23 января, церковная власть не слишком настаивала на восстановлении государственных кредитов. Если бы не было других материальных ограничений, то она могла надеяться, что указанное лишение не расстроит церковного хозяйства.

Затруднительнее было для государства секуляризировать, применительно к декрету об отделении, то, что находилось в непосредственном церковном обладании: церковные имущества, капиталы, земли, здания, предприятия. Из-за них то, главным образом, и завязалась церковно-государственная борьба. Часть этого церковного состояния отошла также безболезненно. Именно, церковные капиталы, находившиеся в банках, были секвестрированы в порядке банковых операций. То же самое было с процентными бумагами, находившимися у церковных владельцев: они аннулировались в порядке общего декрета об аннулировании таких бумаг. Однако, в первой половине 1918 года церковные учреждения еще оперировали со своими процентными бумагами, и, между прочим, собор разрешил закладку этих бумаг для покрытия расходов по духовно-учебным заведениям. Церковные земли были в значительной части отобраны от церковных пользователей местным населением, по своему понявшим декрет о социализации земли, и вообще отобрание земель происходило

в порядке осуществления декретов. Часть церковных зданий была занята местными советскими учреждениями. Но планомерного и последовательного выполнения декрета в отношении церковной собственности все-таки не было до осени 1918 года. В некоторых случаях церковь успела за время отстоять свои здания, предприятия и проч., несмотря на попытки их национализировать. В других случаях местные власти пока и не пробовали приступать к реализации декрета. Между прочим, во всю первую половину 1918 года большею частью действовали прежние духовно-учебные заведения. Декабрьский закон 1917 года о передаче этих школ в ведение комиссариата просвещения, можно сказать, совершенно не реализовался. Прежние духовные училища, семинарии, академии, или закрывались сами собой за недостатком средств, или же, в большинстве, пока продолжали существовать на прежних основаниях. Опытов преобразования учебных заведений духовного ведомства в светские, кажется, не было. Если гражданские ведомства занимали бывшие духовно-школьные помещения, то пользовались ими для своих надобностей или заново организовали в них советские школы. Дальше же всего советские власти откладывали национализацию богослужебных зданий и прежде храмов и храмового имущества на государственный учет, с передачей их коллективам верующих. Эта сторона декрета 23 января была самой неотложной, и с ней не спешили, быть может и потому, что все равно богослужебные помещения и имущества предназначались для религиозного пользования членов церковных обществ.

Мы не беремся решительно сказать, было ли намеренным или случайным замедление в окончательной реализации декрета об отделении церкви. Пред нами только факт, которым, в свою очередь, церковь могла бы воспользоваться, но которым она воспользоваться не сумела и не захотела. Летом 1918 года, в июле, состоялось своего рода учредительное собрание октябрьской революции — пятый съезд советов, на котором была принята конституция Советской Российской Республики и получили санкцию все главнейшие мероприятия Советского правительства, в том числе и закон 23 января. 13-й пункт конституции гласил: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (см. текст конституции в Собран. Узак. № 51, ст. 582). В скором времени после съезда советов, 24 августа народным комиссариатом юстиции была издана, наконец, и инструкция о порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (в Собр. Узаконений 1918 г. № 62, ст. 685). С момента издания инструкции нача-

нается новый период в истории закона об отделении церкви: разъясняются его неопределенности и начинается его планомерное осуществление.

Инструкция 24 авг. прежде всего (п.п. 1 и 2) разъясняла объем действия декрета 23 янв. и, нужно сказать, разъясняла не в пользу церковных и религиозных учреждений. Именно, она устанавливала, что под действие декрета об отделении подходят не только все церкви—исповедания, но и все частные религиозные общества и все общества, преследующие цели оказания помощи или поддержки какому-либо культу. Все они лишаются прав юридического лица. «Отдельным членам этих обществ предоставляется устраивать только складчины на приобретение для религиозных целей имущества и на удовлетворение других религиозных потребностей». Следовательно, закрывалась возможность таких объединений верующих, которые бы, на подобие французских культовых ассоциаций, брали на себя в юридическом порядке какие-либо обязательства для поддержания религиозных учреждений. Вопреки частным образом сделанному разъяснению (при переговорах церковных делегатов с представителями советского правительства), что приход может зарегистрироваться в гражданском порядке и, таким образом, получить права юридического лица, определенно утверждалось, что подобный обходный путь невозможен. Устранялась возможность учреждения и существования и каких-либо попечительств, братств и т. п. в гражданском порядке, ибо все равно такие учреждения остались бы частными соглашениями отдельных лиц, не имеющими юридических прав. Единственный вид церковного имущества, который признавала инструкция, был складчинный капитал, и единственный способ дальнейшей поддержки культовых учреждений—складчинное хозяйство. Этим самым выяснялась общая формула декрета 23 янв. о воспрещении церковным обществам владеть собственностью. Так как, очевидно, что такие общества все-таки будут иметь известные средства на свои нужды, то юридическими собственниками таких средств объявлялись не общины, а отдельные члены этих общин.

Далее, инструкция устанавливала, наконец, порядок ликвидации и национализации церковных имуществ, где молчание декрета об отделении церкви давало повод ко всяким произвольным толкованиям и недоразумениям. По инструкции, имущества бывшего духовного ведомства должны переходить в непосредственное заведывание местных советов рабочих и крестьянских депутатов (п. 4). Местный совет обязывает представителей бывших религиозных ведомств, или распорядителей имущества, представить в трех экземплярах опись имущества, специально предназначенного

...ых богослужебных и обрядовых целей, и принимает его по этой описи и передает в бесплатное пользование тем местным жителям соответствующей религии, которые пожелают взять его. Один экземпляр описи остается принявшим имущество верующим, второй хранится в местном совете, третий пересылается в комиссариат просвещения (п. 5). Необходимое число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество, определяется местным советом, но не может быть менее 20 человек (п. 6) *). При отказе представителей ведомства представить означенную опись, представитель местного совета сам проверяет имущество и делает опись (п. 7). «Принявшие имущество в пользование обязуются: 1) хранить и беречь его, как доверенное им народное достояние, 2) производить ремонт означенного имущества и расходы, связанные с обладанием имуществом, как-то: по отоплению, страхованию, охранению, оплате долгов, местных сборов и проч., 3) пользоваться этим имуществом исключительно для удовлетворения религиозных потребностей, 4) возместить при сдаче все убытки за время пользования им, отвечая за целость и сохранность вверенного им имущества солидарно (по круговой поруке), 5) иметь у себя инвентарную опись всего богослужебного имущества, в которую вносить все вновь поступающие (путем пожертвований, передачи из других храмов и т. п.) предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан, 6) допускать беспрепятственно в богослужебное время уполномоченных советом р. и кр. деп. лиц к юридической поверке и осмотру имущества и 7) в случае обнаружения советом раб. и кр. деп. злоупотреблений и растрат немедленно сдать имущество совету раб. и кр. деп. по первому его требованию. Все эти условия вносятся в соглашение, заключаемое группой вышеуказанных граждан с местным советом» (п. 8). «Храмы и молитвенные дома, имеющие историческое, художественное и археологическое значение, передаются с соблюдением особой инструкции, выработанной музейным отделом Народного Комиссариата Просвещения (п. 9) **). Все местные жители соответствующей религии имеют право подписать соглашение о передаче богослужебного имущества и, после передачи, получают участие в управлении имуществом наравне с первоначальной группой (п. 10). В случае, если не найдется желающих взять богослужебное имущество на означенных условиях, местный совет трое-

*) По французскому закону число необходимых для образования культовой ассоциации лиц определяется от 7 до 25 человек, смотря по количеству населения.

**) Смотри эту инструкцию в № 1 журн. „Революция и Церковь", 1919 г., стр. 30—31.

кратно публикует о сем в местных газетах и вывешивает объявления на дверях храмов, и если в течение недели не поступит заявлений верующих, сообщает о том в комиссариат просвещения, а затем поступает по полученным указаниям, или по своему усмотрению, если указаний из комиссариата не последует, при чем в последнем случае здания могут быть использованы для других целей, а священные предметы должны быть переданы или группе верующих, на общих основаниях, или в соответствующие хранилища республики (п.п. 11—14).

Эти указания инструкции 24 авг. относительно порядка национализации богослужебных зданий и предметов должны были рассеять опасения церковников, будто декрет 23 янв. грозит опасностью кощунственного завладения священными местами и предметами со стороны иноверцев и неверующих. Инструкция подробно развивала положение декрета о передаче богослужебного имущества в руки исповедников той же религии, и только в случае отсутствия желающих принять имущество дозволяла давать зданиям другое назначение, священные же предметы все-таки сдавать в хранилища. Пунктом 9-м обеспечивались и интересы охраны церковной старины и церковных достопримечательностей. Таким образом, относительно богослужебных зданий и предметов революционное законодательство достаточно ограждало интересы верующего чувства.

Относительно небогослужебного имущества церковных учреждений инструкция предписывала все таковые имущества, как-то: дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы и т. п., не взятые до сих пор в ведение советских учреждений, «незамедлительно отобрать», при чем местному совету разрешалось, по усмотрению, оставить некоторую сумму в распоряжение группы верующих на текущие расходы (п.п. 16—22).

Указывался и срок ликвидации церковно-имущественного вопроса: все действия по отобранию церковных и религиозных имуществ должны быть закончены не позднее, чем в двухмесячный срок со дня опубликования настоящей инструкции (п. 24).

Относительно метрических книг требовалось немедленно передать их в отделы записей актов гражданского состояния (п. 26). Служителям культов предоставлялось снять с них копии (п. 27).—а не наоборот (как хотела власть церковная). В гражданских документах (паспортах) воспрещалось делать какие-либо отметки о совершении религиозных обрядов (брак), а также церковного развода (п. 28).

Пункт 29 инструкции точнее определял «обособление государственной и общественной жизни от религиозного влияния. Здесь говорилось, что в государственных и иных публично-правовых общественных поме-

шениях безусловно не допускается: а) совершение религиозных обрядов и церемоний (молебнов, панихид и проч.), б) помещение каких-либо религиозных изображений (икон, картин, статуй религиозного характера и проч.). Относительно публичных религиозных церемоний-религиозных шествий (крестные ходы), совершения религиозных обрядов (молебнов и т. п.) на улицах и площадях инструкция их не запрещала. Такие действия только обусловливались «письменным разрешением местной власти, которое устроители каждый раз должны получать заблаговременно и во всяком случае не позднее, чем за два дня до публичного совершения религиозной церемонии» (п. 31).

Касательно отделения школы от церкви инструкция 24 августа подтверждала безусловное запрещение преподавания каких-либо вероучений в школах государственных, общественных и частных и требовала немедленно прекратить всякие выдачи на преподавание религии. Но здесь делалась необходимая, отсутствовавшая в декрете 23 янв., оговорка о специальных богословских учебных заведениях. Таковые не воспрещались и, хотя здания прежних духовных учебных заведений, по инструкции, переходили в распоряжение местных советов, дозволялось, однако, предоставлять их на общих основаниях и с ведома Нар. Ком. Просв., в арендное пользование для богословских школ (п.п. 33—35).

Инструкция 24 авг. требовала, чтобы приемка национализируемого церковного имущества состоялась в двухмесячный срок. Но на самом деле осуществление указанных в инструкции мероприятий значительно замедлилось и так скоро совершиться не могло. Еще в начале 1919 года реализация декрета об отделении церкви находилась в полном разгаре, и потому весьма своевременным было появление еще дополнительного циркуляра к инструкции, изданного комиссариатом юстиции (УНИ отд.) от 3 января 1919 г. (напечат. в журн. «Революция и Церковь», № 1, 1919 г., стр. 31—32). Между прочим, из циркуляра видно, что и распоряжение 24 авг. не устранило всех недоразумений. По указаниям практики, данным за время действия декрета, комиссариат юстиции и делал новые разъяснения, главным образом, о методах ликвидации церковных учреждений и касательно отношения к церкви и служителям культа, диктуемого законами и духом революции.

В своем циркуляре комиссариат юстиции признавал, что не все работники на местах правильно понимают задачи Советской власти в деле отделения церкви от государства. И, видимо, не все агенты власти, прежде всего, надлежащим образом усвоили точку зрения советского законодательства на богослужебные здания и имущества. В виду этого разъяснялось, что зданиями, специально предназначенными для религиозных и

обрядовых целей (приходские, монастырские, кладбищенские храмы, часовни, каплицы, синагоги и т. д.) надлежит передавать группам граждан, и закрытию или использованию в других целях эти здания надлежат только в двух случаях: «1) если не окажется желающих принять это имущество, или 2) если в силу нужды в соответствующем помещении для общеполезных целей местный совдеп, отвечая запросу трудящихся масс (лучше всего на пленарном заседании), постановит соответствующее решение». По составлении описи богослужебных предметов предметы эти, вне зависимости от материала, из которого они заготовлены, должны передаваться группам граждан, заключившим соглашение для пользования ими, при чем «совершенно недопустимо отобрание церковных облачений, мантий, платков с престолов, орлецов, других ковров и проч. богослужебных предметов и употребление их для революционных целей (перешивание на флаги и т. д.); недопустимо также снятие серебряных риз и украшений с икон, крестов, евангелий и престолов». Все подобные действия, «во первых, совершенно неправомерны, так как никакого общего распоряжения об изъятии из храмов предметов культа, хотя бы и сделанных из драгоценных металлов, до сих пор не было издано, и, во вторых, не целесообразны, так как затрагивают религиозные чувства части граждан и, кроме того, разрушают и обесценивают сами предметы». Затем циркуляр рекомендовал необходимую тактичность по отношению к религиозным предметам и служителям религии. При обысках в храмах (тогда была эпоха обысков) предписывалось их делать в присутствии представителя религии (священника) и соблюдать корректное отношение к религиозным чувствам, избегая всяких действий, не вызываемых необходимостью и могущих казаться оскорбительными. При удалении икон из общественных мест указывалось отнюдь не делать из этого анти-религиозной демонстрации и передавать взятые иконы для хранения в храмах и часовнях. При уплотнении и выселении из бывших церковных зданий ставилось в обязанность «избегать всякого неприличествующего рабочей власти отношения к отдельным личностям, хотя бы сколько-нибудь похожего на издевательства». Совершенно неправильно,—разъяснил циркуляр,—применять к служителям культа, в виде особой кары, принудительное привлечение к трудовой повинности в виде очищения улиц и других черных работ. Это только озлобляет верующих и противоречит декрету Совета Нар. Ком. от 10 дек. 1918 г. При ликвидации монастырей в среде монастырского населения следует различать трудовые элементы и тех, кто их эксплоатировал, и необходимо не лишать эти трудовые элементы, на общих для всех граждан основаниях, пользоваться правами, предоставляемыми законами о земле, о социальном обеспечении

и т. д. Большие общежительные монастырские корпуса рекомендовалось использовать наиболее рационально: для устройства ясель, пролетарских квартир, учреждений здравоохранения и т. п. При национализации монастырских образцовых хозяйств вменялось в обязанность передавать их местным соответствующим организациям коммуны со всем их оборудованием, без разрушения их хозяйственного значения. В применении репрессий к духовенству кое-где стали практиковать пожизненную административную ссылку в монастыри или пожизненную высылку из пределов губернии. Циркуляр говорил, что такие меры нецелесообразны и незаконны, ибо пересылка контр-революционного духовенства из одной губернии в другую не обезвреживает их, а с точки зрения наказания ссылка не соответствует революционному сознанию и не предусмотрена ни одним декретом советского правительства. Точно так же противозаконным циркуляр считал запрещение, в качестве репрессии, служителям культа какой бы то ни было проповеди в храмах на религиозные темы, или воспрещение всяких собраний верующих для выяснения хозяйственных или вероисповедных нужд, если такая мера не вызывается «условиями данного момента и конкретной опасности в контр-революционном отношении». Наконец, незаконными комиссариат юстиции признавал и такие меры, применяемые иногда местными властями, как—запрещение группам верующих производить добровольные сборы-складчины на нужды культа (хотя тут же оговаривалось, что «принудительное взыскание таких сборов, хотя бы под страхом только церковных кар, недопустимо»); требование о венчании граждан, расторгнувших церковный брак в гражданском только порядке (такое требование не соотвествует самому принципу отделения церкви, являясь как бы косвенным признанием со стороны советских властей церковного брака); отобрание у служителей культа, на-ряду с метрическими книгами, книг так назыв. брачных обысков (эти книги к метрическим не относятся и отобранию не подлежат); запрещение служителям культа вести свои церковные записи крещений, браков, погребений или оставить у себя копии метрических книг (то и другое вполне дозволительно). Между прочим последним пунктом разъяснения комиссариата юстиции устанавливалось, что если церковь находила нужным, для своих целей, продолжать церковную метрикацию, то могла делать это беспрепятственно, только церковные записи теряли всякое гражданское значение.

II.

С изданием инструкции 24 авг. 1918 г. практика отделения церкви от государства получила для себя руководственные нормы и могла стать

на твердую почву. Для проведения в жизнь декрета 23 янв. теперь были образованы и особые органы в виде особых отделов при местных совдепах, получивших название «ликвидационных» или «отделов по отделению церкви от государства». Народный комиссариат юстиции начертал для этих отделов определенный план работы и поручил им неукоснительно следить за срочным исполнением предписаний инструкции 24 авг. (см. в журн. «Революция и Церковь», № 1, стр. 36). Однако, работа этих отделов оказалась настолько сложной, что об исполнении ее в двухмесячный срок не пришлось думать. Проведение в жизнь январского закона затянулось, по меньшей мере, на год, а в иных местах и дольше. Даже в столицах декрет не получил реализации еще и к весне 1919 года. Относительно Петрограда вполне осведомленный автор, работник комиссариата юстиции, по отделению церкви (М. Горев), писал в московских «Изв. ВЦИК» от 11 марта, что там «до настоящего времени капиталы от церквей не отобраны, описи имущества служителями культа не представлены, храмы группам граждан, на основании договора с местным совдепом, не переданы..., громадный петроградский свечной завод не национализирован... домовые церкви, находящиеся при различных, даже советских установлениях, богадельнях, приютах и проч., не везде закрыты.... метрические книги от церквей до сих пор не отобраны, и выписи из них, в явное противодействие постановлениям советской власти, продолжают духовенством по-прежнему выдаваться». По сведениям комиссариата юстиции, в Ярославле к началу апреля 1919 г. декрет об отделении церкви на территории всей Ярославской губ. еще почти не проводился в жизнь, что вызвало специальные указания комиссариата («Революция и Церковь» 1919 г., № 2, стр. 41). В Рязани самая инструкция 24 авг. и разъяснения к ней были получены только в феврале 1919 г., и лишь в мае месяце было приступлено к проверке и сдаче церковного имущества («Революция и Церковь» № 6—8, 1919 г., стр. 108). В уездах Тамбовской губернии до осени 1919 г. не было даже попыток ввести гражданскую метрикацию, и метрические книги велись по старому служителями культа (см. в том же № «Революция и Церковь», стр. 109). В Тверской губ. проведение декрета не было закончено и к концу 1919 г. (там же, стр. 118). Вообще в провинции процесс реализации закона о церкви шел медленным темпом, и ход его всецело зависел от местных деятелей. Недостаточно исполнительных и малодеятельных провинциальных работников подтягивал VIII отдел комиссариата юстиции, ведавший реализацией декрета в общегосударственном масштабе (так, напр., было в Нижнем-Новгороде, Пензе и пр.—см. «Революция и Церковь», № 1, стр. 43, 44). Тем не менее

и в средине 1920 года оставались еще местности, где ликвидация церковных обществ в смысле закона 23 янв. не была окончательно проведена. Между прочим это видно из 1-го пункта резолюции 3 съезда деятелей советской юстиции от 25 июня 1920 г., выражавшего пожелание, чтобы дело проведения декрета об отделении церкви велось более последовательно и решительно («Революция и Церковь», № 6—8, стр. 117; ср. 1922 г., № 1—3, стр. 68). Впрочем, в 1920 году неосуществленными оставались разве лишь некоторые частные стороны декрета (главным образом—передача храмов), и то лишь в отдельных случаях. В общем надобно признать, что главная работа по планомерному проведению в жизнь церковных мероприятий революционного законодательства падает на 1919 год, и в следующем году разве лишь заканчивались отдельные упущения.

Период реализации декрета об отделении церкви был вместе с тем временем дальнейшего уяснения отдельных положений январского закона, предусмотреть все случаи применения коего к жизни заранее было трудно; да и жизнь с своей стороны предъявляла ряд запросов и недоразумений, побуждавших откликаться центрально-руководственный аппарат.

Между прочим, 7-го декабря 1918 г. был издан новый декрет о кладбищах и похоронах (№ 271 Изв. ВЦИК), дополненный инструкцией к нему от 29 янв. 1919 г. (№ 15 «Изв. ЦИК», 1919 г). Этими узаконениями заполнялся пробел декрета 23 янв., ничего не говорившего о кладбищах и, таким образом, оставлявшего их как бы в ведении церкви, потому что кладбища не подходили под общие понятия богослужебного или церковного имущества, а равно—доходной статьи. Между тем, с точки зрения революционного государства, отрешившегося от исповедной принадлежности и стремившегося обеспечить гражданам удовлетворение всех их житейских потребностей в порядке чисто гражданском, национализация кладбищ была необходима. По декрету 7 дек. 1918 г. «все кладбища, крематории и морги, а также организация похорон граждан» (похоронные бюро) передавались в ведение местных совдепов. Для всех граждан устанавливались одинаковые похороны. Религиозные похоронные обряды в храме и на кладбищах допускались по желанию родственников умершего за их собственный счет. Инструкцией 29 янв. 1919 г. устанавливался двухнедельный срок, в течение коего отделы муниципально-коммунального хозяйства местных совдепов обязаны были принять в свое ведение кладбища и прочие места погребения. (Распоряжения о кладбищах см. также в журн. Революция и Церковь 1919 г., № 1, стр. 29—30).

Мы уже отметили выше, что при осуществлении декрета об отделении церкви наиболее щекотливым и сложным делом была национализация богослужебных помещений и богослужебного имущества. Естественно, что по данному предмету потребовались неоднократные разъяснения и указания центра, как надо проводить дело на местах. Разъяснений требовали различные обстоятельства. Так, особенно в первое время, часто возникал вопрос о домовых церквах. Об них не было специального упоминания в декрете 23 янв. и в инструкции 24 авг. Но ликвидация их сама собою вытекала из тех пунктов названных узаконений декрета, которыми устанавливалось удаление религиозных принадлежностей из общественных и публичных мест и воспрещение совершать в таких местах религиозные обряды, служения и т. п. Домовые церкви обычно находились при разных учреждениях, учебных заведениях, больницах, тюрьмах и т. п. Так как учреждения эти сделались советскими, то закрытие церквей в зданиях таких учреждений следовало логически. Но дело осложнялось на практике различными обстоятельствами. Для сохранения домовых церквей в некоторых случаях духовные власти стали открывать при них приходы и выдавать их за приходские, при чем заявления эти подкреплялись ходатайствами верующих о сохранении церкви в их пользовании. В виду такой постановки дела в народный комиссариат юстиции посылались нередко запросы, как быть в том или ином случае. На подобные запросы, касающиеся советских учреждений и школ, обыкновенно ответ давался тот, что оставление церквей в таких зданиях не может быть допущено, так как к тому нет законных оснований (см. «Революция и Церк.» 1919 г., № 2, стр. 45). Образование приходов достаточным основанием не признавалось и с такими действиями церковного управления рекомендовалось совсем не считаться, так как постановления патриарха, архиепископов и других духовных лиц для советской власти в вопросах о передаче церквей никакого значения не должны иметь, как постановления частных лиц. В частности никакое постановление патриарха или других духовных лиц не может домовую церковь, составляющую часть здания, приспособленного для общеполезных целей, обратить в церковь приходскую» («Револ. и Церк.», № 2, стр. 46). Однако, в отношении больниц и тюрем вопрос разрешался не так просто. Больные и заключенные не теряли своего права на удовлетворение религиозных потребностей, а выходить из больниц и тюрем не могли. Поэтому в отношении их на практике была сделана та уступка, что разрешалось, в определенные дни и часы, в известной части помещения больницы или тюрьмы (конечно, удобнее всего было в прежней церкви), совершать религиозные обряды и службы

по желанию больных или заключенных («Револ. и Церк.», № 2, стр. 46; № 6—8, стр. 111—112).

Богослужебные здания и предметы, имеющие историческое, художественное и археологическое значение, как выше указано, должны были передаваться в пользование верующих с особыми предосторожностями, обеспечивающими их сохранность. Обычно на практике не ставилось препятствий к передаче и таких храмов и предметов группам верующих. Но в отдельных случаях, как целые храмы, так и особенно отдельные предметы обращались в музейные и в отношении пользования ими общие правила уже теряли силу. Между прочим, в 1920 г. декретом от 20 апр. были обращены в музейные историко-художественные ценности Троице-Сергиевской лавры (Собр. Узак. 1920 г., № 27, ст. 133).

Представителей церкви сильно беспокоил вопрос, не будут ли богослужебные здания использоваться иногда для не-религиозных целей, не превратятся ли храмы в театры, кинематографы и т. п. Инструкция 24 авг. уже гарантировала на этот счет интересы религиозного чувства. Но местная практика не всегда считалась с указаниями инструкции, и в комиссариат внутренних дел посыпались жалобы и донесения об использовании молитвенных зданий для политических собраний, митингов и лекций, а многие местные советские организации и прямо испрашивали разрешения занимать церковные здания для целей просветительных и политических. По этому поводу комиссариат внутренних дел нашел нужным циркулярно (от 23 февр. 1919 г.,—см. «Револ. и Церк.», № 2, стр. 39) подтвердить, что «согласно декрету специально богослужебные здания отдаются в бесплатное пользование религиозных обществ. и хотя это не исключает безусловно возможности иногда использовать упомянутые здания для культурно-просветительных и общественно-политических целей, однако, народный комиссариат внутренних дел строжайше предписывает допускать использование зданий религиозных обществ для указанных выше целей только при наличии следующих условий: если, во первых, действительно в данной местности ощущается острый недостаток в зданиях и помещениях. Если, во вторых, большинство членов местной религиозной общины или прихода не возражает против использования здания, или, тем более, даже сочувствует ему. Если, в третьих, гражданские собрания не стесняют отправления богослужения. Если, наконец, местный исполнительный комитет в состоянии обеспечить такой порядок гражданских собраний в храмах и молитвенных домах, при котором участники этих собраний не оскорбят каким-либо образом предметов, почитаемых верующими за священные. При несоблюдении перечисленных условий, занятие зданий религиозных обществ

для гражданских целей народный комиссариат внутренних дел будет считать противозаконным, а виновников будет привлекать к строгой ответственности». При наличии действительного недостатка помещений здания храмов рекомендовалось, обычно, использовать для школьных занятий. В этом направлении в 1920 году тем же комиссариатом внутренних дел было сделано распоряжение, в виду тяжелого положения, созданного занятием помещений для нужд фронта, утилизировать для школьных занятий здания храмов, без различия культов. Для этого предлагалось: предложить религиозным группам уступить отделам нар. образования часть помещения храмов так, чтобы религиозные потребности населения без ущерба для верующих могли осуществляться в оставшихся храмах (« Револ. и Церк. », № 6—8, стр. 117). В том же смысле делал разъяснения и нар. комиссариат юстиции, на запросы с мест, что «с точки зрения всего духа советского законодательства, советы в праве, на основании декрета об отделении церкви от государства и национализации зданий, утилизировать для неотложных общеполезных нужд и здания храмов», при чем, однако, необходимо избегать произвольного стеснения жителей в отправлении религиозных нужд и всякое мероприятие проводить так, «чтобы большинству трудящихся данной местности был бы ясен смысл и обоснование мероприятия» (« Револ. и Церк. », № 6—8, стр. 114). Постановлением ВЦИК от 13 июня 1921 г. было вообще разъяснено всем местным властям, что при заключении договоров с группами верующих о передаче им в пользование богослужебных зданий, по соглашению могут быть вносимы в самый договор пункты, допускающие использование этих зданий и для других, не богослужебных целей, как-то: публичных собраний, митингов, концертов, бесед, диспутов, преподавания каких-либо предметов, устройства курсов, лекций и т. п. (« Револ. и Церк. », № 1—3, 1922 г., стр. 52).

III.

Не мало разъяснений со стороны руководящих органов потребовала практика ликвидации монастырей. Монастыри играли в церковной жизни всегда роль религиозных центров, вдохновляющих церковную массу и стоявших на страже «устоев» церковности. В борьбе церкви с декретом 23 янв. монастыри явились крепкой церковной цитаделью, и в интересах революционного законодательства было скорейшим образом обезоружить эти цитадели. Но вопрос о монастырях оказывался сложнее, чем о приходских церквах. В монастырях осуществлялись разнообразные функции: не только религиозные, но и хозяйственно-экономические.

С одной стороны, монастыри были местом удовлетворения религиозных потребностей местного населения, с другой стороны, они были религиозными институтами, преследующими задачи религиозного подвига; наконец, они часто были сельскими хозяевами, ведущими большое хозяйство, при чем сама монастырская община получала иногда характер трудовой общины. При применении к монастырям декрета об отделении церкви приходилось принимать во внимание все эти стороны монастырского института, для чего ни в законе 23 янв. 1918 г., ни в инструкции 24 авг. не давалось исчерпывающих указаний. Естественно, что на местах стали сразу же запрашивать разъяснений центра, как быть с монастырями. VIII отдел комиссариата юстиции на местные запросы разъяснял («Револ. и Церк. . № 7. 1919. стр. 39—40), что «судьба монастырей зависит от усмотрения местных совдепов в смысле предназначений, какие он найдет им нужным дать, как-то: санатории, фермы, учебные заведения, помещения для увечных воинов или же приспособление для каких-либо хозяйственных надобностей. Монастырские же церкви передаются верующим соответствующей религии в порядке ст. 4 сл. инструкции об отделении церкви от государства». Жилые помещения монастырей могли быть использованы и для смягчения острой квартирной нужды, в каких случаях рекомендовалось не останавливаться перед очищением их от нетрудового элемента обитателей монастырей. Монастырские предприятия и доходные имущества должны поступать в распоряжение соответствующих местных хозяйственных органов. Монахи могут образовывать свои общежития на общих для всех граждан основаниях по соглашению с местным совдепом». «Монахам можно предоставить соответствующие помещения или в общем порядке, или в порядке соглашения, в зависимости от местных конкретных условий . Но во всяком случае, если бы монастырские помещения или часть их и была предоставлена монахам, «все хозяйство и управление должно находиться в руках совдепов и под их контролем .

С церковной стороны принимались свои меры, чтобы как-нибудь сохранить монастыри от ликвидации. Меры эти сводились к тому, что около монастырей организовывались приходы, устраивались особые братства защиты монастырей, а монахам рекомендовалось преобразовать монастырские общежития в земледельческие коммуны и трудовые артели. Советское законодательство скоро заметило эти обходные пути и со своей стороны старалось парализовать всякие попытки косвенным образом обойти декрет 23 янв. и преследуемые им задачи. С новообразуемыми приходами рекомендовалось местным властям совсем не считаться, тем более, что приходы вообще не могут иметь юридического существования

Никаких действий и заявлений от лица приходов, имеющих какое бы то ни было юридическое значение, быть не может. Поэтому, местные советы должны руководиться только инструкцией к декрету о передаче богослужебных зданий и предметов группам граждан и на этом основании передавать или не передавать им монастырские богослужебные помещения («Револ. и Церк.» 1919 г., № 2, стр. 43). Передача монастырских храмов верующим ставилась на практике в зависимость от наличия действительной нужды в богослужебном помещении, от отдаленности других церквей и, главное, от способа использования жилых и хозяйственных строений монастыря. В случае устройства в монастыре учебных заведений, приютов и т. п., храмы на территории монастыря могли и подлежат закрытию. При размещении в монастырях советских учреждений, если бы храмы все-таки были переданы верующим, требовалась их изоляция посредством устройства заборов, отдельных ходов и проч. (См. «Револ. и Церк.» 1919 г., № 3—3, стр. 62—64).

Что касается образования монастырских коммун (при чем обыкновенно коммуна брала в пользование и богослужебные здания и имущества), то вопрос о дальнейшем существовании монастыря в качестве земледельческой коммуны разрешался в порядке общих правил о таких коммунах. Комиссариат юстиции при этом требовал только, чтобы земельные отделы наблюдали все законы о землепользовании и о передаче земель, инвентаря и строений, имеющих хозяйственное значение, в руки трудовых элементов, и «чтобы под видом коммуны не создавались фиктивно прежние монастырские общежития со всеми их характерными особенностями». Существенной и самой действительной мерой для этого считался «полный запрет коммунам, артелям и т. п. использовать монастырские храмы и служения» как источник доходов. Для образования коммуны считалось правоспособным только трудовое, рабочее население монастыря. Что же касается монашеских и нетрудоспособных элементов, то пребывание их в коммуне ставилось всецело в зависимость «от самих полноправных членов коммуны, с одной стороны, с другой—от советских учреждений, ведающих вопросы социального обеспечения». Трудоспособным монахам, не обладающим правом вхождения в коммуну в качестве полноправных членов, позволялось, по усмотрению общего собрания полноправных рабочих элементов коммуны, принимать участие в производительных работах коммуны и пользоваться пайком довольствия («Револ. и Церк.» 1919 г., № 1, стр. 40—41; № 2, стр. 43). Идеей коммуны воспользовались многие монастыри и, таким образом, сохранили за собой в измененной форме прежнее существование, конечно, в меньшем хозяйственном масштабе. Некоторые монастырские

коммуны, действительно, вступили на путь мирного труда и дали довольно успешные результаты (см. «Револ. и Церк.» 1919 г., № 6—8, стр. 122; 1922 г., № 1—3, стр. 40—41). Однако, наряду с этим практика показала, что под видом коммун, трудовых артелей и т. п. прозябались и фиктивные общины, на самом деле сохранявшие прежний монастырский тип. По наблюдению комиссариата юстиции, предпринявшего просмотр уставов подобных коллективов, оказалось, что в полноправные члены коммуны зачисляется весь старый персонал монастыря, с монастырской иерархией, и, по-просту, коммуна представляет тот же монастырь. В виду такого направления монашеской тактики центральная власть предприняла меры к ограничению пользования коммунальной и артельной формой для монашествующих и к сокращению деятельности монашеских коммун. На третьем съезде деятелей советской юстиции в 1920 г. было постановлено между прочим «признать недопустимым и противоречащим интересам революции предоставление религиозным коллективам особых прав и привиллегий (прав земледельческих коммун, производственных коммун)» («Револ. и Церк.» 1919 г., № 6—8, стр. 117). После этого советские органы стали строже следить за монастырскими коммунами и принимать меры к ликвидации фиктивных коллективов... В 1921 г. ряд монастырских коммун был ликвидирован; другие были очищены от монашеских элементов («Револ. и Церк.» 1922 г., № 1—3, стр. 41—43).

Общие итоги ликвидации монастырей, применительно к декрету об отделении церкви, к осени 1920 г. выражались в следующих цифрах. По сведениям комиссариата юстиции, на всей территории советской России всего было ликвидировано 673 монастыря. Трудовому крестьянству передано 827.540 десятин монастырской земли. Капиталов от монастырей изъято 4. 247. 667. 520 руб. *). Национализировано: заводов —84, молочных ферм —436, скотных дворов—602, доходных домов—1,112, гостиниц и подворий—704, пасек—311, больниц и приютов—277. В монастыри вселено около 1.680,000 рабочих, красноармейцев, учащихся и других трудящихся. Монастыри использованы: под санатории и здравницы—48, под учреждения социального обеспечения—168, под школы, курсы и проч. учреждения Наркомпроса—197, под больницы, лазареты, санитарные городки и прч. учреждения Наркомздрава—349, под родильные приюты и дома ребенка—2, под совет-

*) Общая сумма капиталов, изъятых от церковных учреждений, исключая Украину, Кавказ и Сибирь, к 1922 году была около 7.150.000.000 рубл. («Рев. и Церк.» 1922 г., № 1—3, стр. 71).

кие учреждения—287, под учреждения военного ведомства—188, под места заключения—14. («Револ. и Церк.» 1920, № 9—12, стр. 83—84). Самый монашеский институт, после ликвидации, почти распался. В новых условиях оставаться в монастырях многим монахам самим не захотелось, и вскоре после декрета 23 янв., особенно же во второй половине 1918 г., из монастырей началось повальное бегство монашествующих. Местные власти стали спрашивать центр, как быть с опустевшими монастырями: по старой привычке на местах иногда казалось, что бегство монашествующих «не порядок» («Револ. и Церк.» 1919, № 1 стр. 27).

В 1921 году было ликвидировано еще 49 монастырей («Револ. и Церк.» 1922, № 1—3, стр. 72).

IV.

Весьма важные для церковной стороны разъяснения были сделаны по указаниям практики, в отношении постановки религиозного обучения зак. божию, преподавание коего декретом было воспрещено во всех школах. Церковь, как известно, энергично протестовала против этого мероприятия. Но когда она увидела бесплодность протестов, то представители церкви надеялись, по крайней мере, что им удастся заменить школьное преподавание зак. божия учащимся частно-церковным. С этой целью церковная власть делала специальные распоряжения об организации религиозного обучения вне школы, под руководством церкви, в храмах или других помещениях. В петроградской епархии, например, было выработано особое положение «об организации религиозно-нравственного воспитания детей и подростков». Руководство этим делом взяли на себя органы местной церковной власти—епархиальные советы. Но предположения церковников о такой замене школьного обучения частным не оправдались. Хотя ни в декрете 23 янв., ни в инструкции 24 авг. 1918 г. ничего не говорилось о воспрещении вообще преподавания зак. божия детям, а, напротив, было сказано, что обучение религии частным образом дозволяется, но точка зрения революционного законодательства на этот счет оказалась более строгой, чем можно было думать по букве декрета и инструкции. Руководящие органы по отделению церкви от государства стали разъяснять, что детям до 18-летнего возраста, т. е. до периода зрелости, когда граждане могут сознательно разобраться в религиозном вопросе, преподавание всех вероучений не разрешается и частным образом. Лицам же после 18-летнего возраста преподавание зак. божия не возбраняется вне школ и учебных заведений, при чем от местного совдепа зависит, какое помещение предоставить для этого.

если будет заявлено о том ходатайство. Храм или другое здание. Между прочим, комиссариат юстиции предупреждал местные органы, что разрешение на открытие религиозных школ не может быть даваемо епархиальным советам или другим органам церковного управления, так как такие органы не имеют прав юридического лица. Правомочными заявителями считались лишь отдельные граждане, а не церковные объединения, так что ходатайства следовало возбуждать от частных лиц, а не религиозных коллективов. («Револ. и Церк.», 1919, № 3—5, стр. 68—69). Такое воспрещение преподавания закона божия лицам до 18-летнего возраста было повторено и в постановлении В. Ц. И. К. от 13 июня 1921 г. («Револ. и Церк.» 1922, № 1—3, стр. 52). В результате этих постановлений церковная организация религиозного обучения детей школьного возраста должна была прекратиться. Духовенство стало тогда устраивать преподавание зак. божия взрослым, а церковные областные объединения начали заводить у себя специальные богословские училища. Однако, нужно заметить, что оба эти способа лишь в весьма ограниченной мере заменили прежнее религиозное обучение. Обучение взрослых закону божию привилось плохо, в силу своих неудобств. Богословские же школы, во первых, были открыты далеко не во всех епархиях; во вторых, их сфера действия очень узкая и цель их больше практическо-профессиональная—подготовка служителей культа. Нельзя отрицать, поэтому, что революционное законодательство в отношении религиозного обучения достигло весьма больших ограничительных результатов. И если конечная цель вероисповедной политики новой государственности, по заявлениям ее руководителей (см. «Револ. и Церк.»), заключается в постепенной, по возможности безболезненной, ликвидации «религиозных предрассудков», то данная законодательством постановка вопроса о религиозном обучении обещает в значительной степени приблизить достижение означенной цели.

Руководящие советские органы, как только что упомянуто, между прочим держались того принципа, что государство не должно признавать никаких религиозных объединений. Эта точка зрения также нуждалась иногда в более определенном выяснении, потому что в декрете 23 янв. она не устанавливалась вполне ясно. Хотя религиозные общества, по декрету, и лишались прав юридического лица, но все юридические последствия этого принципа были не всегда ясны местным работникам, да не всегда понимало их и духовенство. По старой привычке, а отчасти и напуганное новшествами, духовенство устремилось за всякими разрешениями теперь к гражданской власти и начало просить об утверждении всяких «уставов» религиозных объединений, не отдавая

нимо себе отчета, что подобное утверждение равносильно признанию юридического значения данного объединения. Союзы духовенства, союзы приходов, комитеты епархиальные и уездные — все потянулись за гражданской регистрацией. И местные органы власти, очевидно, считали это в порядке вещей. Они, действительно, стали регистрировать уставы церковных объединений и даже такие, где содержались пункты, противоречащие декретным положениям. Даже в Петрограде в 1920 году, например, был зарегистрирован устав «общества православных приходов Петрограда и губернии», в коем, между прочим, обществу предоставлялось право организации уроков закона божия для взрослых и детей. В провинции встречались регистрированные уставы, где церковные общества усваивали себе прямо право юридического лица. Комиссариат юстиции обратил внимание на подобные явления и стал энергично указывать, что религиозные объединения по смыслу закона, могут существовать исключительно в качестве совершенно частных объединений (вроде спортивных, шахматных и других кружков), и всякие их уставы, устанавливающие внутренний распорядок жизни этих обществ, ни в какой санкции советской власти или регистрации не нуждаются. Вследствие этих указаний при перерегистрации всех обществ церковным объединениям стали отказывать в регистрации: отказано было и петроградскому обществу православных приходов. (Револ. и Церк. 1922. № 1—3, стр. 76).

Не совсем ясным был в основных законоположениях относительно отделения церкви вопрос о способах дальнейшего содержания служителей культа, храмов и церковных организаций. Закон разрешал только сборы-складчины верующих, да и то исключительно добровольные. Спрашивалось, однако, в какой форме могут существовать такие сборы, в каком масштабе, и насколько дозволительно такие источники прежних церковных доходов, которые под понятие складчины подвести было трудно, например, свечной доход? Затем, как быть со способами содержания административных церковных учреждений? Стоя на букве закона, можно было счесть запрещенными даже всякие складчины-сборы на какие-либо церковные нужды, выходящие за непосредственные пределы данной группы верующих. К такому именно буквальному толкованию и склонялись указания руководящего советского аппарата. Так, например, ограждая право добровольных сборов-складчин на нужды культа против незаконных запрещений всяких сборов, комиссариат юстиции в то же время устанавливал, что дозволенные добровольные сборы-складчины должны быть производимы «лишь на нужды определенного храма, часовни, молитвенного дома» (3 апреля 1919 г. Револ

и Церк.» 1919. № 6—8. стр. 116). Выходило, значит, что на нужды церковного управления производить сборов нельзя, а равно и на нужды духовного образования. На этом основании комиссариатом юстиции был признан незаконным установленный церковным собором сбор в общецерковную кассу под названием «церковная лента» («Револ. и Церк.» 1919 г., № 6—8, стр. 116). Однако, практика строго не соблюдала такого принципа. Так как, в конце концов, и нужды церковного управления, и нужды богословского образования являются нуждами и каждого прихода, и каждой группы верующих, то логика революционного законодательства не требовала непременно настаивать на узко-буквальном толковании пункта о церковных сборах. Фактически на содержание церковных учреждений стали делаться как отдельные сборы, так и отчисления от других церковных доходов, и местные органы гражданской власти не стали опротестовывать этой практики.

Нечто подобное случилось и с свечным доходом, игравшим доста точную роль в церковном бюджете. Сначала церкви и церковные учреждения пользовались этим доходом беспрепятственно. С национализацией свечных заводов они стали покупать свечи на заводах по установленным ценам, а продавать по-прежнему по повышенным. Советские органы нашли, однако, ненормальным подобное явление, чтобы путем перепродажи продукта государственного производства церкви извлекали доход, и последовало разъяснение, что подобные продукты церковного обихода (свечи, вино, ладан, парча, иконы и проч.) должны отпускаться группам верующих в минимальном количестве и с непременным условием—не перепродавать эти материалы и продукты по повышенным, с целью извлечения дохода, ценам («Револ. и Церк.» 1920. № 9—12, стр. 71). Тем не менее, практика не выдерживала строго такого правила, и свечной доход фактически остался. Кажется, с ним примирился и руководящий государственный аппарат. По крайней мере, в связи с новой экономической политикой комиссариат юстиции давал местам толкование, что лица, производящие в храме торговлю просфорами, свечами, крестиками, иконами и т. п. должны быть облагаемы патентным сбором наравне со всеми торговыми предприятиями («Револ. и Церк.» 1922. № 1—3, стр. 68). Очевидно, при этом разумелось, что продажа свеч и проч. дает доход. Кстати, некоторые местные исполкомы хотели применить «НЭП» и к религиозным потребностям и возбудили вопрос об обложении групп верующих, пользующихся храмами, особым налогом. Комиссариат юстиции на это ответил, что по декрету храмы передаются группам граждан в бесплатное пользование и обложение особым налогом самого культа является неприемлемым («Револ. и Церк.» 1922. № 1—3, стр. 68).

Содержание духовенства после отделения церкви от государства должно было лечь исключительно на средства самих верующих, а фактически дело свелось к тому, что духовенство осталось при одном почти источнике дохода — плате за требы и даяниях верующих. В селах, где служители культа имели подсобное хозяйство, их положение не было особенно затруднительным. Но в городах материальный вопрос обстоял для духовенства хуже, и потому естественно, что многие служители культа устремились на советскую службу, которая помогала им отразить и их правовое положение. Однако, революционное законодательство в данном отношении установило свои ограничения. Постановлением Наркомпроса от 3 марта 1919 г. лицам, принадлежащим к духовенству всех вероисповеданий, строго воспрещалось занимать какие-бы то ни было должности во всех школах; священник духовный сан разрешалось занимать таковые должности лишь с особого каждый раз разрешения комиссариата просвещения (опублик. в № 57 Изв. ВЦИК 1919 г.). Постановление Совнаркома «о порядке предоставления работы служителям религиозного культа» от 24-го января 1921 г. (Собр. Узак. 1921. № 8, ст. 56), служителям культа разрешалось предоставлять должности в советских учреждениях, во первых, лишь уездных и губернских городов, но ни в коем случае в сельских местностях; во вторых, служителям культа не разрешалось вовсе занимать должностей в отделах нар. образования, юстиции, земледелия, раб.-кр. инспекции, управления и ком. продовольствия; в третьих, воспрещалось служителям культа предоставлять должности, оплачиваемые выше 16-го разряда тарифных ставок союза советских работников. При исполнении служебных обязанностей в советских учреждениях служители культа обязывались быть в гражданской одежде.

В отношении прав на социальное обеспечение служители культа не были ограничены по сравнению с другими гражданами. Вдовы и сироты их также подпадали под действие положения о социальном обеспечении от 31 окт. 1918 г. («Револ. и Церк.» 1919, № 1, стр. 33). Но конституция Советской Республики (ст. 65) лишила духовенство избирательных прав. Впрочем, впоследствии разъяснялось, что это ограничение относится только к праву их избирать и быть избранными в местные советы и не лишает их права участвовать в других местных организациях и объединениях, как-то: кооперативных, профессиональных и других обществах и т. п. (Нарком. юстиц. письмо от 13 июля 1921 г. в № 22 Вести. Петросовета).

В своем месте мы отметили, что п. 6-й декрета об отделении церкви угрожал служителям культа привлечением их к военной повинности. Хотя и давал надежду на некоторый компромисс в данном

...ления, должна, по суду, замену одной повинности другою. В дополнение к этому пункту от 4 янв. 1919 г. появился декрет Совнаркома (Собран. Узак. 1919. № 17, ст. 192) об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, коим точнее устанавливался порядок возбуждения дел такого рода. Этим декретом предоставлялось лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, по решению народного суда, заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой преимущественно в заразных госпиталях, или иной соответствующей общеполезной работой, по выбору самого призываемого. Данное узаконение, конечно, имело в виду прежде всего сектантов. Но оно могло применяться и к православному духовенству, поскольку для последнего несение прямой военной службы не мирилось с требованиями церковных правил. Действительно и фактически духовные лица иногда стали прибегать к приведенному исходу для освобождения от воинской повинности. Советская юстиция заметила, что декретом 4 января 1919 г. начинают пользоваться непредусмотренные лица и нашла нужным внести свои некоторые коррективы. Указание на необходимые коррективы были сделаны на 3-м съезде деятелей советской юстиции в 1920 г., и вместо того закон 4 янв. 1919 г. был дополнен новыми узаконениями, имевшими целью ограничить его применение только к сектантам и отдельным лицам, действительно своею жизнью и убеждениями доказавшим искренность своих убеждений. Тем не менее, и помимо закона об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям для лиц священного сана в период гражданской войны обычно делалось так называемое, что их не брали непосредственно на военную службу, а заменяли ее другими обязанностями. Это делалось, может быть, и не во внимание к сану, а просто потому, что соответствующие лица не годились быть воинами.

V.

Наиболее логическим деянием революционного законодательства об отделении церкви было установление гражданской метрикации. Ведение актов гражданского состояния церковью было явлением совершенно ненормальным и, конечно, ни с какой точки зрения неоправдываемым, кроме разве интересов государственной казны. Организация гражданской метрикации требовала оплаты соответствующих чиновников, а духовенство за эту работу ничего не получало. Поэтому, казалось бы, жизнь должна была всего скорее пойти здесь навстречу декретному предписанию о ведении актов гражданского состояния в государственных

учреждениях. На самом деле, однако, передача метрикации из церковных рук в гражданские встретила значительные затруднения. С одной стороны церковники, раньше, до революции, выказывавшие неудовольствие, что духовенство заставляют вести метрики, теперь вдруг заволновалось за эти метрики и никак не хотело их выпускать из своих рук. Патриаршее управление еще в ноябре 1918 года издавало указ об обязательном ведении причтами метрических книг по-прежнему и даже,—удивительный анахронизм,—об оплате гербовым сбором метрических выписей (см. указ. синода от 31 окт.—13 ноября 1918 г. в «Петрогр. Церк. Вести.» 1918, № 27). Церковная власть, как мы видели, ни за что не хотела отдавать и самых метрических книг. С другой стороны, население оказалось также чрезвычайно консервативным и готово было вместе с церковными властями отстаивать старый порядок. Малосознательные массы отнеслись прямо враждебно к гражданской метрикации, особенно в деревне (см., например, «Револ. и Церк. 1919, № 2, стр. 35), и упорно держались церковных метрик. Поэтому, когда уже были организованы соответствующие отделы в советских учреждениях, первоначально в них было мало записей и население шло больше по-прежнему к духовенству, тем более, что самое изъятие метрических книг из церквей задержалось до конца 1918—средины 1919 г.г. Между прочим, дело гражданской метрикации, первоначально сосредоточенное в комиссариате юстиции и юридических отделах, с изданием «кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» от 16 сент. 1918 г. (Собран. Узак. № 76—77, стр. 818) было передано в комиссариат внутренних дел. В связи с этой передачей и вообще неустойчивостью в первое время самого советского аппарата также происходили задержки в осуществлении гражданского ведения актов состояния. Как бы то ни было, но до конца 1918 года метрические записи производились больше в старом, чем в новом порядке. Гражданская метрикация стала прививаться успешнее лишь в 1919 году, когда и метрические книги, в большинстве случаев, уже были отобраны от церковников, и население больше свыклось с новым порядком, а главное, почувствовало невозможность обходить его, ибо церковные записи не имели гражданского значения; метрики же оказались особенно необходимы в связи с выдачей продовольственных карточек. Духовенство, разумеется, большей частью не воспользовалось предоставленным ему правом снять копии с метрических книг, так как это было дело не легкое. Но церковные записи крещений могли продолжаться, и таким путем в руках церкви сохранялся способ учета той части нового поколения, которую церковь могла считать к себе принадлежащей.

В аналогичном положении с гражданской метрикацией стоял вопрос о гражданском браке и разводе. Церковь метала громы на революционное законодательство за соответствующие узаконения и грозила всякими церковными карами тем, кто будет прибегать, помимо церкви, к услугам гражданского брачного и бракоразводного аппарата. Но в этих церковных запрещениях не было разумной логики. Государство не запрещало, ведь, церкви ни венчать, ни разводить, в порядке религиозных действий. Оно только отказалось признавать за такими действиями гражданское значение и установило свой гражданский порядок для брака и развода, чуждый религиозных элементов. Это была реформа, давно назревшая, о которой мечтали наши либералы еще во времена царизма. Революционное государство не могло поступить иначе, и странной непоследовательностью, а вернее, чрезмерной уже осторожностью, со стороны Временного правительства было не установить гражданского брака и развода и принуждать к церковному лицемерию совсем неверующих граждан. Для церковных интересов тут действительно ущерба не предвиделось. Люди верующие, придававшие значение церковному освящению брака и церковному дозволению на развод, всегда могли обратиться к услугам церкви, наряду с получением гражданской санкции. А кто не хотел обращаться, тот, значит, был недостаточно послушным членом церкви, хотя бы от нее и не отрекался, и принуждать таких лиц к церковному браку и разводу было явным нарушением принципа свободы совести. Поэтому, церковь могла бы спокойно примириться с установлением гражданского брака и развода и ограничиться венчанием и разводом добровольно к ней прибегающих.

Вопрос этот, однако, не разрешился так мирно. Советские органы власти стояли всецело на почве декрета 23 янв., и инструкции к нему и старались именно разграничить сферы гражданскую и религиозную. Когда местные власти сразу не усвоили смысла закона и начали принудительно требовать от церковной стороны, чтобы она признавала и для себя обязательными гражданские браки и разводы, чтобы духовенство беспрекословно венчало граждански брачущихся и разводило граждански бракоразведенных, то комиссариат юстиции неизменно разъяснял, что государственная власть не вмешивается во внутренние церковные порядки и не считает возможным принуждать служителей культа к совершению каких-либо церковных действий (см. многократные разъяснения VIII отд. ком. юстиции в журн. «Революция и Церковь» 1919. № 1. стр. 37—39: № 2. стр. 42). Но, с течением времени, в виду занятой церковью позиции, тактика гражданской власти в данном случае несколько изменилась. Церковное управление, не желая совершенно сни-

таться с революционным законодательством, сохранила в неприкосновенности весь свой бракоразводный аппарат, дополнив лишь бракоразводный кодекс некоторыми новыми новеллами к разводу, установленными на церковном соборе. Действие этого аппарата в условиях революционной действительности явилось видимым диссонансом и отзывалось безболезненно на житейских отношениях, так как значительная народная масса, как в деле метрикации, долго не могла освоиться с новым порядком и не считала «крепкими» семейные отношения, построенные без церковного освящения. В виду такого положения вещей советская юстиция нашла нужным вмешаться, наконец, в церковные бракоразводные порядки, а по пути затронуть и вообще вопрос о существовании старого церковно-административно-судебного аппарата, не желая ни мало приспособляться к смыслу революционного законодательства. Отсюда появился весьма важный для церковной стороны циркуляр комиссариата юстиции «по поводу ст. 12 декрета об отделении церкви от государства» от 18 мая 1920 г. (Собран. Узак. 1920, № 45, ст. 206). Мы приведем этот циркуляр, так как его содержание хорошо выясняет правительственную точку зрения.

«Из многих местностей республики, говорилось в циркуляре, как от советских учреждений, так и от отдельных граждан, поступают сведения и жалобы, на то, что старые царские законы, в виде сборника измененного бывшего устава духовных консисторий, навязываются гражданским последним к обязательному исполнению гражданам, принадлежащим к православной религии, под страхом различных кар и угроз. Законы эти появились в виде определений т. н. Священного Собора, Синода и Высшего Церковного Совета Российской церкви.

Определения эти (например, от 4 марта 18 г.) объявляют, в угрожением религии акт прекращения гражданами своего брачного союза, произведенного хотя бы по обоюдному согласию супругов и санкционированного государственной властью по законам республики. Граждане, принадлежащие к православной религии по рождению и предшествующему воспитанию, прекратившие по новому закону брачный договор, совершенный ранее революции по старым царским, когда-то обязательным для русских подданных, законам, объявляются преступниками, клеймятся позорным названием прелюбодеев, подвергаются церковному проклятию, т. е. моральному насилию, на том лишь основании, что в области брачного права они не сочли возможным соблюсти требования старых царских законов, поручивших церковникам, как агентам старой власти, ведение следствия и судоговорения по обвинению одних супругов другими в прелюбодеянии, неспособности к сожительству и т. п. клуз-

ным поводам чисто уголовного или гражданского характера, не имеющего общего с религиозными таинствами и обрядами не имеющим.

Таким образом, старые консистории под видом епархиальных советов во главе с синодом используют свой традиционный авторитет в глазах многих граждан, не изживших еще своих предрассудков в области религиозного мировоззрения, и заставляют их под страхом вышеупомянутого опорочения личности и церковных кар и угроз вести в сущности нерелигиозный гражданский процесс по правилам старого царского формального судопроизводства, противоречащий законам советской республики и самым простым понятиям современной нравственности. В этом судебном процессе, как видно из «Временных правил делопроизводства о расторжении брачного союза, освященного церковью» принятых синодом 28 февраля 1919 г., установлены обязательные такие, марки и иные поборы в пользу церковной иерархии, допущены старые хлопоты по бракоразводным делам, свидетели (в том числе дети с 7-ми летнего возраста), медицинские освидетельствования, словом, весь аппарат старого бракоразводного унизительного процесса, возбуждающего к себе отрицательное отношение даже среди самих представителей иерархии, уничтожение коего в смысле приспособления церковного благословения браков в той или иной форме к действующему гражданскому браку нисколько не противоречит никаким канонам и всегда происходило и происходит фактически. Сами постановления собора от 2 IV и 2 IX 1918 г. вводят совершенно новые многочисленные поводы развода, не бывшие ранее в числе «канонических», как, напр., сифилис, отпадение от православия, проказа, противоестественные пороки, душевная болезнь, скопчество, сводничество, проституирование супругов, злонамеренное оставление супруга и т. п.

Такой обход советских законов, единственно призванных регулировать гражданские отношения граждан республики, и упорная претензия церковной иерархии сохранить за собой фактически право самостоятельного установления в духе царских законов норм семейственного права и их судебного отрицания или признания, при наличии до сих пор тесной связи между хозяйственными, экономическими интересами отдельных мелких хозяйств и формами брачного договора, приносит бесцельные страдания отдельным гражданам и дезорганизацию в жилищные отношения их, поскольку граждане эти не в состоянии были порвать с религией вообще.

В видах прекращения этой незаконной и дезорганизаторской деятельности церковников Наркомюст предлагает всем местным Губюстам прекратить деятельность бывших консисторий, ныне переименованных

званных в епархиальные советы, генеральные консистории и т. п., как бы они не назывались и к какому бы культу они не принадлежали, всюду, где эти последние ее осуществляют, опираясь на слегка измененные старые законы, вопреки декрета об отделении церкви от государства, декретам о суде, кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и иных законов Советской Республики, и где эти, воспрещенные ст. 12 декрета, религиозные организации присваивают себе—в качестве юридических лиц—судебные, розыскные, карательные, налоговые, финансовые, хозяйственно-административные функции, равно и привлекать лиц, виновных в дальнейшем осуществлении этих старых, уничтоженных революцией законов, к судебной ответственности».

Приведенный циркуляр, как видно, прибегал к самым решительным мероприятиям для сокрушения пассивного церковного сопротивления революционному законодательству. Церковная власть, видимо, полагала, что она может вести церковные дела о браке и разводе, как ей угодно,—и ошиблась. Игнорирование с церковной стороны новых государственных законов, в конце концов, поставило церковь лицом к лицу с опасностью разрушения всего ее административного аппарата. Дело в том, что изложенное распоряжение говорило, по поводу бракоразвода, о ликвидации всей деятельности церковных управлений, каковыми были епархиальные советы, где сосредоточивались не одни брачные, а и другие церковные дела. Неудивительно, что перед такой решительной мерой спасовала и стойкая церковная оппозиция. Патриаршее управление, чтобы сохранить от ликвидации управляющие церковные органы, позволило согласиться на предъявленные требования и отказаться от старых бракоразводных функций. Члены высшего церковного управления, во главе с патриархом, дали подписку, что «производство бракоразводных дел и связанные с этим производством судебные, розыскные, налоговые, финансовые и хозяйственно-административные функции в епархиальных советах, священном синоде и высшем церковном совете прекращаются» («Револ. и Церк» 1920, № 9—12, стр. 101). Некоторые архиереи после этого нашли лучшим разрешить приходским священникам венчание гражданских брако-разведенных лиц и без церковного развода (см. распоряжение красноярского епископа Назария в журн. «Револ. и Церк.» 1920, № 9—12, стр. 101). Вообще же церковная практика выработала теперь обыкновение производить церковную санкцию гражданского развода в упрощенном порядке, лишь благословением епископа. Тем не менее распоряжение Наркомюста имело свои суровые последствия для церковных учреждений. Многие епархиальные советы

были действительно ликвидированы гражданскими властями, а некоторые пошли и на скамью подсудимых (см., например, дело новгородского епархиального совета — «Рев. и Цер.» 1920, № 9—12, стр. 56, 104). Несомненно, что к решительным мерам побуждали советскую власть и другие причины, кроме бракоразводных функций епархиальных советов. Созданный собором аппарат церковного управления, базировавшийся на старом до-революционном фундаменте, представлялся правительству «государством в государстве», а «централизованные церковные учреждения» проводниками контр-революционных постановлений «высшего церковного управления и патриарха» (см. «Револ. и Церк.» 1920, № 9—12, стр. 89, отчет VIII отд. Наркомюста 8-му съезду советов). Исходя из такой точки зрения и III-й съезд деятелей советской юстиции в своей резолюции 25 июня 1920 г. высказался, что «по отношению к епархиальным советам и центрам церковного управления необходима выдержанная политика, направленная к лишению их всех остатков власти над гражданами, а также и фактической возможности использовать через хозяйственный свой аппарат огромные средства и суммы, предназначенные на организацию централизованной старой церковной власти, являющейся остатком царской правительственной организации» («Револ. и Церк.» 1920, № 6—8, стр. 117). Таким образом то обстоятельство, что церковь не хотела считаться с революционной обстановкой и строила свою жизнь так, как будто не было ни декрета 23 янв., ни других революционных законов о церкви, не послужило ей на пользу. Церковное отстаивание старых принципов церковного бытия и отказ приспособляться к новым условиям жизни вели только к новым ограничениям церковной деятельности и углубляли отрицательное отношение к церкви революционного государства.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПАТРИАРШЕЕ УПРАВЛЕНИЕ И ЕГО ПОЛИТИКА. КРУШЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ФРОНТА. ПОСЛЕДНИЙ АКТ ЦЕРКОВНОЙ ДРАМЫ.

I. Связь церкви с контр-революцией. II. Эпопея с разоблачением «мощей». III. Разложение церковного фронта. Начало отступления. IV. Церковь и голод. Вопрос об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих. Попытка в связи с этим восстановить церковный фронт. Внутренняя церковная революция. Крушение патриаршества. Ликвидация церковной борьбы с революционным государством.

I.

Итак, советская власть не пошла в «Каноссу» и не отступила перед церковным фронтом, организованным в 1918 году церковным

собором и высшим церковным управлением для борьбы против [illegible] об «отделении церкви». В ответ на церковную мобилизацию государство приступило к планомерному осуществлению январского закона и действительно провело его в жизнь. Осуществление это, конечно, не могло обойтись без столкновений. По заявлениям церковных руководителей, «стомиллионная православная Россия» поднимется, как один человек, за защиту церкви от «гонения», совершенно не оправдались. Ни крестные ходы, ни моления, ни устройство церковных братств не дали той [illegible] силы, на какую рассчитывали организаторы. Религиозный подъем, замечавшийся во многих местах, и особенно в столицах, в первую половину 1918 года, как-то сам собою спал. Мирские церковные элементы, хотя бы и организованные, не образовали того внушительного фактора, как думало духовенство. Правда, по местам, в отдельных случаях, миряне пробовали выступать с протестами, устраивать «охрану» храмов и т. п. Но все это в общерусском масштабе было незначительно. Отдельные выступления легко разбивались о мероприятия гражданской власти и не отличались энергичностью и широтой захвата народной массы. Очевидно, правы были те пессимисты в церковной среде, которые предупреждали собор и церковное общество, что ставка на народные массы весьма сомнительна. Церковный народ оказался пассивным и инертным и, видимо, далеко не так близко к сердцу принимал церковные «обиды». Для народной массы было непонятно, из-за чего собственно идет борьба, ради чего ее призывают жертвовать даже до потери «живота». Храмы по-прежнему стояли открыты, богослужение совершалось беспрепятственно, никто не мешал верующим удовлетворять свои религиозные потребности. Так в чем же дело? Для церковного народа было мало разницы, считается ли церковное имущество национализированным или церковным, раз пользование им доступно по-прежнему. А что касается материальных и правовых потерь церкви, то к ним народ относился довольно равнодушно. Интересы духовенства и иерархии не затрагивали народных чувств, а осязательных для себя результатов церковного владения народ никогда не видел. Русская церковь всегда стояла вдалеке от общеполезной общественной работы, а если принимала в ней участие, то за государственный счет, в качестве ведомства православного вероисповедания. Казенная, формальная постановка дела в дореволюционный период не снискала симпатий церкви, и отстранение духовенства революцией от школы, просвещения, благотворительности произошло незаметно и не вызвало особенных сожалений. Тут церкви приходилось расплачиваться за свои прошлые грехи, вольные или невольные—все равно. Около церковного знамени теперь сплотились [illegible]

лишь те элементы, которые вообще были недовольны революцией и мечтали о реакции. Неудивительно, что дворянство поднесло сочувственный адрес патриарху, провозгласившему анафему большевикам. (См. «Церк. Ведом.» 1918, № 7, стр. 324). К церкви стала тянуться и сочувственная к октябрьской революции интеллигенция, мелкая буржуазия, бывшее чиновничество и подобные слои населения, выбитые из колеи социальным переворотом. Но все это были случайные союзники и приверженцы, у которых не хватало главного: действительного удельного веса в новом государстве, да не хватало и подлинного церковного воодушевления. Если политические настроения влекли известные элементы в ограду «гонимой» церкви, то пользы от них для церковного дела было мало. Нечего и говорить, что они отнюдь неспособны были жертвовать не только жизнью для церковных интересов, а и чем-либо менее существенным. Церковь могла бы опереться лишь на народные низы, но они ей этой поддержки не оказали.

Жизнь очень скоро дала почувствовать церковным руководителям всю их изолированность и всю нетвердость почвы предпринятой соборной кампании «в защиту церкви». Церковный собор разошелся в начале сентября 1918 года, так и не окончив своей работы; разошелся «из-за недостатка средств», ибо рессурсы церковной казны быстро иссякли. Патриарх Тихон остался один, с созданным собором высшим церковным управлением («Священный синод» и «Высший церковный совет»), у кормила церковной власти. Положение его было незавидно. Сам патриарх вовсе не был боевым человеком. До революции это был, хотя и один из видных архиереев, но не выдающихся своею деловитостью. В сане епископа и архиепископа Тихон приобрел себе некоторые общественные симпатии своею порядочностью, мягкостью, умеренным либерализмом и отсутствием политиканского зуда и миссионерского фанатизма.—в чем были повинны многие его собратья. Долгое пребывание в Америке в первый период его служения наложило на Тихона известный отпечаток культурности и европеизма, умения держать себя в обществе.—чем опять не могли похвастаться обычные епископы-монахи грубоватой «самарской складки». Но у патр. Тихона совсем не было талантов «военачальника» в такое боевое время, как период революции, и на патриарший пост его поставил по истине случай жребия. Сторонники патриаршества, желавшие в лице патриарха получить «вождя», отнюдь не видели такого вождя в Тихоне и потому менее всего желали его видеть патриархом. Не даром он был последним из трех кандидатов, намеченных собором. За Тихона стояли отчасти церковные либералы, но также не потому, что видели в его лице подходящую фигуру, а просто потому

...то он казался более приемлемым лицом, когда приходилось выбирать ...меньшее из зол . Слабый, уступчивый характер патриарха не давал ...надежд, что он сумеет справиться с трудной задачей «водительства» ...ерковью среди революционной бури. Поэтому собор постарался окружить ...го более энергичными помощниками, избрав в состав синода наиболее ...боевых архиереев.

Однако, и синод, и высший церковный совет, куда прошли между прочим миряне-вдохновители политических выступлений собора, не в состоянии оказались подпереть не твердо стоявшее на ногах патриаршество. Все они, вместе с патриархом, были исполнены желания поддержать занятую собором оппозиционную октябрьской революции позицию. Но что могли они сделать, если в корне оказались ложными соборные рассчеты, если у церкви не было той опоры в народной массе, на какую она ошибочно рассчитывала? Им оставалось только поддерживать соборную политику и продолжать безнадежную борьбу, так как идти на компромиссы, на свой страх искать примирения с революцией у них не было ни смелости, ни охоты. Патриаршее управление так и поступило. Верное соборным директивам, оно не сдавало церковного фронта, не смотря на очевидную бесцельность противодействия декрету об отделении церкви. Когда началась планомерная реализация декрета, из церковного центра продолжали слаться послания в духе пассивного сопротивления декретным мероприятиям. Церковные власти на местах, по мере возможности, пробовали следовать патриарше-соборным указаниям. Но практически из этого выходили только ненужные осложнения, потому что помешать осуществлению декрета церковники не были в силах. Церковная агитация, где она была, навлекала одни неприятности на церковных деятелей и ревностных мирян в виде репрессий и судебных процессов. На скамью подсудимых садились и руководители приходских объединений (напр., громкое дело «объединенного совета московских приходов» в 1920 году, см. «Револ. и Церк.» 1920, № 9—12, стр. 89—91) и епископы (напр., дела епископов Константина могилевского и Виктора вятского,—«Револ. и Церк.» 1920, № 6—8, стр. 100—101), и священники и миряне. Еще больше участников церковного «противления» подвергались арестам, в том числе часто и члены высшего церковного управления. Отдельные лица нередко, быть может, и не заслуживали постигавших их несчастий. Но им приходилось расплачиваться за общую линию церковного поведения, направление которой оставалось неизменно враждебным революции.

Пробовали церковные власти и тактическим путем обойти революционное законодательство и удержать, хотя что можно, в руках

церкви из подлежащего ликвидации по декрету. Так, мы уже видели, для спасения монастырей устраивали монастырские коммуны. Для удержания в церковных руках метрикации рекомендовали не отдавать метрических книг, а копии. Для сохранения церковного развода удерживали старые бракоразводные порядки. Для удержания свечных заводов делали попытки поставить их на кооперативный лад. Но все подобные способы обычно кончались крахом: государство шаг за шагом прекращало церковную деятельность в этом направлении. Делали церковные деятели и опыты мирного овладевания социалистическим движением для приведения его в контакт с религией. Любопытный образчик такого опыта представляет образовавшееся в Москве в 1918 –1919 г.г. «христианско-социалистическая рабоче-крестьянская партия», видными деятелями которой были Н. Д. Кузнецов, свящ. Калиновский, а покровителем— патр. Тихон. Партия эта хотела создать что-то в роде христианского коммунизма и, очевидно, стремилась найти компромисс между церковью и социалистическими устремлениями народных масс и особенно рабочего класса. Однако, опыт этот был явно искусственный и, в конце концов, привел к судебному процессу, при чем по приговору суда партия была признана вредной, и ее деятельность скоро прекратилась. (См. «Рев. и Церк.» 1919, № 2, стр. 31—33).

Словом, фронт церковной борьбы с декретом 23 янв., развернувшийся в начале так широко, при соприкосновении с суровой действительностью оказался слабым и совершенно неспособным выдержать давление революции. Патриарх Тихон и его сотрудники, наверно, скоро поняли, что борьба проиграна, и если продолжали держать свой стяг, то больше в надежде на непрочность победы октябрьской революции. Что надежды эти питались в церковной среде, отрицать это было бы бессмысленно. Церковные элементы, несомненно, принадлежали к числу тех «чающих», которые в первые годы после октябрьского переворота никак не могли поверить в длительность нового режима. Вместе с интеллигенцией и буржуазией церковная среда все ждала, что вот-вот положение изменится и ограничительная политика социалистической власти уступит место более благоприятному для церкви режиму. Каков будет этот режим, монархический, конституционный или республиканский— для непримиримых церковных кругов было не важно. Важно было то, что всякий иной режим, по церковному упованию, был бы легче. Такие чаяния в период гражданской войны имели для себя, как будто, и некоторые основания. В ту пору и многим друзьям октябрьской революции порой казалось, что молодая, неокрепшая революционная государственность не выдержит трудной борьбы с противниками, наступавшими

извне и изнутри. Как бы то ни было, но все эти иллюзорные ожидания дали новой церкви сделать новую крупную ошибку. Она слишком не скрывала своих симпатий и антипатий и слишком явно тяготела к контр-революционному лагерю, окружившему Советскую Россию. Может быть, духовенство и не так часто принимало участие во внутренних выступлениях против советской власти, как то давали повод думать сконцентрированные газетные сообщения в период 1918—1919 г.г. Но слишком несомненно, что представители церкви, и высшие, и низшие, спешили обнаружить свое сочувствие анти-советскому режиму всюду, где он на время устанавливался. Так назыв. «белых» действительно, встречали с колокольным звоном. Торжественные благодарственные молебствия, хвалебные речи, радостные целования со стороны церковников обыкновенно сопровождали вступление в города анти-советских войск. Иерархи спешили предать анафеме советское правительство, когда выходили из пределов его досягаемости (напр., деяние сибирского собора при Колчаке); слали слезные моления о спасении иностранным оккупантам, как то сделал в Одессе митроп. Платон. Епископы апеллировали о защите гонимой русской церкви к враждебной России Европе и обращали жалобы даже к папе, побуждая западный мир к «крестовому походу» на Советскую республику. С такой жалобой обращался, например, омский епископ Сильвестр, и результатом ее была не лишенная интереса переписка папского двора с русским ком. иностр. дел. От 12 марта 1919 г. статс-секретарь папы кардинал Гаспари радиотелеграммой слал на имя наркома Чичерина папское увещание «уважать служителей религии», о преследовании коих в России папа осведомился «из серьезного источника». В ответ папский двор получил уверение, что религия в России не преследуется, а только рассматривается, как частное дело граждан, и если служители культа подвергаются репрессиям, то за политические деяния, а не за религиозные убеждения. (См. эту переписку в «Изв. ВЦИК» 1919 г., № 57).

Все это, конечно, не могло пройти бесследно для внутренних отношений между церковью и революцией. Высказывая без стеснения свои политические симпатии в царстве «белых», представители церкви давали основание определенно судить об их настроении вообще, и в царстве советской власти. Гражданская война и так обострила внутренние классовые отношения, набросила тень подозрения в не-лойяльности на все элементы населения, сторонившиеся революции. Колокольный звон по ту сторону советской границы легко достигал слуха революционной власти и набрасывал особо темную в ее глазах тень на церковную среду. При таких условиях обострение отношений государ-

ства и церкви в период 1918—1920 гг. становилось неизбежным. И в самом начале обнаружились некоторые факты, которые при других обстоятельствах могли и не иметь места.

II.

История с мощами началась случайно, в конце 1918 года. В связи с осуществлением декрета об отделении церкви, 22-го октября сего года в Александро-Свирском монастыре Олонецкой губ., при приеме на учет монастырского имущества, было обнаружено, что в литой раке Александра Свирского вместо мощей находится восковая кукла. Впечатление от такой находки, понятно, было ошеломительное. Местные советские органы и советская печать стали выказывать возмущение церковным обманом и распространять мысль о бессовестной эксплоатации религиозного чувства церковниками. Среди населения начались толки в том же роде, и на различных собраниях появились резолюции, требующие освидетельствования всех мощей вообще для разоблачения возможного обмана. Весть об олонецкой находке быстро распространилась по всей России, и во многих местах вопрос о мощах стал дебатироваться на собраниях, и стали выноситься также требования об освидетельствовании рак с мощами.

Советские власти охотно пошли навстречу таким требованиям и с своей стороны стали поощрять инициативу вскрытия мощей. Конечно, вмешательство в культ мощей не входило непосредственно в программу революционной политики, поскольку мощепочитание относилось к области внутренней церковной жизни и было делом верующего чувства. Но, с другой стороны, самый факт «обманных мощей» ставил вопрос об ограждении народных масс от недобросовестной игры на религиозном чувстве и наталкивал на вмешательство гражданской власти. Вместе с тем, для революционной государственности представлялся удобный повод развенчать церковный авторитет в глазах населения. Почитание мощей в православной церкви было давней традицией, одним из старинных устоев русского обрядового благочестия. Его особенно поощряли монастыри и монахи, для коих народное поклонение мощам приносило и не малую долю земных благ. На «мощи св. угодников» неоднократно собирался церковный московский собор, как на святыню, требующую защиты от «гонителей» и воодушевляющую борцов за церковные интересы. Низложение с пьедестала такой святыни было тяжким ударом для церковной стороны, подрывающим дух ее сторонников именно в самую критическую минуту, когда требовалось создать повышенное рели-

гиозное настроение. Но чем тяжелее был здесь удар для церкви, тем [illegible] представлялся целесообразнее с точки зрения революционной власти.

Руководящие центральные советские органы, однако, не считали возможным для себя прямое участие в разоблачении мощей, как мероприятии, непосредственно не вытекавшем из законов об отделении церкви. Они всецело предоставили инициативу в этом вопросе местному населению и местным советам, давая с своей стороны лишь указания регулирующего характера. Поэтому, когда тверской губисполком в начале 1919 года обратился в комиссариат юстиции с запросом об образе действий относительно мощей и просил об издании общего на этот счет циркуляра, то коллегия комиссариата (от 14 февр. 1919 г.) постановила: «1) В виду установления на местах вполне организованного порядка вскрытия мощей применительно к местным условиям (по постановлению съездов советов, губисполкомов, но всегда в присутствии представителей культа и врачебного персонала), особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу на местах. и 2) для устранения возможности использовать в дальнейшем обман с мощами предложить губисполкомам по истечении некоторого времени, достаточного для того, чтобы массы могли убедиться в обмане, открытые раки со всем содержимым после описи передать распоряжением губисполкомов для направления в местные музеи, в отделы церковной старины» («Рев. и Церк.» 1919, № 1, стр. 42). На запрос ярославской ликвидационной комиссии комиссариат юстиции ответил, что вскрытие мощей необходимо приветствовать, но поступать в этом случае следует осторожно. Вскрытие должно производиться «в наиболее благоприятное для данной операции время, отнюдь не во время богослужения и не в дни каких-либо скопления молящихся». Для участия при акте вскрытия необходимо приглашать представителей местных организаций, врачей и духовенство. Самый процесс вскрытия необходимо поручать представителям культа, а по окончании операции должен составляться протокол за подписями всех присутствующих». (Револ. и Церк.» 1919, № 1, стр. 42). Когда появились жалобы на злоупотребления (вскрытия тайком и с расхищением разных церковных вещей), то нар. комиссариат внутр. дел «строжайше» предписал: «В случае возникновения сомнений, в случае действительной надобности проверки, обследование должно производиться в присутствии ответственных членов советских организаций и уполномоченных от верующих и священнослужителей, а также в присутствии свидетелей, при чем должна быть составлена тщательная опись всех обнаруженных вещей и должен быть аккуратно написан и всеми уполномоченными и свидетелями подписан протокол всего обсле-

дования» (циркуляр. письмо от 28 февр. 1919 г.— «Револ. и Церк.» 1919, № 2, стр. 39).

Результаты предпринятого обследования мощей были, действительно, компрометирующие для церкви. Первые же опыты в этом направлении привели в смущение даже и друзей первоверников. То, что было найдено, совсем не мирилось с установившимися в церковном мире обыденными понятиями о мощах, как нетленном, сохранившемся теле. На поверку оказывалось, что в раках с мощами больше постороннего прикладу, чем костей умерших, да и то далеко не в сохранном виде. Вот, например, протокол вскрытия мощей Тихона Задонского: «При осмотре оказалось следующее... На поверхности две белые перчатки, изображавшие скрещенные руки... В изголовье гробницы оказался череп, обтянутый белой материей. По снятии белой материи оказался темный, выветренный без нижней челюсти череп, рассыпавшийся от прикосновения рук, приложенный к тряпкам, изображавшим туловище; далее, когда расстегнули и сняли ризу, оказалась черная материя, обшитая розовой шелковой лентой до самых ног. Была размотана лента и снята материя, после чего внутри, на месте груди, оказалось около пятнадцати штук воздушин, т. е. платков для покрытия церковных сосудов и куски белой ваты. Когда все упомянутое было снято, то обнаружена вторая обмотка красной шелковой лентой поверх старых монашеских ряс, совсем гнилых. Когда это было размотано, то обнаружены разные куски тряпок и ваты и одна литографическая, совсем новая карточка с изображением Тихона Задонского и Митрофана Воронежского. Место рук сверху обмотано позолоченной лентой старой материи, внутри же—разных сортов вата и тряпки. В левой руке вместо среднего пальца оказалась кость, обернутая ватой и тряпкой. Остальная часть кисти и руки состояла из тряпок и ваты. Ноги оказались около двух с половиной четвертей длины обутые в белые башмачки и шелковые чулки. Бедра и голени состояли, как и руки, из тряпок и ваты. В ступне оказались две кости полусгнившие, остальная ступень—тряпки и вата. При вскрытии тряпок, изображавших живот, извнутри поднялась пыль от гнилых тряпок в виде плесени». («Револ. и Церк.» 1919, № 2, стр. 16—17). Помимо того, в раках находили совершенно посторонние вещи, как-то коробки из-под сардинок, дамские туфли, брошки и т. п. Подобные находки встретились неоднократно. Самые же мощи везде были более или менее искусственно приспособлены к внешнему виду умершего человека.

Когда оказались такие результаты, то советская юстиция нашла тут повод и для прямого судебного вмешательства. Представителей ду-

ховенство стали привлекать к суду за подделку мощей, с целью эксплоатации народных масс. Процессы эти не влекли особых наказаний для обвиняемых, но сильно конфузили церковных деятелей и подрывали их общественным авторитетам. Сами церковные власти, вероятно, не сомневались, что мощи дадут столько скандального материала, и запаслись 9-м 19 февраля 1919 г. патр. Тихон разослал особое конфиденциальное письмо архиереям с распоряжением, не дожидаясь вскрытия мощей, принять меры к устранению всяких поводов к соблазну, т. е. своевременно удалить содержимое рак с мощами и убрать всякие постороннее предметы и искусственные приспособления. Архиереи отдали соответствующие приказания и начались чистка и приведение в порядок гробниц с останками. Но советская власть сочла нежелательным и эти самые мероприятия, зная в них возможность дискредитировать советское законодательство. За такие «подготовительные» действия стали также привлекать церковников к ответственности и предавать суду, главным доказательством которого, впрочем, состояло в публичном обнаружении тайных махинаций. (См., например, новгородское дело по этому поводу в журн. Рев. в Церк. 1920, № 9—12, стр. 45—53).

Всего до осени 1920 года по России было произведено 63 вскрытия мощей (см. сводку в журн. Рев. в Церк. 1920, № 3—12, стр. 74—81). Представители церкви старались, по возможности, предупредить применение этого мероприятия в каждом отдельном случае, воздействуя на местных представителей власти путем представления, чтобы устранить соблазнительную сцену. Так, в Петрограде митроп. Вениамин обратился в самых предупредительных выражениях с письмом к т. Зиновьеву, высказывая надежду, что благожелательное к церкви петроградское правительство не допустит в Петрограде этого смущающего верующих зрелища. Иногда, действительно, самим церковным управлением мощи не во всех местах были вскрыты, так как, мы знаем, на этот счет не было общего распоряжения, а все зависело от местных организаций и условий. Не удалось, однако, от осквернительного вскрытия уберечь мощи таких известных подвижников, как Тронце-Сергиева лавра. Хотя церковные представители, при поддержке местных церковных советов, всеми способами старались сохранить мощи, тем не менее, в большинстве случаев они подверглись исследованию и были взяты в государственные музеи. Вообще центральные власти стояли на той точке зрения, что в вопросе о мощах нужно последовательнее и решительнее тактику и что прежде всего избегать репрессий. В этом смысле высказался 2-й съезд деятелей советской республики (см. ч. 2 его резолюции от 25 июня), и в этом же

вместе был издан тем органом наркомюста, общий циркуляр от 25 авг. 1920 г. (Изв. ВЦИК и ПКК. 1920. № 6—8, стр. 124—125. Собр. Узак. 1920, № 73, ст. 336). Циркуляр признавал, что основное звено в деле изъятия наиболее рациональным способом экспроприации дальнейшей эксплоатации предметов и суеверий, и предписывал в изложенное следующее: 1) Местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и планомерно проводят планомерную работу, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом резкой нетактичности и болезненности при проведении своих мероприятий. 2) Ликвидация языческого культа мертвых тел, взятых к т. п. осуществляется путем передачи их в музеи. 3) Во всех случаях обнаруженных шарлатанства, фокусничества, фальсификации в иных уголовных деяний, направленных к эксплоатации темных масс со стороны отдельных служителей культа, так равно и организаций бывших состоятельных владельцев церквей,—отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, сообщая о таких, таким образом, ставшей на почву уже общественно-опасную. Государственная власть нашла вообще тут признаки деяний, опасных революционному законодательству, и выступала в качестве защитницы интересов малосознательной части населения.

III.

История с мощами чувствительно отозвалась на простых церковных местах населения. Как не старались представители духовенства разъяснить, что вера в святыни мощей совсем не требует полного истления святых останков. Эти разъяснения не могли удовлетворить обывательского чувства, действительно мученого искусственностью вскрытия мощей, сразу тягостно отталкивающего от всякого любопытного мистического прикосновения. Хотя и косвенным образом, но церковная сфера, как сильно, получила здесь существенный удар, ослабивший ее силы в предстоящей борьбе с наступлением революции. Между тем, церковный фронт и без этого колебался, ибо положение церковных дел становилось, с течением времени, все затруднительнее. Непримиримая политика собора и патриаршего управления изолировала церковь от революционной государственности и, не найдя никаких путей соглашения, все более отчуждала церковников. Церковная организация, наложенная сверху, начала трещать во всем низам, так как была создана в полном игнорировании нового законодательства, а на практике на каждом шагу должна была с ним сталкиваться. Центральная церковная касса была пуста.

либо предположенные способы ее пополнения оказались неосуществимыми. Нити управления, стягивавшиеся к Москве, стали подрываться, так как у административного церковного аппарата не было легального фундамента. Связи центра с епархиями ослабели, а епархии, предоставленные самим себе, беспомощно бились в тисках, созданных соборными и патриаршими прещениями на революционную власть и всех ее исполнителей и общающихся с ними. Епархиальные управления, стоя на нетвердой почве, не могли продуктивно работать и все общецерковные предприятия замерли, в том числе и духовное образование. Старые духовные школы ликвидировались, а новых богословских училищ, разрешенных законом, почти не открывалось. Положение духовенства в приходах было трудным, ибо необходимо было постоянно сталкиваться с новым строем, пассивное сопротивление коему составляло руководящую линию церковной политики. У духовенства не доставало и прочных связей с приходским населением, так как еще собор, в целях большей централизации, отменил даже выборное начало, введенное сплодом во времена Керенского. Словом, всюду чувствовалось, что церковь зашла в тупик, из которого выхода не предвиделось. Советская власть стояла твердо, «белые» терпели поражение и не приносили избавления. И по мере того, как рушились анти-советские политические фронты, неудержимо близился к крушению и фронт церковный. Нельзя было жить вне времени и пространства и не считаться с революционной действительностью, надежды на изменение которой исчезали.

Церковный фронт стал сдаваться медленно и постепенно,—но стал сдаваться несомненно уже в 1919 году, а тем более в 1920-м, когда гражданская война окончательно заканчивалась победой советской власти. Сначала поколебались, конечно, отдельные представители духовенства, которых заставляли к тому разные обстоятельства. Все чаще и чаще стали появляться так назыв. «отступники», большею частью просто снимающие с себя священный сан и открыто переходившие в лагерь революции. В газетах замелькали известия, что то там, то здесь, священники, диаконы заявляют о своем разочаровании в церкви и каются в своих прегрешениях перед народом и новым строем. Иные из них, снимая сан, делались даже коммунистами. Другие просто публично приносили покаяние и уверяли в преданности и сочувствии совегскому строю. За маленькими, рядовыми «воинами» церковного стана потянулись и церковные «генералы». Тобольский епископ Иринарх, например, после ликвидации колчаковщины, стал уверять, что при белых Омск и другие центры Сибири были библейским Содомом, что советская власть принесла мир и спокойствие и что политика отделения церкви от госу-

царства заслуживает полного сочувствия, а октябрьскую революцию следует приветствовать, как раскрепощение православной церкви. Вятский епископ Виктор, приговоренный судом к заключению, заговорил о полном невмешательстве церкви в политические дела и о подчинении не за страх, а за совесть рабоче-крестьянскому правительству, по слову апостола: нет власти не от бога, и противящийся власти противится божью установлению. Епископ уфимский Андрей, бежавший в Сибирь с Колчаком,—один из идейных иерархов.—подал заявление, в котором раскаивался в своих прежних нападках на советскую власть и заявлял, что он теперь приветствует отделение церкви и готов содействовать его осуществлению. Петроградский митроп. Вениамин и петроградское духовенство в своем вышеупомянутом представлении местным властям по поводу мощей (13 сент. 1919 г.) писали, что они всегда с сочувствием и удовлетворением встречали советскую церковную политику. Даже монахи, и те начали изменять воинствующему знамени. Общее собрание монахов Антониево-Сийского монастыря Архангельской губ., желая образовать трудовую коммуну, приняло, например, такую резолюцию: «мы.... уяснив все положение Р. С. Ф. С. Р., ее отношение к религии и все великие задания, намеченные декретами рабоче-кр. правительства, постановили—приветствовать советскую власть, как истинную выразительницу воли трудящихся масс: да здравствует царство труда и социализма и его вожди!». Сколько было искренности в этих покаяниях и приветствиях.—другой вопрос. Но на-лицо был несомненный факт: церковные бойцы шли на капитуляцию и отдавались на волю победителя.

Разложение церковного фронта оказывалось и в таких признаках, как отдельные попытки обособиться от патриаршей церкви и найти сепаратные пути примирения с революцией. Примером таких попыток может служить так назыв. «народная церковь» в Пензе, образовавшаяся по инициативе бывш. пензенского епископа Владимира (Путяты) и провозгласившая своей задачей: «1) восстановление во всей первобытной чистоте христианского евангельского учения, искаженного фарисейством князей церкви и 2) разъяснение широким слоям населения сущности советских узаконений в отношении церкви к государству, как вполне согласных с древнейшими соборными правилами и противоречащих лишь кастовым традициям духовного сословия позднейшего происхождения». Правда, эта «народная церковь» была немногочисленна, ибо ее вождь был слишком скомпрометирован своими скандальными похождениями еще до революции, и московским собором, а потом патриархом лишен и кафедры, и сана и даже отлучен от церкви. Но важно было то, что даже и за таким вождем пошли кое-кто из духовенства, лишь бы найти вы-

ход из создавшегося тупика. Были попытки и в другом роде. Приход Малокняжской церкви Горковской волости, Сальвигодского уезда в январе 1929 года постановил, например, «образовать у себя свободную независимую от патриарха и патриаршей власти общину, и жить самостоятельно. На попытку епархиальной власти прервать этот церковный «бунт» последовала жалоба в комиссию Ветлиных, которой поручено разъяснить, что группа верующих может пользоваться храмом независимо от подчинения какой-либо [illegible] организации (Револ. и Церк. 1929, № 6—8, стр. 61). Советский центр и в дальнейшем пришел к тому выводу, что никакая церковная группа может существовать, если хочет, самостоятельно, и никакая церковная епархия не может на такую самостоятельность посягать (см. «Револ. и Церк.» 1922, № 1—3, стр. 46). При такой постановке дела, логически, впрочем, вытекающей из декрет. об отделении церкви, расхождение церковных центров с приходскими общинами и отдельными группами на почве наличной церковной политики грозит новым разладом церковной организации, если в самое ближайшее время не найдут к этому пути.

Под влиянием грозных предостережений жизни не выдержало, наконец, своей непримиримой позы и патриаршее управление. В 1926 году патриаршие послания стали делаться уже мягче. Тон их заметно понизился по сравнению с 1918-м годом и в них зазвучали успокоительные ноты. На сцену выступил старый мотив об аполитичности церкви, о невмешательстве в политику и о примиримости христианства со всяким политическим строем, лишь бы он «не противоречил ему и благочестию». В таком духе было новое патриаршее послание в 1926 году. Здесь, положим, не ясно было, насколько церковь сдает прямо свои старые позиции, потому что вся церковная борьба была предпринята против «безбожных» тенденций революции, при чем безбожным полагалася и основной декрет об отделении церкви. Но если не прямо косвенно, по духу патриарших рассуждений было видно, что церковные руководители стали понимать свое поражение и необходимость, так или иначе, изменить фронт. Однако, для патриаршества сделать это было трудно. Два-три года борьбы оставили неизгладимый след в отношениях революции и церкви, и старым церковным волям уже невозможно было взять назад то, что было сделано. Патриаршее управление, может быть, охотно теперь отреклось бы от прежних заявлений и прежней тактики и не повторило бы тех ошибок, какие были допущены в пылу небывалых надежд и ослепленного церковного самолюбия. Но было поздно.

IV.

Впрочем, если жизнь и научила ценить церковные вещи, то очевидно недостаточно. Это показали события 1921—1922 г.г., когда в связи с вопросом о помощи голодающим разыгрался последний акт церковной драмы.

Мы уже знаем, что декретом об отделении церкви церковь лишена была всех прав собственности на движимое и недвижимое имущество, в том числе и на культовые богослужебные вещи, храмы и все церковные принадлежности. Все это было объявлено народным достоянием, и если храмы с их строениями были переданы в пользование групп верующих, то отнюдь не на правах владения, а только пользования. Хозяином их осталось государство. В числе переданных верующим имуществ были и ценности. Золото, серебро, драгоценные камни, служившие материалом для украшения церковных вещей, составляли большое богатство, находившееся повсюду. Со стороны революционной государственной власти было правильной и целесообразной мерой изъять эти ценности и обратить их в денежные средства, которые могли бы служить доказательства и могли бы быть использованы для государственных нужд. Но таких колебаний не было. Напротив, как мы видим, советские центральные органы устанавливали жесткие власти, когда те пробовали собирать церковные вещи. Государство отбирало ценности от храмов, но оставляло верующим церковные вещи, хотя бы и очень высокой стоимости.

Но вот раздался страшный голос в Поволжье, вызвавший засуху 1921 года. Размеры бедствия были столь огромны, что вызвали отклик во всем мире, даже враждебном советской России. Образовались международные организации для помощи русским голодающим. Внутри страны пришлось напрячь все силы для борьбы с несчастием. Но так как внутри государства хлеба было недостаточно, то приходилось закупать его за границей, а для этого нужны были реальные ценности. Вполне естественно, что в поисках средств, в конце-концов, внимание обратилось на хранившиеся в храмах бывшие церковные богатства, в виде ценных вещей всякого рода и возникал вопрос об их употреблении на помощь голодающим.

Голос этот был поставлен практически далеко не сразу, а уже в разгар кампании по борьбе с голодом. Сначала предполагалось только добровольное церковных ценностей в общем виде, в форме пожертвования, сбора в церквах и т. п., предложение самих представителей власти. Патр. Тихон в начале своих выпустил воззвание к верующим, призывая их к пожертвованиям на голодающих, а духовенство — к содействию

в этом направлении. Однако, таких пожертвований оказалось весьма немного. За полгода было собрано по церквам всего около 9 милл. руб. — сумма совершенно ничтожная. Тем временем голод разрастался. Из голодных мест приходили страшные вести о людоедстве, о том, как матери убивают и едят детей, как поедают стариков и старух, о голодных эпидемиях и проч. ужасах. Под влиянием всех этих обстоятельств советское общественное мнение заговорило о церковных ценностях. Стали указывать, что церковные драгоценности лежат в мертвом виде, когда миллионы людей невыносимо страдают от недостатка куска хлеба. Появились резолюции разных организаций о необходимости обращения церковных драгоценностей на дело помощи голодным. Эти голоса все разрастались и крепли, и среди них отдельными нотами зазвучали и голоса представителей церкви. Были священники и даже архиереи, которые находили, что церковь должна отозваться на голод более реально и, не возлагая надежд на скудные деяния верующих, предложить государству использовать ценные церковные вещи. В таком духе складывалось настроение прогрессивной части духовенства, начавшей понемногу отгораживаться от политики правящей иерархии. Но церковная среда, видимо, ждала все-таки указаний сверху, ждала патриаршего призыва. А патриарх молчал.

В феврале месяце 1922 года вопрос о церковных ценностях был поставлен, наконец, на очередь и в правительственных кругах. Повидимому, в связи с этим, наконец, отозвался и патр. Тихон. В средине февраля он выпустил новое послание к верующим, в котором шел уже дальше простых сборов и пожертвований прихожан, а именно — допускал возможность духовенству и приходским советам, с согласия общины верующих, на попечении которых находится церковное имущество, использовать находившиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески, в виде колец, цепей, браслет, ожерелья и другие предметы, жертвуемые для украшения св. икон, золотой и серебряный лом) на помощь голодающим. Но, очевидно, это было совсем не то, чего ждали от церкви. Самый тон патриаршего дозволения производил странное впечатление, а материальное содержание дозволяемых пожертвований было совсем ничтожно. Воззвание патриарха было тем большим диссонансом в создавшейся атмосфере, что оно появилось накануне правительственного распоряжения об изъятии ценностей.

23-го февраля состоялось постановление Всерос. Центр. Исп. Ком. (опубликов. в «Изв. ВЦИК» от 26 февраля, № 46) следующего содержания.

В виду настоящей необходимости спешно мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье, и для обсеменения его полей, ВЦИК в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества, постановил:

1) Предложить местным органам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина, со специальным назначением в фонд центральной комиссии помощи голодающим.

2) В целях планомерного проведения этого мероприятия... образовать в каждой губернии комиссию в составе ответственных представителей губисполкома, губкомзема и губфинотдела, под председательством одного из членов ВЦИК.

3) Пересмотр договоров и фактическое изъятие по описям драгоценных вещей производить с обязательным привлечением представителей групп верующих, в пользование коих вышеуказанное имущество было передано.

4) Изъятые имущества поступают в особый фонд и на особый учет, и обращаются исключительно на нужды помощи голодающим, по соглашению с Наркомфином и комиссией по учету, изъятию и сосредоточению ценностей.

5) О всех ценностях, поступивших из церковных имуществ, и их расходовании центральная комиссия помощи голодающим публикует периодически в печати.

Через несколько дней после опубликования этого постановления ВЦИК была опубликована (в № 47 от 28 февр. «Изв. ВЦИК») в дополнение к нему еще особая инструкция о порядке изъятия церковных ценностей, которая, между прочим, рекомендовала начинать изъятие с наиболее богатых храмов, монастырей и т. д., а группам верующих предоставляла право в протокол изъятия вносить все свои возражения по поводу передачи предметов, без коих отправление богослужения является невозможным.

Издавая эти распоряжения, государственная власть поступила, несомненно, вполне закономерно и по существу не внесла ничего нового в свои отношения к церкви. Церковное имущество со времени декрета об отделении церкви и так было государственным, так что изъятие ценных церковных вещей собственно было делом государственного распорядка. С чисто юридической точки зрения представлялась даже странным

такая постановка вопроса, что церковь сама могла пожертвовать бывшие в ней ценные предметы. Жертвовать чужое имущество она не могла, а могла только проявить свою инициативу высказав готовность сдать находящееся в церковном пользовании в пользу голодающих. Советская власть, видимо, и ждала этой инициативы, а не дождавшись, проявила ее сама. Подобная мера, как стоявшая на почве декрета 1918 г., возможна была со стороны государства в любой момент и оспаривать ее можно было бы лишь со стороны целесообразности. Но здесь для возражений не было места в виду действительно критического положения, созданного голодом. Конечно, церковные богатства были не чересчур уже велики. Но они были значительны и составляли солидный ресурс при недостатке золота и валюты. Насколько существенный вклад в фонд голодающих могла дать церковь, видно из позднейших результатов изъятия. По сведениям Наркомфина, к 1-му июля 1922 г. по всей Республике было изъято из церквей: золота 26 пуд. 38 ф., серебра 21.137 п. 11 фун., прочих ценных металлов—82 п. 10 ф., бриллиантов и алмазов 33.456 шт., весом 1.313 карат., жемчуга—10 ф. 76 зол., прочих драгоценных камней 72.383 шт., весом 1 п. 29 ф.; серебряной монеты на 19.064 р., золотой—на 1.595 р.; вещей с драгоценными камнями 49 п. 24 ф. На это можно было закупить много миллионов пудов хлеба и, пожалуй, целый год прокормить не одно Поволжье.

Не так, однако, посмотрели на дело церковные верхи и тем подготовили себе окончательное крушение. Совершенно не сообразились с обстоятельствами и забывая свежие уроки недавнего прошлого они увидели в изъятии ценностей новый повод возбудить церковный фронт и подняли снова шумиху о гонениях. Патр. Тихон, только что призывавший к пожертвованиям, вслед за распоряжением об изъятии издал от 28 февраля новое послание совсем такого рода, в духе наказных соборных посланий начала 1918 года. Здесь изъятие церковных вещей выставлялось святотатством, подлежащим анафеме на его участников, и духовенству и верующим рекомендовалось устраняться от этого дела и всячески противодействовать его осуществлению. Были также церковные мобилизации мирян, приходские собрания, подача реш. о выкупании из церквей остальных, еще оставшихся ценностей, выкрики: не отдадим, святыня и т. д. В Москве ветреный учащий в правительстве церковной кампанией взял на себя ближайший сотрудник патриарха, архиеп. Никандр. Духовенство получило подробные инструкции, как действовать, при чем по московским церквам были разосланы уже готовые образцы приходских протестов. Слова появились церковные

дружины»—добровольцы, взявшие на себя задачу охранять церковное имущество от изъятия. У многих церквей днем и ночью дежурили миряне, наблюдая, не грозит ли исполнители советских предписаний. Само собою понятно, что больше всего будировали реакционные элементы, подбивая церковные массы и подзадоривая самих архиереев. В Петрограде, например, безвольный митр. Вениамин проповедовал главным образом, своими советниками и собранием приходских советов, где звучали речи уже контр-революционного свойства. На сцену выступили старые матерые церковные черносотенцы и гудели, что нельзя отдавать ценности в руки власти, столь враждебной церкви, а таким образом ее поддерживать. Вопрос о голоде в сознании религиозных элементов неизбежно связывался с вопросом об общем политическом положении. Составилось голодом затруднения возродили надежду на близкое крушение революционной государственности. Воспрянули духом ее противники, а таковых в церковной среде было не мало. Эта роковая связь голодного бедствия с политическими вожделениями известных элементов сыграла не малую роль в церковной кампании по поводу ценностей. Тем временем, конечно, начались и «насильственные действия». Патриаршее послание, агитация духовенства и всеобщий шум сделали свое дело. Начались столкновения между мирянами-прихожанами и комиссиями по изъятию. Едва показывались представители власти в церкви, как собравшаяся толпа народа с ними неблагожелательными встречалась. Во исполнение патриарших приказаний духовенство старалось уклониться от всякого посредничества при актах изъятия, тем самым подчеркивая как бы двойное «святотатство», якобы совершаемого прикосновением к церковным предметам мирских рук. Это еще больше возмущало прихожан. Пассивное сопротивление иногда стало выливаться в форму более активную. Столкновения принимали характер физический, появились жертвы. Некоторые исполнители предписаний об изъятии подвергались насилиям и даже убийству. Совет растерявшиеся церковники желали попытки прятать драгоценности, словно забывая, что весь существует опись. Попытки эти, в большинстве случаев, кончались неудачей и только вызвали обвинение их членов в сокрытии ценностей, т. е. государственного имущества. В тех местах, как, например, в Петрограде, когда взяты разрешили желающим, если они желают, заменить подлежащие изъятию предметы церкви по их стоимости соответствующим количеством металла. Храмовые общ. приходами вещи серебряные ложки, посуду и т. д. Часть церковных предметов таким путем была действительно сохранена за церковью. Но, конечно, количество заложенных вещей в общем было незначительно.

Словом, церковь снова превратилась в «вооруженный лагерь», как четыре года тому назад, в первые месяцы после декрета об отделении церкви. Но общественная атмосфера вокруг этого лагеря, да и настроения внутри его, были далеко не те, что в 1918 году. Церковные руководители, фанатически цепляющиеся за остатки бывшего церковного достояния, словно забыв, что церковь подписывала договоры только о пользовании церковным имуществом, не учли неблагоприятной для них психологической обстановки момента. Церковные ценности брались на кормление голодающих, на спасение людей от смерти, и в массе церковного народа, хотя и смущенного церковной агитацией, теплилось сомнение, правы ли служители Христа, отстаивая золото и камни, к которым протягивались руки голодающих. Канонические аргументы о «святотатстве» были мало убедительны перед голосом простой человечности. Советское мероприятие считали необходимым и в такой части общества, которая далеко не была в лагере революции. В глазах же революции поднятая церковная борьба носила характер особенно одиозный и по чисто политическим мотивам. Как выше отмечено, вопрос о голоде связался с политическими чаяниями противников советской власти. А для церковной стороны такую связь словно нарочно подчеркнули нетактичные зарубежные церковники. В Сербии, в Карловицах, в декабре 1921 г. состоялся многолюдный собор заграничного русского духовенства (см. о Соборе—«Револ. и Церк.» 1922, № 1—3, стр. 24—26), с участием многих светских эмигрантов буржуазного типа, под председательством митроп. Антония Храповицкого. Судя по удивительной нетактичности собора, Антоний и был его вдохновителем. Этот церковный собор открыто взял на себя политическую миссию и, ни более, ни менее, как решил хлопотать о восстановлении в России династии Романовых. Сам Антоний потом отправился искать и претендента на будущий русский престол из остатков Романовского дома. Более химеричного предприятия трудно было бы придумать, но церковникам за границей такие предприятия ничего не стоили. Между тем, отзвук их в России приносил для русской церкви реальные последствия. Хотя патр. Тихон имел благоразумие осудить действия Антония и Карловицкого собора и по сему случаю даже сместил Антония с должности управляющего русскими заграничными церквями, заменив его Евлогием (впрочем, Евлогий и Антоний были старые друзья), но связь заграничных настроений с внутри-русскими напрашивалась все-таки сама собою. Церковные деятели в Карловицах были плоть от плоти российской бывшей официальной церкви и сам Антоний—духовный вождь реакционной части московского собора 1917—1918 г.г. и всего духовенства. Естественно рождалось

подозрение, что то, что у Антонии и его соратников за границей—на языке, то у российских церковных собратий—на уме. Карловицкое действо придало, поэтому, сгущенный политический оттенок церковной кампании по поводу изъятия ценностей. Ведь и заграничные церковники не случайно собрались в Карловицах в декабре 1921 года. Их привело туда и вдохновляло распространенное в анти-советских кругах за границей ожидание, что голод заставит октябрьскую революцию сдать свои позиции, устоявшие в гражданскую войну.

И внутри самой церкви не оказалось того единодушия, на которое рассчитывало патриаршее управление. Церковный фронт оказался не сплоченным, а разорванным с самого начала. Если уже в конце первого периода борьбы церкви против декрета об отделении началась церковная дезорганизация, то новая попытка мобилизации и новой войны встретила в части духовенства прямой отпор. За патриархом не сочли возможным пойти даже некоторые наиболее разумные архиереи. Архиеп. нижегородский Евдоким, например, заявил о полном сочувствии изъятию ценностей и пошел всецело навстречу гражданской власти. Кубанский епископ Иоанн выпустил воззвание, благословляющее декрет об использовании церковных драгоценностей. Многие священники и отдельные верующие стали заявлять о солидарности с правительственным мероприятием. Наиболее активно выступила группа петроградских священников во главе с свящ. Введенским, Белковым, Поповым и некоторыми другими. Свящ. Введенский еще в средине февраля напечатал воззвание с призывом о помощи голодающим, где указывал на необходимость обратить церковное золото и камни в хлеб. После патриаршего послания, когда петроградский митроп. Вениамин принял сторону патриарха, петроградская прогрессивная группа духовенства открыто заявила о своем расхождении с иерархическими директивами. Да, впрочем, и сами иерархи, солидарные с патр. Тихоном, на практике не выдерживали и, видимо, колебались. Так, тот же петроградский митр. Вениамин в своих переговорах с местными властями то уступал и выражал готовность на изъятие, то становился несговорчивым и требовал, чтобы распоряжение церковными ценностями в пользу голодающих было предоставлено самому духовенству и церковному народу. На пасху митр. Вениамин выпустил воззвание к пастве, где призывал к успокоению, прося не волноваться по поводу изъятия и предоставить дело на волю божию. Со своей стороны, Вениамин «своею архипастырской властью разрешал общинам верующих жертвовать на нужды голодающих» не только те предметы, которые дозволял патриарх в февральском послании, но «и другие церковные ценности, даже и ризы со св. икон, но не касаясь святынь

ризма, к числу которых относятся: [illegible] суды, дарохранительницы, кресты, епитрахили, престольная св. антиминсы, особо чтимые иконы. Но если грандиозная власть потребует изъятия этих вещей, митрополит призывал паству не противиться сему и воздерживаться от каких-либо эксцессов. Вообще же настроение петроградского митрополита колебалось в зависимости от окружающих. Острой власть говорила ему одно, а советники другое,—и он менял свои решения. В таком же трудном положении чувствовали себя и другие иерархи. Они не могли не видеть, что почва под ногами патриарха неустойчива и что волны ведут церковный корабль на опасную глубину.

Так оно и оказалось в конце концов: церковный корабль основательно сел на рифы, и церковный фронт рабочих, увлекая за собою само патриаршество. Церковные действия и выступления, вызванные патриаршим посланием, повели к неизбежному результату: контр-удару правительственной Немезиды. За противодекретные изъятия, агитацию против декрета 23 февр. и за скрытие ценностей стали привлекать к судебной ответственности, и начался целый ряд процессов церковников по всей России. Наиболее крупные процессы были—в Москве и в Петрограде. Московский процесс, начатый против отдельных лиц из духовенства-неполитической, превратился в конце концов в суд над самими церковными руководителями. Представшие пред судом в качестве свидетелей патриарх и архиер. Инсайдер судебных разбирательств были привлечены к суду, как инициаторы дискредитированных обвиняемым в процессе деяний. В Петрограде на скамье подсудимых оказался уже целый митр. Вениамин с главными деятелями братства приходских советов, сто здравствующего. Обе эти судебные процесса велись в условиях широкой гласности и получили громкую известность. Судебные приговоры были суровы, вплоть до смертной казни. Безусловное обвинение при этом определенно ставило в вину церковникам политический мотив—скрытое намерение к восстановлению советской власти под видом защиты церковных ценностей. Десятки кандидатов обоих занялись свое место в обнаружении подпольных нитей церковной контр-революции.

Московский судебный процесс, в связи с его открытым характером и судебной ответственности патр. Тихона, был нанесен решительным ударом патриаршеству. Временно внутри церкви перешло открытое восстание—и совершилась церковная революция. Во главе переворота стала оппозиционное патриаршей политике духовенство, объединенная петроградская группа с примкнувшим к ней в Москве архиеп. Антонием и некоторыми дру-

ний. Через несколько дней после окончания суда над московскими церковниками представители названной группы явились к патриарху (12 мая) и потребовали от него сложения своих полномочий впредь до созыва собора, во имя блага церкви. Патриарх уступил, отрекся от управления, а группа образовала из своих членов новое высшее церковное управление, своего рода „временное правительство" в церкви, взявшее власть до созыва нового всероссийского собора *).

От 14 мая революционная группа духовенства опубликовала (см. Известия ВЦИК. № 106) свою „декларацию — воззвание к верующим русской православной церкви, следующего содержания.

Братья и сестры о Христе!

В течение последних лет, по воле божией, без коей ничего не совершается в мире, в России существует Рабоче-Крестьянское правительство.

Оно взяло на себя задачу устранить в России жуткие последствия мировой войны, борьбу с голодом, эпидемиями и прочими неустройствами государственной жизни.

Церковь фактически осталась в стороне от этой борьбы за правду и благо человечества.

Верхи священноначалия держали сторону врагов народа.

Это выразилось в том, что при каждом подходящем случае в церкви вспыхивали контр-революционные выступления. Это было не раз. А теперь на наших глазах произошло такое гнусное дело с обращением церковных ценностей в хлеб для голодных. Это должно было быть радостным подвигом любви к погибающему брату, а превратилось в организованное выступление против государственной власти.

Это вызвало кровь. Пролилась кровь для того, чтобы не помочь Христу — голодающему.

Отказом помочь голодному церковные люди пытались делать государственный переворот. Воззвание патриарха Тихона стало тем знаменем, около которого сплотились контр-революционеры, одетые в черные одежды и платочки.

Но широкие массы народные и большинство рядового духовенства не пошли на их призыв. Совесть народная осудила виновников пролития крови, и смерть умирающих от голода падает тяжким упреком на тех, кто желает использовать народное бедствие для своих политических целей.

*) Более подробно о перевороте и дальнейшем церковно-революционном движении см. в моей книжке „Новая церковь". Петроград. 1923.

Мы, нижеподписавшиеся служители православной церкви, являющиеся выразителями широких церковных кругов, осуждаем действия тех иерархов и тех пастырей, которые виновны в организации противодействия государственной власти по оказанию помощи голодающим и в ее других начинаниях на благо трудящимся.

Церковь по самому существу своему должна являться союзом любви и правды, а не политической организацией, не контр-революционной партией.

Мы считаем необходимым немедленный созыв поместного собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении церковью и об установлении нормальных отношений между ней и Советской властью. Руководимая высшими иерархами гражданская война церкви против государства должна быть прекращена».

Эта декларация «революционной» церковной власти, каковою сделались подписавшие ее лица, является гранью нового периода в истории русской церкви. Церковный переворот знаменовал полную ликвидацию церковного фронта и крутой поворот в церковной политике: навстречу революции, прочь от старого прошлого, насквозь пропитанного традициями монархической эпохи. Новые элементы, взявшие в свои руки церковное управление, отрекались от всех деяний патриаршего периода и объявляли в корне ошибочным тот путь, по которому патриаршество, по вдохновению собора 1917—1918 г.г., повело церковь. Церковная революция брала на себя задачу примирения церкви с октябрьской революцией,—задачу, бесспорно, трудную после всего, что было за эти годы. Но выполнение этой задачи—уже вопрос будущего нового периода истории церкви.

Так сошло со сцены обновленное русское патриаршество, видимо, не в добрый час задуманное церковной реакцией, одолевшей передовые силы церковно-освободительного движения. Относительно этого детища московского собора, кажется, сбылись худшие предсказания соборной оппозиции.

БИБЛИОТЕКА УД ИК ВКП(б)

Указатель личных имен:

Аланиг, еп. 34.
Аларнигал, еп. алеутский 27.
Архангел, архиеп. ярославский 88.
Александр I Павлович 43.
Александр II Николаевич 7.
Александр Свирский 175.
Александра Федоровна, имп. 42.
Алексей, еп. тобольский 51—53.
Алексей Михайлович, в. кн. 5.
Андрей, еп. уфимский 30, 88, 181.
Антоний (Вадковский), митр. петроградский 7—9, 13, 14, 17, 22, 26, 29, 42, 50.
Антоний (Храповицкий), еп. волынский 7, 17, 18, 21, 26, 31, 42, 43, 45, 46, 51, 52, 57, 91, 92, 94, 97, 188, 189.
Антонин, архиеп. 190.
Арсений, еп. псковский 24.
Арсений, еп. новгородский 26.

Белков, свящ. 189.
Бонч-Бруевич, В. 132.
Булгаков, С. Н. 98, 101, 103, 104, 112, 128.
Бутлеров, Т. 57.

Варнава, еп. 52.
Введенский, А. И., свящ. 59, 139.
Вениамин, митр. петроградский 106, 118, 178, 181, 187, 189, 190.
Виктор, еп. вятский 181.
Витте, С. Ю. 7, 12—14.
Владимир, митр. московский 9, 17, 18, 50, 53, 86.
Владимир, митр. киевский 129.
Владимир, еп. пензенский 181.
Волынин, А. Н. 40, 87.
Восторгов, свящ. 59.

Гапон, Гр. 7, 9, 10, 11.
Гаспари, кардинал 174.
Гермоген, еп. саратовский 45—49.
Горев, М. 150.
Горький, М. 126.
Гурский, нар. комиссар 132.

Дамаскин, архиеп. херсонский 24, 26.
Достоевский, Ф. М. 12.
Дубровин, А. И. 26.

Евдоким, архиеп. нижегородский 189.
Евлогий, архиеп. холмский 31, 46, 188.
Елизаров, нар. комиссар 132.

Зиновьев, Г. Е. 178.

Илиодор (Труфанов), иером. 46, 47—49.
Иоанн, еп. кубанский 189.
Иосиф, Астраханский 137.
Ипполит, еп. 87.

Калиновский, свящ. 173.
Карташев, А. В. 79, 84.
Керенский, А. Ф. 69, 72, 86, 95, 106, 112, 180.
Кирилл, еп. 71.
Колчак А. В. 171, 181.
Кокошкин, Ф. Ф. 167.
Корнилов, Л. Г. 69, 70.
Кудрявцев, проф. 94.
Кузнецов, Н. Д. 173.

Ленин, В. И. 118, 132.
Львов, В. Н. 56, 76, 77, 79, 86, 88.
Лукьянов, С. М. 45.

Макарий, митр. московский 50, 51, 86, 88.
Митрофан Воронежский 177.
Митрофан, еп. донской 130.
Михаил, еп. самарский 88.

Назарий, еп. красноярский 168.
Никандр, архиеп. 186, 190.
Николай II Александрович 60, 77.
Никон, патр. 5.
Никон, еп. вологодский 24, 46, 51.

Оболенский, кн. А. Д. 15.

Пантелеймон, еп. 91, 92.
Петр I Алексеевич 5, 6, 12, 14, 38, 75.
Питирим, митр. петроградский 41, 53, 54, 56.
Платон, митр. одесский 174.
Платон, экзарх Грузии 58.
Победоносцев, К. П. 7 — 10 12 — 15.
Положов, свящ. 139.
Попов, Д. И., свящ. 59, 189.
Пуришкевич, В. М. 56.

Раев. Ц. П. 40, 41, 52, 54 — 56, 87.
Распутин-Новых, Григ. Еф. 41, 44 — 46, 49 — 55, 60, 77, 88.
Решетниковы 51.
Родзянко, М. В. 34.

Саблер, В. К. 29 — 37, 39 — 41, 45 — 47, 49 — 53.
Самарин, А. Д. 52, 53, 40, 126, 132.
Сераписон. иером. 52.
Сергий (Старогородский), арх. финляндский 27, 31, 42, 45 — 47, 88.
Сильвестр, еп. омский 174.
Скворцов, свящ. 39.
Софроний Иркутский 137.

Тихвинский, Федор, свящ. 22, 23.
Тихон Задонский 177.
Тихон, патриарх 97, 107, 108, 113, 119, 122, 131, 171, 173, 178, 182, 184, 186, 188, 189, 190, 191.
Толстой, Л. Н. 49.
Трубецкой, кн. Н. Е., 92, 101, 119, 128.

Федор, еп. 50.
Феофан, еп. 42 — 45, 47.
Флавиан, митр. киевский 9, 53, 87.
Фотий, архим. 43.

Чичерин, нар. комиссар 174.

Шингарев, А. И. 107.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Глава первая. До-революционное положение церкви 3

Глава вторая. Церковь и освободительное движение 7

I. Режим К. П. Победоносцева. Гапон. Первые церковно-освободительные попытки. Вопрос о церковных преобразованиях в особом совещании 1905 г. Победоносцев и Витте. II. Революция 1905 года и связанный с ней церковно-освободительный подъем. Борьба церковных либералов и реакционеров в 1906 году. Два Антония. Предсоборное присутствие. Проект „куцей" соборности.

Глава третья. Церковь в период конституции 20

I. Союз церкви с политической реакцией. II. Саблеровщина и открытая борьба церкви с конституционным строем. III. Распутинская эра в церкви. Разложение церковных верхов.

Глава четвертая. Церковь и февральская революция 55

I. Отношение церковных элементов к февральской революции. Эволюция этого отношения. Политическая реакция в церкви. II. Вопрос об отношении государства и церкви в постановке февральской революции. III. Церковно-освободительная работа в первые месяцы революции. Нарождение церковной реакции. Московский собор и патриаршество.

Глава пятая. Церковь в первое время после октябрьской революции 95

I. Восстановление собором патриаршества в первые дни после октябрьского переворота. Первоначальная позиция новой государственной власти по отношению к церкви. Первые церковные мероприятия революции. II. Враждебное отношение церкви к октябрьской революции. Первые соборные выступления против новой власти. Начало „войны" церкви с государством. Анафема патриарха.

Глава шестая. Декрет об отделении церкви от государства. . 109

I. Текст декрета. II. Оценка декрета.

стр.

Глава седьмая. Борьба церкви против декрета об отделении . 118

I. Организация церковного фронта. II. Практика церковной войны. III. Церковные переговоры с Советской властью. Их неудача. IV. Окончательный разрыв церкви с революционной государственностью и укрепление фронта церковной борьбы.

Глава восьмая. Осуществление декрета об отделении церкви . 140

I. Переход к реализации декрета об отделении. Общие ретроспективные нормы. Инструкция 24 авг. 1918 г. и циркуляр 3 янв. 1919 г. II. Дополнительные разъяснения относительно порядка национализации богослужебных зданий и имуществ. III. Ликвидация монастырей. IV. Постановка религиозного обучения, правового и материального положения служителей культа в рамках декрета об отделении церкви. V. Гражданская регистрация, гражданский брак и развод. Безуспешность церковного противодействия в этом направлении.

Глава девятая. Патриаршее управление и его политика. Крушение церковного фронта. Последний акт церковной драмы 159

I. Связь церкви с контр-революцией. II. Эпоха с разоблачением „мощей". III. Колебание церковного фронта. Начало отступления. IV. Церковь и голод. Вопрос об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих. Попытка, в связи с этим, восстановить церковный фронт. Внутренняя церковная революция. Крушение патриаршества. Ликвидация церковной борьбы с революционным государством.

Указатель личных имен. 193

Оглавление. 195